

ISSN 1990-8466 (Print)
ISSN 2413-1024 (Online)

ВЕСТНИК

ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

BULLETIN

OF THE SOUTH URAL
STATE UNIVERSITY

СЕРИЯ

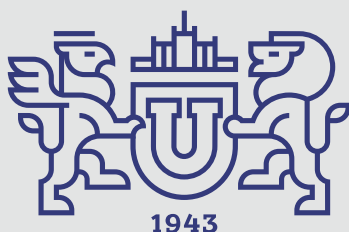
**СОЦИАЛЬНО-
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

2025, том 25, № 4

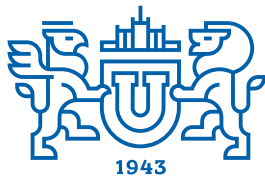
SERIES

**SOCIAL SCIENCES
AND THE HUMANITIES**

2025, volume 25, no. 4

ВЕСТНИК

**ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**2025
Т. 25, № 4**

ISSN 1990-8466 (Print)
ISSN 2413-1024 (Online)

СЕРИЯ

«СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Решением ВАК России включен в Перечень рецензируемых научных изданий

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»

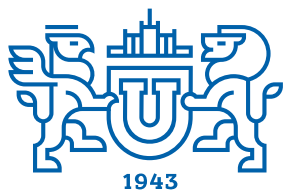
Основной целью журнала является продвижение новейших исследований в области социально-гуманитарных наук: исторических, филологических (литературоведения и журналистики), искусствоведения. Приоритетное право на публикацию имеют результаты качественных исследований по истории, историографии, источниковедению, искусствоведению, методологически актуальные исследования в области литературоведения и журналистики, результаты исследований общих методологических вопросов социально-гуманитарных наук.

Редакционная коллегия

д. филол. н., доц. **Шестеркина Л. П.**
(гл. редактор),
д. филол. н., проф. **Семьян Т. Ф.**
(зам. гл. редактора)
д. ист. н., проф. **Сибиряков И. В.**
(зам. гл. редактора),
к. социол. н., доц. **Салганова Е. И.**
(отв. секретарь),
к. филол. н., доц. **Афанасьев А. С.**
д. филол. н., проф. **Варганова Е. Л.**
д. ист. н., проф. **Епимахов А. В.**
д. филол. н., доц. **Лободенко Л. К.**
д. ист. н., доц. **Никонова О. Ю.**
д. ист. н., д. искусств., проф. **Парфентьев Н. П.**
д. искусств., проф. **Парфентьева Н. В.**
к. филол. н. **Смышляев Е. А.**
д. ист. н., проф. **Таиров А. Д.**
Ph. D., проф. **Шенк Б.**

Редакционный совет

академик РАН, д. ист. н., проф. **Алексеев В. В.**
д. ист. н., проф. **Ахметова Л. С.**
Ph. D., проф. **Баберовски Й.**
Ph. D., проф. **Байрау Д.**
Dr. habil **Буренина-Петрова О. Д.**
к. филол. н., доц. **Градюшко А. А.**
Ph. D., проф. **Ичин К.**
Ph. D., проф. **Кайзер Э.**
д. искусств. **Москалюк М. В.**
д. ист. н. **Нарский И. В.**
д. ист. н. **Самашев З. С.**
Ph. D., проф. **Хелльбек Й.**

BULLETIN

OF THE SOUTH URAL
STATE UNIVERSITY

SERIES

2025

Vol. 25, no. 4

“SOCIAL SCIENCES
AND THE HUMANITIES”

ISSN 1990-8466 (Print)
ISSN 2413-1024 (Online)

Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta.
Seriya “Sotsial'no-gumanitarnye Nauki”

South Ural State University

The main purpose of the journal is to promote the latest research in the field of social and humanities sciences: historical, philological (literature and journalism), art history. Priority is given to publishing the results of qualitative research in history, historiography, source studies, art criticism, methodologically relevant research in the field of literary studies and journalism, the results of research on general methodological issues of social and humanities sciences.

Editorial Board

Shesterkina Lyudmila Petrovna, editor-in-chief, D. Sc. (Philology), associate professor
Semyan Tatiana Fedorovna, Deputy Chief Editor, D. Sc. (Philology), professor
Sibiryakov Igor Vyacheslavovich, Deputy Chief Editor, D. Sc. (History), professor
Salganova Elena Ivanovna, executive secretary, Cand. Sc. (Sociology), associate professor
Afanasiev Anton Sergeevich, Cand. Sc. (Philology), associate professor
Lobodenko Lidia Kamilovna, D. Sc. (Philology), associate professor
Nikonova Olga Yurievna, D. Sc. (History), associate professor
Parfentyeva Natalia Vladimirovna, D. Sc. (Art History), professor
Parfentyev Nikolay Pavlovich, D. Sc. (History), D. Sc. (Art History), professor
Smyshlyaev Evgeny Alexandrovich, Cand. Sc. (Philology)
Schenk Benjamin, Ph. D., professor
Tairov Alexander Dmitrievich, D. Sc. (History), professor
Vartanova Elena Leonidovna, D. Sc. (Philology), professor
Yepimakhov Andrey Vladimirovich, D. Sc. (History), professor

Editorial Council

Alekseev Veniamin Vasilyevich, academician of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (History), professor (Russian Federation)
Akhmetova Laila Seisembekovna, D. Sc. (History), professor (Kazakhstan)
Baberowski Joerg, Ph. D., professor (Germany)
Beyrau Dietrich, PhD, professor, Tübingen University (Tübingen, Germany)
Burenina-Petrova Olga Dmitrievna, Dr. habil (Switzerland)
Gradyushko Alexander Aleksandrovich, Cand. Sc. (Philology), associate professor (Belarus)
Ichin Cornelia, Ph. D., professor (Serbia)
Jochen Hellbek, PhD, professor (USA)
Kaiser Elke, Ph. D., professor (Germany)
Moskalyuk Marina Valentinovna, D. Sc. (Art History), professor (Russian Federation)
Narsky Igor Vladimirovich, D. Sc. (History) (Russian Federation)
Samashev Zainolla Samashevich, D. Sc. (History) (Kazakhstan)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии.....	5
Исторические науки	
АНДРЕЕВ А. Н. Храмоименование как ценностный выбор и политическая стратегия: о названиях католических храмов в России XVII–XVIII вв.....	6
ВАСИЛЬЕВ Д. Е. Дореволюционное чиновничество Российской империи и Южного Урала: основные тенденции и перспективы изучения.....	15
ГРИШИНА Н. В. Диссертации военного времени в региональном измерении (опыт Челябинского института механизации сельского хозяйства, 1944–1945 гг.).....	26
ОКУНЕВА М. О. Деятельность межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия субъектов РФ в сфере управления наукой в 1990-е годы.....	34
Искусствоведение	
ВИЛЬЧИНСКАЯ-БУТЕНКО М. Э., ЛЮЙ С. Цифровой скульптинг и уличное искусство: точки соприкосновения.....	45
ЗАЙЦЕВА В. В. «Восемь русских народных песен» А. К. Лядова: особенности оркестровки.....	54
СОКОЛОВА Н. Л. Струнные квартеты композиторов Южного Урала в свете некоторых тенденций развития жанра в отечественной музыке второй половины XX века.....	61
Литературоведение. Журналистика	
ЕВСЕЕВ М. В. Особенности развития корпоративных коммуникаций в сетевом обществе: мультимедиа, кросс-медиа и трансмедиа.....	67
КОРНИЛОВА Л. Н., ЛОБОДЕНКО Л. К., ЧУЙДУК А. А. Экологическая информационная повестка дня как элемент имиджевой структуры промышленного региона.....	76
ПЕЛИХОВ Д. А. Переводческие трансформации и передача на русский язык лексических особенностей повести Анны Червинской-Рыдель «Моя бабушка любит Шопена»: опыт перевода.....	84
ЧУЙДУК А. А. Особенности коммуникативных стратегий СМИ в контексте формирования экологического имиджа региона.....	91
ШАЛЫГИНА О. В. Платоновский диалог в «Монологам старого энтузиаста» Акима Волынского.....	100
Рецензии	
МИРОШНИЧЕНКО М. И., ЖУРАВЛЕВА В. А., ПАЛЕЦКИХ Н. П. Рецензия на книгу «Запарий Владимир Васильевич. Биобиблиографический справочник» (Екатеринбург, 2023).....	107

CONTENTS

From the Editorial Board	5
Historical studies	
ANDREEV A. N. Church naming as a value choice and political strategy: the names of Catholic churches in 17 th –18 th century Russia.....	6
VASILEV D. E. Pre-revolutionary bureaucracy of the Russian Empire and the Southern Urals: basic trends and prospects for study.....	15
GRISHINA N. V. Wartime dissertations in the regional dimension (experience of Chelyabinsk Institute of Agricultural Mechanization, 1944–1945).....	26
OKUNEVA M. O. Interregional associations of economic cooperation of the subjects of the Russian Federation activity in the field of science management in 1990s.....	34
ART CRITICISM	
VILCHINSKAYA-BUTENKO M. E., LYUI S. Digital sculpting and street art: points of contact.....	45
ZAYTSEVA V. V. <i>Eight Russian Folk Songs</i> by A. K. Lyadov: features of orchestration.....	54
SOKOLOVA N. L. String quartets by composers of the Southern Urals in the light of some tendencies of genre development in russian music of the second half of the XX century.....	61
Literary criticism. Journalism	
EVSEEV M. V. Features of the development of corporate communications in the network society: multimedia, cross-media, and transmedia.....	67
KORNILOVA L. N., LOBODENKO L. K., CHUIDUK A. A. Environmental information agenda as an element of the image structure of an industrial region.....	76
PELIKHOV D. A. Translation Transformations and rendering lexical features into Russian in Anna Czerwinska-Rydel's novella <i>My Grandma Loves Chopin</i> : translation experience.....	84
CHUIDUK A. A. Features of media communication strategies in the context of framing the environmental image of a region.....	91
SHALYGINA O. V. Platonic dialogue in <i>The Monologues of an Old Enthusiast</i> by Akim Volynsky.....	100
Reviews	
MIROSHNICHENKO M. I., ZHURAVLEVA V. A. PALETSEV N. P. Review of the book "Zapary Vladimir Vasilievich. Biobibliographic guide" (Ekaterinburg, 2023).....	107

От редакционной коллегии

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается выпуск «Вестника Южно-Уральского государственного университета» в серии «Социально-гуманитарные науки». Цель данной серии – представить научному сообществу новейшие исследования в сфере социально-гуманитарного знания.

Раздел «Исторические науки» посвящен различным аспектам этой научной отрасли. В статье А. Н. Андреева «Храмоименование как ценностный выбор и политическая стратегия: о названиях католических храмов в России XVII–XVIII вв.» описаны предпочтения при наименовании католических храмов в России XVII–XVIII вв., на начальном этапе интеграции католицизма в российское культурное пространство. Д. Е. Васильев в статье «Дореволюционное чиновничество Российской империи и Южного Урала: основные тенденции и перспективы изучения» анализирует состав и социально-политические характеристики чиновничества региона накануне революции, а также исследует основные направления и методологические подходы для дальнейшего изучения данного явления. Н. В. Гришина в статье «Диссертации военного времени в региональном измерении (опыт Челябинского института механизации сельского хозяйства, 1944–1945 гг.)» исследует специфику научной деятельности в условиях военного времени на примере исследований Челябинского института механизации сельского хозяйства. М. О. Окунева в статье «Деятельность межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия субъектов РФ в сфере управления наукой в 1990-е годы» рассматривает процессы координации и сотрудничества в научно-управленческой сфере среди регионов России в условиях постсоветских трансформаций.

В разделе «Искусствоведение» представлены исследования, освещающие актуальные аспекты изучения различных видов искусства. В статье М. Э. Вильчинской-Бутенко и С. Люй «Цифровой скульптинг и уличное искусство: точки соприкосновения» анализируется влияние цифровых технологий на развитие уличного искусства и исследуются точки взаимодействия между этими формами выражения творчества. Статья В. В. Зайцевой «Восемь русских народных песен» А. К. Лядова: особенности оркестровки» посвящена анализу оркестрового цикла А. К. Лядова «Восемь русских народных песен» с точки зрения выявления приемов оркестрового письма композитора, помогающих ему создавать особый колорит звучания оркестра. Н. Л. Соколова в статье «Струнные квартеты композиторов Южного Урала в свете некоторых тенденций развития жанра в отечественной музыке второй половины XX века» впервые рассматривает квартетное творчество композиторов Южного Урала в свете тенденций, характерных для развития жанра смычкового квартета в отечественной музыке второй половины XX столетия.

В разделе «Литературоведение. Журналистика» представлены статьи, освещающие важные аспекты филологической отрасли. М. В. Евсеев в статье «Особенности развития корпоративных коммуникаций в сетевом обществе: мультимедиа, кросс-медиа и трансмедиа» анализирует новые формы и методы взаимодействия в коммуникационном пространстве сетевого общества, уделяя внимание мультимедийному контенту. Л. Н. Корнилова, Л. К. Лободенко, А. А. Чуйдук в статье «Экологическая информационная повестка дня как элемент имиджевой структуры промышленного региона» анализируют роль экологической информационной повестки в формировании имиджа промышленного региона. Статья Д. А. Пелихова «Переводческие трансформации и передача на русский язык лексических особенностей повести Анны Червинской-Рыдель “Моя бабушка любит Шопена”: опыт перевода» посвящена анализу переводческих трансформаций, возникающих при передаче на русский язык лексических и стилистических особенностей повести Анны Червинской-Рыдель. В статье А. А. Чуйдук «Особенности коммуникативных стратегий СМИ в контексте формирования экологического имиджа региона» исследуются коммуникативные стратегии средств массовой информации, направленные на создание и поддержание экологического имиджа региона. О. В. Шалыгина в статье «Платоновский диалог в “Монологах старого энтузиаста” Акима Волынского» рассматривает особенности платоновского диалога как литературного приёма в творчестве литературного критика и философа Акима Волынского.

В разделе «Рецензии» представлен критический обзор книги «Запарий Владимир Васильевич. Биобиблиографический справочник» (Екатеринбург, 2023) М. И. Мирошниченко, В. А. Журавлевой и Н. П. Палецких.

ХРАМОИМЕНОВАНИЕ КАК ЦЕННОСТНЫЙ ВЫБОР И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ: О НАЗВАНИЯХ КАТОЛИЧЕСКИХ ХРАМОВ В РОССИИ XVII–XVIII вв.

А. Н. Андреев

*Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва,
Российская Федерация*

Названия российских католических храмов, помимо демонстрации религиозных ценностей католиков, отражают развитие межконфессионального диалога, от состояния которого зависел успех модернизации России раннего Нового времени. Цель статьи состоит в выявлении предпочтений при наименовании католических храмов в России XVII–XVIII вв., на начальном этапе интеграции католицизма в российское культурное пространство. Ее актуальность определяется неослабевающим вниманием историков к исследованию вопросов политико-религиозного взаимодействия России и стран Запада. Теоретической основой исследования выступает семиотический подход, конкретно – семиотика языка и коммуникативная теория исторического процесса. Сделан вывод о том, что католики обыкновенно посвящали церкви святым, тезоименным монаршим особам, тем самым прославляя российских царей и цариц, выражая солидарность с их политикой. Такой подход к храмоименованию отражает принципы удвоения образа и эмблематичности имени, характерные для культуры барокко. Московские католики, в сравнении с петербургскими, подходили к задачам храмоименования более творчески, на уровне знаков стремясь представить католичество «родным» для русских, апеллируя названиями своих костелов к старомосковским традициям. В целом, священники и миряне, от которых зависел выбор названия, проявляли готовность к поддержанию мирных межконфессиональных отношений.

Ключевые слова: храмоименование, католические церкви в России, межконфессиональные отношения, ценностный выбор, политическая стратегия.

Введение

Названия храмов и часовен, выступая составной частью историко-культурного наследия народов России, несут в себе культурные и конфессиональные коды, свидетельствуют о религиозных предпочтениях населения. Существует немало исследований, посвященных названиям православных храмов в конфессиональном пространстве российских регионов [1, 2], однако попытки изучения католического храмоименования до сих пор не предпринимались. Между тем выбор святых или праздников для освящения престолов в российских костелах способен не только рассказать о религиозных ценностях католиков, но и показать пути развития межконфессионального диалога, от которого зависел успех модернизации России раннего Нового времени. Ксенофобия и неприятие западных «еретиков», свойственные российской культуре допетровской эпохи, мешали модернизации страны, и изучение способов преодоления этой традиционной неприязни по-прежнему актуально для исторической науки. Одним из способов конфессионального сближения выступало наречение церквей в честь христианских праздников, близких и понятных представителям разных конфессий, а также в честь общих святых. Предлагаемая статья своей целью ставит выявление предпочтений в деле католического храмоименования

в XVII–XVIII вв., на начальном этапе интеграции католицизма в российское культурное пространство, когда риски отторжения западных традиций в России были еще велики. Достижение цели требует решения двух задач: во-первых, уточнения на основе архивных и иных источников названий костелов, во-вторых, изучения их семантики.

Обзор литературы

Специальные работы, посвященные названиям российских католических храмов, отсутствуют. Разрозненные сведения о наименовании приходов и церквей, часто требующие дополнительной проверки и аргументации, содержатся в исследованиях разных авторов, как российских (дореволюционных и современных) [3–6], так и зарубежных [7–9]. Вместе с тем ученые не предпринимали попыток систематизации этих сведений и устранения имеющихся в них противоречий.

Методы исследования

Теоретической основой исследования выступает семиотический подход, конкретно – семиотика языка и коммуникативная теория исторического процесса, обстоятельно разработанные Б. А. Успенским [10]. Соответственно, в качестве основного метода, наряду с классическими средствами исторического познания использовался метод семиотического анализа. Поскольку храмонаименование является формой ценностного выбора, применялся

антропологический подход Клайда Клакхона, понимавшего под ценностью «индивидуальное или групповое, осознанное или неосознанное представление о желаемом, которое определяет выбор целей, средств и способов действий для достижения целей» [11, с. 21].

Результаты и дискуссия

Первые католические храмы на Руси, за некоторыми исключениями, не имели каких-то особых «латинских» наименований, выделявших их среди множества православных церквей¹. Их посвящали Богородице и общим святым, например, Св. Николаю (хотя нужно иметь в виду, что на Руси культ Мир Ликийских Чудотворца распространился как раз в результате католического влияния). В начале XIII в. в Киеве, на Оболони, при бенедиктинском монастыре действовала церковь Пресвятой Девы Марии [12, с. 39]. В Ладоге в XI–XIII столетиях, как полагают, имелись две католические церкви – во имя Св. Петра и Св. Николая [12, с. 39]. Костел в Смоленске, существовавший в XII–XIV вв., был посвящен Св. Марии, и лишь в Новгороде, благодаря тесным связям его жителей со скандинавским миром, храм имел посвящение исключительно западному святому – Св. Олафу, королю Норвегии [12, с. 40].

С XV по конец XVII столетия в русских землях не было католических храмов. Первая после многовекового перерыва католическая церковь появилась в Немецкой слободе Москвы к 1688 г. и, по-видимому, именовалась Свято-Троицкой [13, с. 126]. По крайней мере, после ее расширения и переделки, произведенных иждивением германского императорского посла Гвариента в 1698–1699 гг., ее называли костелом Св. Троицы. 23 июня 1699 г. иезуит Франциск Эмилиан в деловом письме сообщал подробности: «Кроме большого алтаря во имя Пресвятой Троицы (так называется церковь), здесь имеется еще престол во имя Св. Креста и Пресвятой Девы; делается еще престол в честь Св. Ангелов» [14, с. 48]. Церковь была деревянной и сгорела в ночь на 4 (15) ноября 1705 г. [14, с. 195], однако в 1706–1707 гг. иезуиты построили новый, уже каменный, трехалтарный костел: «Работы шли быстро, и в 1707 г., в воскресенье, на восьмой день после праздника Святого Игнатия, была открыта новая церковь, освященная, так же как и старая, в честь Святой Троицы» [15, с. 285–286]. Первую мессу в ней отслужили в Троицын день 16 июня 1707 г. [7, с. 268].

Посвящение костела Св. Троице весьма необычно, поскольку Троицкие храмы характерны, главным образом, для православной русской традиции. Они получают распространение с XIV в. в связи с углублением на Руси Троицкой идеи – духовно-философской концепции, трактующей Пре-

святую Троицу в качестве прообраза Христовой Церкви, ее «горнего первообраза» [16, с. 404–405]. Храмы в честь Св. Троицы были крайне редким, экзотическим явлением в церковной жизни как Православного Востока, так и Римско-католического Запада, но со времен Преподобного Сергия Радонежского превратились в стержень духовной жизни Русского государства. Видение Троицы выступало символом задач культурного и государственного строительства, стоявших перед Московской Русью, и ассоциировалось с ними [16, с. 404].

Почему же московские иезуиты решили посвятить храм именно Св. Троице? В России с давних пор католики считались злостными еретиками, и лишь в конце XVII столетия они получили право публичных богослужений в Москве. Стабильное существование прихода и латинской миссии зависело от умения католиков показать, что их вера не просто сродни православной, а в ментальном и ценностном отношении совпадает с ней. Посвящение костела Св. Троице символически роднило католическую веру с верой «московской», показывало их принципиальное единство. Неслучайно ксендзы Франциск Лефлер и Павел Ярош в челобитной царям Петру и Ивану, поданной в 1695 г., решили прибегнуть к традиционной для православных формуле: «Пожалуйте нас, богомольцев своих, ради в Троице славимого Бога и Пресвятыя Богородицы и всех святых...» [17, с. VI]. Думается, на выбор названия для церкви повлияли и политические события в стране: в 1682 и 1689 гг. духовный оплот России – Троице-Сергиев монастырь – дважды укрывал Петра I от мятежных стрельцов, поэтому Святая Живоначальная Троица (Сам Бог в Трех Лицах) мыслилась как сила, благословляющая юного царя и защищающая его от врагов. Петр I отличался особым почитанием Трех Божественных Ипостасей: на Пятидесятницу 16 (27) мая 1703 г. им был основан Санкт-Петербург, именно Св. Троице он посвятил первый православный храм в новом городе, а затем и Александр-Невский монастырь [18, с. 245, 247]. Своим именем иезуитская церковь должна была выражать духовную и политическую солидарность католиков с царем Петром Алексеевичем.

Разрешение капуцинам основать в Москве монастырь, данное Петром I, привело к закладке в 1706 г. монастырской церкви во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла [17, с. LVI]. Строить ее начали после пожара, уничтожившего деревянный Троицкий костел, причем на том же самом участке Немецкой слободы подле прежней церкви. Неизвестно, была ли эта постройка окончена: иезуиты, сменившие вскоре капуцинов, как отмечалось выше, возвели новый Троицкий каменный храм. Тем не менее, «капуцинское» посвящение церкви Свв. Петру и Павлу не было забыто: в течение XVIII в. (нет сведений, когда именно) католический приход вновь усвоил себе

¹ Имеются в виду канонические названия храмов. В повседневной жизни русские, конечно, отличали католические храмы от православных, именуя их «немецкими» или просто костелами.

имя Петропавловского. Это следует из поданного Павлу I прошения от 10 июля 1797 г.: «Просит Римской католической в Москве Святых Первоверховных апостолов Петра и Павла церкви настоятель Павел Павлов сын Пешке...» [17, с. LVIII]. На геометрическом плане церковного двора 1807 г. обозначены две каменные католические церкви без названий: одна большая, представляющая в плане латинский крест, и вторая, значительно меньшая по размеру, с полукруглой апсидой, соединенная с жилыми постройками [3, с. 131]. Д. В. Цветаев полагал, что первый храм был холодным (летним), а второй – теплым (зимним) [3, с. 125]. По-видимому, большой костел был посвящен Свв. Петру и Павлу, по нему и именовался приход. Малый храм, возможно, по традиции назывался Троицким, но документально это не подтверждено. Обе церковные постройки сильно пострадали в пожаре 1812 г., восстановлен был только холодный храм, просуществовавший до 1870 г. [3, с. 127].

Посвящение храма Свв. Петру и Павлу вполне традиционно для католиков, отмечающих, как и православные христиане, день первоверховных апостолов 29 июня, только по григорианскому календарю. Известны Петропавловские церкви и соборы в Пражском Вышеграде (XI в.), Бранденбурге (XII в., ныне лютеранская церковь), Монтрее (XIII в.), Брно (конец XIII в.), эльзасском Виссембурге (XIV в.), Сиене (XVII в.) и других городах Европы. Тем не менее, традиция посвящать храмы сразу двум апостолам более характерна для Православия, стремившегося уравновесить исключительную значимость Св. Петра, основателя и покровителя Римского Престола, авторитетом «апостола язычников». Имя костела, таким образом, отвечало политическому моменту, так как оказывалось тезоименным царю Петру, и одновременно должно было казаться привычным в восприятии православных москвичей². Желание мимикрировать под Православие, по-видимому, было свойственно католическим миссионерам той эпохи. Капуцин Роман писал из Москвы в августе 1720 г. о православных: «наши бороды внушают почтение к нам, потому что по ним здешний народ видит (...), что у нас такие же священники, как и у него» [20, с. 100]. Любопытно, что в папской копии «Жалованной грамоты капуцинам» церковь и монастырь в Москве, к созданию которых приступили в 1706 г., отмечены исключительно как посвященные Св. Петру, а не Петру и Павлу [21, с. 400]. Этот факт повторен и в официальном русском источнике – именном указе Павла I от 11 октября 1800 г., где говорилось: «Государь император указать соизволил, чтобы в католической церкви Св.

Петра богослужение отправляемо было одними иезуитами» [22, с. 338]. Речь шла, конечно, не о петербургском храме [8, с. 41], а о московском.

Наименование инославных храмов Москвы и Петербурга в честь святых покровителей российских монархов стало привычным делом в XVIII в. Этим обычаем западные христиане подчеркивали свою политическую лояльность и одновременно выражали включенность в российский имперский дискурс, если частью последнего считать идею небесного заступничества за персонифицированную власть. Во второй половине XVII в. и в самом начале XVIII в. связь между именованием инославных приходов и именами правителей еще не была такой явной, как в «петербургскую» эпоху. Так, построенную силами старой лютеранской общины Москвы каменную церковь, освященную в 1686 г., называли Свято-Михайловской. В лютеранстве празднику Св. Архангела Михаила и всех Ангелов придается большое значение, но с Архангелом при желании можно было ассоциировать и основателя династии Романовых. Хотя царь Михаил Федорович получил свое имя в честь византийского подвижника X столетия Михаила Малеева, праздник Собора Св. Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных на Руси тоже был знаковым, а Архистратиг почитался как главный защитник русских князей и воинов. Новолютеранская церковь в Москве, возведенная из камня в 1694–1695 гг., определенно усвоила имя Свв. Петра и Павла в честь небесного патрона царя Петра, ибо он пожертвовал на ее возведение значительные средства и присутствовал при освящении 3 апреля 1695 г. [23, с. 18]. Однако наименование киркой Св. Анны первой протестантской церкви Петербурга, построенной в 1704–1705 гг. в крепости на Заячьем острове, по-видимому, не было связано с крестильными именами членов царской семьи [24, с. 84]. Великая княжна Анна Петровна, будущая Голштинская герцогиня, тогда еще не родилась, а наречение храма в честь тезоименной святой Анны Иоанновны, племянницы царя Петра и будущей монархини, в той политической ситуации представляется маловероятным.

Впоследствии названия лютеранских церквей новой столицы совпадали с именами правителей России: кирка на Литейном дворе в Петербурге с 1722 г. именовалась Свято-Петровской; заложенный 29 июня 1728 г. на Невском проспекте лютеранский собор тоже посвятили Св. Петру, покровителю Петра II (приход Петрикирхе); новая церковь Адмиралтейской стороны, заложенная в 1735 г. и освященная 26 октября 1740 г., получила имя Св. Анны (Анненкирхе), причем известно, что императрица Анна Иоанновна жертвовала на ее строительство деньги; лютеранская община Васильевского острова и ее храм с 1771 г. стали называться в честь Великомученицы Екатерины, покровительницы императрицы Екатерины II, рав-

² Возможно, капуцины ориентировались на имена наследников русского царя: по неподтвержденным сведениям у Петра I в 1704 г. и 1705 г. родились сыновья Павел и Петр, скончавшиеся до 1707 г. [19, с. 51].

но как и шведский лютеранский храм, построенный в 1767–1769 гг. [24, с. 93, 106, 113, 130].

Петербургские католики, за одним лишь исключением, следовали примеру лютеран. Первый католический храм города на Неве был деревянным – в 1710 г. его построил архитектор Доминико Трезини на будущей Греческой улице. Предположительно церковь была посвящена апостолу Петру. Это логично, хотя ее название так и не выяснено, несмотря на то что Е. А. Самыловская неоднократно ссылаясь на документ Святейшего Синода, якобы подтверждающий посвящение церкви первоверховному апостолу [25, с. 254]. Имеется в виду синодальная промемория, датированная сентябрем 1732 г., посланная сенаторам в ответ на их запрос о правовых основаниях для функционирования иноземческих церквей. Е. А. Самыловская прочитала этот источник так: духовным властям поступило прошение от верующих католиков, «обретающихся при церкви Св. Петра» [6, с. 59]. Между тем о святом Петре в тексте не говорится. Промемория гласит, что в 1724 г., когда петербургские францисканцы во главе с Якобом Доледжо и капуцины во главе с Аполлинарием спорили за право начальствовать в приходе, члены Синода, по просьбам верующих разных наций, отдали это право Доледжо. Текст выглядит так: «...Синод, слушав (...) приходских людей трех народов, немецкаго, итальянскаго и французскаго, доношения, тако ж и поляков особливаго прошения, и спорных обретающегося *при оной церкви Петра* Аполлинария капуцина доношений, и обеим сторонам документов, согласно приговорили: для отправления службы Божией во всем Санкт-Петербурге при оной церкви быть ему, *Петру* Иакову Деолегио начальником» [26, л. 10]. Слово «Петр», которое дважды встречается в тексте, как можно увидеть, представляет собой искаженное «патер» (т. е. священник), а не имя Пётр.

Польский историк Людвик Базылёв полагал, что первый католический храм Петербурга именовался церковью Св. Екатерины Александрийской [9, с. 27], но при этом он не привел источник информации, очевидно путая костелы разного времени постройки. Ромуальда Ханковска, напротив, считала вполне естественным, что изначально костел посвятили Св. Петру, по трем причинам: «...важное значение апостола Св. Петра, название новооснованного города и имя царя – основателя столицы» [8, с. 41]. После смерти Петра I католическую церковь Греческой слободы перестроили и ожидаемо посвятили Св. Екатерине Александрийской – патронессе Екатерины I. Перестройку закончили летом 1726 г., поместив в качестве на престольного образа барельеф, изображающий великомученицу как Христову Невесту [6, с. 63].

В пожаре, произошедшем в ночь с 24 на 25 июня 1737 г., костел Греческой слободы сгорел, и католики получили новый участок под

церковное строительство на «Невской перспективе». Костельные здания на Невском проспекте, очевидно, несколько раз перестраивались, пока в 1740-х годах не была возведена небольшая каменная церковь. Академик Иоганн Готтлиб Георги писал о ней следующее: «Католический приход (...) построил себе малую каменную церковь, вместо которой потом помощью здешних и иноземных складчин построил одну из знатнейших каменных в Санкт-Петербурге церквей» [27, с. 280–281]. Малый костел на Невском проспекте, предшествовавший сохранившемуся донине католическому собору Св. Екатерины (той самой «знатнейшей» церкви), был посвящен празднику Успения Пресвятой Богородицы. Это следует из допроса, учиненного в июле 1750 г. пономарю (кистеру) церкви Семену Пашкевичу (Пашкееву) по подозрению его жены в проституции: пономарь показывал, что он служит «...при католической церкви Успения Пресвятыя Богородицы (...), и оная церковь и ныне имеется в Санкт-Петербурге по Невской прешпективной против дому купца Милютина, что у Серебряного ряда, за прешпективою, едучи в Невской монастырь, на левой стороне» [28, л. 5].

Посвящением храма празднику Успения Девы Марии как раз и была нарушена петербургская традиция закреплять в названиях киров и костелов имена правителей. Тезоименитой императрице Елизавете Петровне святой считается праведная Елисавета, мать Иоанна Предтечи. Новопостроенные православные храмы в елизаветинскую эпоху могли называть в ее честь, например, в 1753 г. императрица присутствовала на освящении церкви Свв. Праведных Захарии и Елисаветы в Кавалергардском полку. Однако католики по какой-то причине называли свой костел Успенским, а не Свято-Елизаветинским. Возможно, им было известно, что Елизавета Петровна ревностно почитает Пресвятую Владычицу, и они рассчитывали на то, что имя Богородицы оградит их от посягательств на принадлежащий им участок Невского проспекта. Еще в 1744 г. Елизавета Петровна выразила желание удалить инославные храмы с главной улицы города в «отдаленные места» (распоряжение это, однако, так и не было выполнено) [29, с. 277]. Впрочем, допустимо, что выбор названия для костела в данном случае обуславливался исключительно религиозными соображениями. Российские католики издавна отдавали себя под покровительство Небесной Владычицы [8, с. 128]. В Астрахани с петровских времен существовала Успенская католическая община, усилиями которой в 1721 г. был построен большой храм Успения Богородицы [30, л. 23]. В 1734 г. на его месте построили новый деревянный костел того же имени [30, л. 23].

Возведение большого католического собора на Невском проспекте по проекту Ж.-Б. Валллен-

Деламота и под наблюдением А. Ринальди пришлось на время царствования Екатерины II – летом 1763 г. положили закладной камень в фундамент здания, а осенью 1783 г. его освятили в честь Св. Екатерины Александрийской. Екатерина II придавала большое политическое значение строительству собора, и это предопределило его посвящение тезоименитой императрице святой. Академик Георги, будучи лютеранином, в 1790 г. ошибочно называл этот собор церковью Благовещения Богоматери [27, с. 108]. Вероятно, это наименование возникло у Георги вследствие абберации памяти как искажение имени прежде существовавшего на этом месте костела Успения Богоматери. Или же академик спутал название собора с названием устроенной в нем малой Благовещенской часовни [8, с. 128–129]. Главный престол католического собора на Невском проспекте, посвященный Александрийской Великомученице, никогда не менял своей дедикации, однако в храме имелись два боковых престола, в одном из которых (восточном) был помещен образ Благовещения [8, с. 98]. Именной указ от 18 октября 1800 г., передававший собор в руки иезуитов, определенно называет его «церковью католицкою Св. Екатерины в Петербурге» [22, с. 347].

Следовали ли католики провинциальных городов России правилу посвящать свои храмы святым, тезоименитым правителю или правительнице, определить трудно. Скорее нет, чем да. В Астрахани, как было отмечено выше, при Петре I возвели церковь Успения Пресвятой Богородицы. Название костела в украинском городе Нежине, построенном в 1722 или 1723 г. и сгоревшем в 1760 г., мне неизвестно³. Католическая церковь в Смоленске, появившаяся, по некоторым сведениям, между 1735–1748 гг., была посвящена Божией Матери Ангельской [31].

В Екатерининскую эпоху началось создание немецких колоний в Поволжье, но в силу их численного роста, несмотря на желание колониcтской администрации подчеркнуть пietet в отношении императрицы, храмы не могли посвящать только Св. Екатерине. В поволжских колониях выбор святых и праздников для посвящений церквей был весьма разнообразным, отражая религиозные предпочтения и ценности бауэров, которые, как легко убедиться, особенно почитали Деву Марию. В 1773 г. под Саратовом функционировали четыре костела – в Екатериненштадте, Деготте, Каменке и Семеновке [4, с. 64]. Церковь в Екатериненштадте носила имя Св. Екатерины Великомученицы (единственный случай, когда название колонии и храма связали с «августейшей монархиней»); костел в Каменке – Рождества Пресвятой Девы Марии; в Семеновке (колония Рейтлинг) – Успения

Пресвятой Девы Марии [32, с. 266]. Как называлась самая ранняя храмовая постройка в Деготте (Каменном Овраге), мне установить не удалось. К концу XVIII в. число костелов у колонистов выросло более чем в два раза [32, с. 265–266]. Если в дальнейшем их названия не менялись, то они были следующими: костел Св. Антония Падуанского в Грязноватке (Шукк), Св. Креста в Панинском (Шенхен), Рождества Пресвятой Девы Марии в Казницкой (Брабандер), Св. Михаила Архангела в Краснополье (Пройс), Успения Божьей Матери в Тонкошнуровке (Мариенталь) [33].

К концу XVIII в. религиозный ландшафт российских столиц ощутимо усложнился: формировались новые католические приходы, строились латинские часовни, чьи названия отвечали событиям мировой политики. На Малой Лубянке 30 марта 1791 г. освятили деревянную церковь во имя Св. Людовика IX, короля Франции [34, с. 616], почитаемого в качестве небесного заступника за Французское королевство и особенно за династию Капетингов-Бурбонов. Новый приход образовался по инициативе французских эмигрантов в то время, когда Людовик XVI готовился к бегству из Тюильри. В 1798 г., в связи с готовящимся избранием Павла I магистром Мальтийского ордена, при Пажеском корпусе в Петербурге основали мальтийскую капеллу Св. Иоанна Крестителя, в дальнейшем называвшуюся церковью. Примерно в то же время в усадьбе римско-католического митрополита Станислава Богуща-Сестренцевича появилась часовня в честь его небесного патрона – Св. Станислава Щепановского, краковского епископа-мученика XI столетия. Эта часовня четверть века спустя гением архитектора Давида Ивановича Висконти превратится в прекрасный классицистический собор.

Выводы

Российские католики XVII–XVIII вв. использовали храмонаименование как средство своей адаптации к местным политическим и культурным условиям. Обыкновенно они посвящали церкви святым, тезоименитым монаршим особам, прославляя российских царей и цариц и выражая солидарность с их политикой. Такой подход к храмонаименованию отражает принципы двойничества (удвоения образа) и эмблематичности имени, характерные для культуры барокко в целом, но особенно ярко проявившиеся в русской барочной литературе XVII–XVIII вв. в связи с распространением жанра тезоименитого приветствия [35, с. 6–7]. Законы жанра, непревзойденным мастером которого был Феофан Прокопович, требовали, чтобы прославление святого переходило в славословие прямому адресату-монарху [36, с. 200]. Католики в России, особенно петербургские, предпочли усвоить эту семантико-прагматическую логику, в результате чего их церкви не только органично вписались в новое, европеизированное российское

³ Возможно, костел в Нежине был посвящен Свв. Петру и Павлу, так как Петропавловским назывался сменивший его в XIX в. храм, выстроенный в неоготическом стиле.

культурное пространство, но и стали определяющими его объектами. Московские католики, в сравнении с петербургскими, подходили к задачам храмоименования более творчески, на уровне знаков стремясь представить католичество «родным» для русских, апеллируя названиями своих костелов (Св. Троицы и Свв. Петра и Павла) к старомосковским традициям. В целом, ксендзы и миряне, от которых зависел выбор названия, проявляли готовность к поддержанию и развитию мирных межконфессиональных отношений. В тех исключительных случаях, когда не было необходимости или желания называть свои храмы в честь небесных покровителей монарших особ, католики предпочитали посвящать их Деве Марии и Ее праздникам. Названия костелов, созданных в России XVIII в., таким образом, отражают характерную для католичества сосредоточенность на культе Пресвятой Девы.

Литература

1. Конюченко, А. И. Названия православных храмов как главный ориентир в конфессиональном пространстве (На примере Оренбургской епархии конца XIX века) / А. И. Конюченко, О. В. Никифорова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 1: История. – 2003. – № 1. – С. 171–173.
2. Манькова, И. Л. Роль царей Романовых в формировании православного ландшафта Зауралья в XVII в. / И. Л. Манькова // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2013. – Вып. 1(5). – С. 39–48.
3. Цветаев, Д. В. История сооружения первого костела в Москве / Д. В. Цветаев. – М. : Унив. тип., 1885. – 130 с.
4. Лиценбергер, О. А. Римско-католическая церковь в России: История и правовое положение / О. А. Лиценбергер. – Саратов : Поволжская академия государственной службы, 2001. – 384 с.
5. Лиценбергер, О. А. Римско-католическая и Евангелическо-лютеранская церкви в России: Сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII – начало XX вв.) : дис. ... д-ра ист. наук. – Саратов, 2005. – 488 с.
6. Самыловская, Е. А. Католическая община Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века : дис. ... канд. ист. наук. – СПб. : СПбГУ, 2016. – 206 с.
7. Florovský, A. V. Čeští jesuité na Rusi: Jesuité české provincie a slovanský východ. – Praha : Nakladatelství Vyšehrad, 1941. – XI, 468 s.
8. Ханковска, Р. Храм Святой Екатерины в Санкт-Петербурге / Р. Ханковска. – СПб. : Чистый лист, 2001. – 240 с.
9. Базылёв, Л. Поляки в Петербурге / Л. Базылёв. – СПб. : Блиц, 2003. – 448 с.
10. Успенский, Б. А. Historia sub specie semioticae / Б. А. Успенский // Избранные труды. – Т. 1 : Семиотика истории. Семиотика культуры. – М. : Языки русской культуры, 1996. – С. 71–82.
11. Горнова, Г. В. Концептуальные схемы трактовки ценностного выбора / Г. В. Горнова // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2022. – № 3 (36). – С. 19–24.
12. Козлов-Струтинский, С. Г. История Католической Церкви в России / С. Г. Козлов-Струтинский, П. А. Парфентьев. – СПб. : Белый камень, 2014. – 740 с.
13. Кувшинская, И. В. Труды и дни императорской миссии. Католический храм Немецкой слободы на рубеже XVII–XVIII веков / И. В. Кувшинская // Архитектурное наследие. – 2012. – № 57. – С. 125–138.
14. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. – Рязань : Александр, 2010. – 336 с.
15. Pierling, P. La Russie et le Saint-Siège: Études diplomatiques / P. Pierling. – Paris : Librairie Plon, 1907. – Vol. 4. – VII, 464 p.
16. Флоренский, П. А. Троице-Сергиева Лавра и Россия / П. А. Флоренский // Прометей. – М. : Молодая гвардия, 1990. – Т. 16. – С. 396–410.
17. Цветаев, Д. В. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII вв. / Д. В. Цветаев. – М. : Унив. тип., 1886. – [8], 462, LIX с.
18. Лелина, Е. И. К вопросу об истоках символической концепции петровского Санкт-Петербурга / Е. И. Лелина // Труды исторического факультета СПбГУ. – 2010. – № 2. – С. 243–248.
19. Пчелов, Е. В. Петр Великий и династическая политика Романовых в XVIII–XX веках / Е. В. Пчелов // Петр Великий – реформатор России : материалы и исследования. – М. : Московский Кремль, 2001. – С. 40–54.
20. Донесения французского консула в Петербурге Лави // Сб. РИО. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1884. – Т. 40. – С. 1–464.
21. Theiner, A. Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Féodor III et Pierre le Grand czars de Russie, extraits des archives du Vatican et de Naples / A. Theiner. – Rome : Imprimerie du Vatican, 1859. – 556 p.
22. Полное собрание законов Российской империи. – СПб. : Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. 26. – 876 с.
23. Снегирев, И. М. О начале и распространении лютеранских и реформатских церквей в Москве / И. М. Снегирев. – М. : Тип. Каткова, 1862. – 23 с.
24. Алакшин, А. Э. Протестантские общины в Петербурге в XVIII в. / А. Э. Алакшин. – Челябинск : ЧелГУ, 2006. – 415 с.
25. Самыловская, Е. А. Повседневная жизнь петербургской католической общины в первой трети XVIII в. / Е. А. Самыловская // Труды Государственного Эрмитажа. – СПб., 2013. – Т. 70. – С. 252–262.

26. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 796. – Оп. 13. – Д. 260.
27. Георги, И. Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей окрестностей оного / И. Г. Георги. – СПб. : При Импер. Шляхетском сухопутном кадетском корпусе, 1794. – [8], XI, [15], 757 с.
28. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 31.
29. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. 1740–1748 / С. М. Соловьев. – М. : АСТ : Фолио, 2001. – Кн. 11. – 800 с.
30. РГИА. – Ф. 796. – Оп. 37. – Д. 90.
31. Из истории Католической Церкви в Смоленске. – URL: <http://catholic-smolensk.com/about/istoriya/> (дата обращения: 24.04.2025).
32. Плеве, И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века / И. Р. Плеве. – 3-е изд. – М. : Международный союз немецкой культуры, 2008. – 400 с.
33. Список церквей Тираспольской епархии по деканатам по состоянию на 01.01.1878 г. // Государственный архив Саратовской области. Аннотированный список дел фонда № 1166 «Херсонская римско-католическая духовная консистория». – URL: <http://sar-archive.ru/bd/herson/rkc.html> (дата обращения: 24.04.2025).
34. Rjéoutski, V. La colonie française et l'église catholique de Moscou à la fin siècle XVIII / V. Rjéoutski // Cahiers du Monde russe. – 2000. – 41/4 (octobre-décembre). – P. 615–628.
35. Сазонова, Л. И. Трансформация агиографического жанра в русской придворной литературе раннего Нового времени / Л. И. Сазонова // Славяноведение. – 2022. – № 6. – С. 5–18.
36. Терешкина, Д. Б. Минейный код в ораторской прозе Феофана Прокоповича / Д. Б. Терешкина // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2014. – № 5. – С. 193–202.

Андреев Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средневековья и нового времени, Российский государственный гуманитарный университет (Москва), e-mail: alxand@yandex.ru. ORCID 0000-0003-2589-2052

Поступила в редакцию 22 мая 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh250401

CHURCH NAMING AS A VALUE CHOICE AND POLITICAL STRATEGY: THE NAMES OF CATHOLIC CHURCHES IN 17th – 18th CENTURY RUSSIA

A. N. Andreev

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

The names of Russian Catholic churches both reflect the religious values of the Catholics, and demonstrate ways to developing interfaith dialogue, which state predetermined the successful modernization of Russia during the early modern period. The study aims to identify preferences in the naming conventions of Catholic temples in 17th and 18th-century Russia, when Catholicism first integrated into the Russian cultural space. The significance of the study is determined by the keen attention of historians to political and religious interaction between Russia and Western countries. The theoretical basis of this study is the semiotic approach, specifically the semiotics of language and the communicative theory of the historical process. The author concludes that Russian Catholics typically named their churches after saints or monarchs, thereby glorifying the Russian tsars and tsarinas and expressing support for their policies. This approach to church naming reflects the principles of image doubling and name emblematicity, which are characteristic of the Baroque culture. Compared to Catholics in St. Petersburg, Moscow Catholics were more creative in naming churches, trying to present Catholicism as a “home” for Russians at the level of signs and appealing to Old Moscow traditions in the names of their churches. Priests and laity, who predetermined the choice of church names, generally demonstrated readiness to maintain and promote peaceful interfaith relations.

Keywords: temple naming, Catholic churches in Russia, interfaith relations, value choice, political strategy.

References

1. Konyuchenko A.I., Nikiforova O.V. Nazvaniya pravoslavnykh khramov [Names of Orthodox Churches] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Istoriya*. 2003. № 1. P. 171–173.
2. Mankova I.L. Rol' tsarey Romanovykh v formirovanii pravoslavnogo landshafta Zaural'ya v XVII v. [The Role of the Romanovs in the Formation of the Orthodox landscape of the Eastern Urals in the 17-th Century] // *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii*. 2013. № 1. P. 39–48.
3. Tsvetaev D.V. Istoriya sooruzheniya pervogo kostyola v Moskve [The History of the Construction of the First Catholic Church in Moscow]. Moscow, 1885. 130 p.
4. Litzenberger O.A. Rimsko-Katolicheskaya Tserkov' v Rossii [The Roman Catholic Church in Russia]. Saratov, 2001. 384 p.
5. Litzenberger O.A. Rimsko-katolicheskaya i Evangelicheskoye-lyuteranskaya Tserkvi v Rossii [The Roman Catholic and Evangelic-Lutheran Churches in Russia]: dis. ... d-ra ist. nauk. Saratov, 2005, 488 p.
6. Samylovskaya E.A. Katolicheskaya obshchina Sankt-Peterburga v pervoy polovine XVIII veka [Catholic Community of St. Petersburg in the first half of the 18-th century]: dis. ... cand. ist. nauk. Saint Petersburg, 2016. 206 p.
7. Florovsky A.V. Czech Jesuits in Russia. Praha, 1941. XI. 468 p.
8. Hankovska R. Khram Svyatoy Ekateriny v Sankt-Peterburge [The Church of St. Catherine in St. Petersburg]. Saint Petersburg, 2001. 240 p.
9. Bazylyov L. Polyaki v Peterburge [Poles in Petersburg]. Saint Petersburg, 2003. 448 p.
10. Uspenskiy B.A. Historia sub specie semioticae // *Selected works*. Moscow, 1996. Vol. 1. P. 71–82.
11. Gornova G.V. Kontseptual'nye skhemy traktovki tsennostnogo vybora [Conceptual Schemes of Interpretation of Value Choice] // *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*. 2022. № 3 (36). P. 19–24.
12. Kozlov-Strutinskiy S.G., Parfentiev P.A. Istoriya Katolicheskoy Tserkvi v Rossii [History of the Roman Catholic Church in Russia]. Saint Petersburg, 2014. 740 p.
13. Kuvshinskaya I.V. Trudy i dni imperatorskoy missii [The Labors and Days of an Imperial Mission] // *Arkhiturnoe nasledstvo*. 2012. № 57. P. 125–138.
14. Pis'ma i doneseniya iezuitov o Rossii [Letters and Reports of Jesuits about Russia]. Ryazan, 2010. 336 p.
15. Pierling P. La Russie et le Saint-Siège. Paris, 1907. Vol. 4, VII. 464 p.
16. Florenskiy P.A. Troitse-Sergieva Lavra i Rossiya [The Holy Trinity-Sergius Lavra and Russia] // *Prometey*. Moscow, 1990. Vol. 16. P. 396–410.
17. Tsvetaev D.V. Iz istorii inostrannykh ispovedaniy v Rossii v XVI i XVII vv [From the History of Foreign Confessions in Russia the 16 and 17-th centuries]. Moscow, 1886, [8]. 462, LIX p.
18. Lelina E.I. K voprosu ob istokakh simvolicheskoy kontseptsii petrovskogo Sankt-Peterburga [On the Question of the Petrine Saint Petersburg Symbolic Concept's Origins] // *Trudy istoricheskogo fakul'teta SPbGU*. 2010. № 2. P. 243–248.
19. Pchelov E.V. Pyotr Velikiy i dinasticheskaya politika Romanovykh v XVIII–XX vv. [Peter the Great and the Dynastic Policy of the Romanovs in the 18–20-th Centuries] // *Petr Velikiy – reformator Rossii: materialy i issledovaniya*. Moscow, 2001. P. 40–54.
20. Doneseniya frantsuzskogo konsula v Peterburge Lavi [Reports of the French Consul in Petersburg La Vie] // *Sbornik RIO*. 1884. Vol. 40. P. 1–464.
21. Theiner A. Monuments Historiques Relatifs Aux Règnes d'Alexis Michaélowitch, Féodor III et Pierre le Grand. Rome, 1859. 556 p.
22. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii [The Full Corpus of Laws of Russian Empire]. Saint Petersburg, 1830. Vol. 26. 876, [7] p.
23. Snegiryov I.M. O nachale i rasprostraneni lyuteranskikh i reformatskikh tserkvey v Moskve [On the Beginning and Spread of Lutheran and Calvinist Churches in Moscow]. Moscow, 1862. 23 p.
24. Alakshin A.E. Protestantskie obshchiny v Peterburge v 18 v. [Protestant Communities in Petersburg in the 18-th Century]. Chelyabinsk, 2006. 415 p.
25. Samylovskaya E.A. Povsednevnyaya zhizn' petersburgskoy katolicheskoy obshchiny v pervoy treti XVIII v. [Daily Life of the Petersburg Catholic Community in the First Third of the 18-th Century] // *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. 2013. T. 70. P. 252–262.
26. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)]. F. 796. Op. 13. F. 260.
27. Georgi I.G. Opisaniye rossiysko-imperatorskogo stolichnogo goroda Sankt-Peterburga [Description of Russian-Imperial Capital of St.-Petersburg]. Saint Petersburg, 1794, [8], XI, [15]. 757 p.
28. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts (RSAAA)]. F. 8. Op. 1. F. 31.

29. Soloviyov S.M. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremyon. 1740–1748 [Russian History Since Ancient Times. 1740–1748]. Moscow, 2001. Vol. 11. 800 p.
30. RGIA [RSHA]. F. 796. Op. 37. F. 90.
31. Iz istorii Katolicheskoy Tserkvi v Smolenske [From the History of the Catholic Church in Smolensk]. URL: <http://catholic-smolensk.com/about/istoriya/> (date of accessed: 24.04.2025).
32. Pleve I.R. Nemetskie kolonii na Volge vo vtoroy polovine XVIII veka [German Colonies on the Volga in the Second Half of the 18-th Century]. Moscow, 2008. 400 p.
33. Spisok rimsko-katolicheskikh tserkvey Tiraspol'skoy eparkhii [List of Roman Catholic Churches of the Tiraspol Diocese]. URL: <http://sar-archive.ru/bd/herson/rkc.html> (date of accessed: 24.04.2025).
34. Rjéoutski V. La Colonie Française et L'église Catholique de Moscou à la Fin Siècle XVIII // *Cahiers du Monde russe*. 2000. 41/4. P. 615–628.
35. Sazonova L.I. Transformatsiya agiograficheskogo zhanra [Transformation of Hagiographic Genre in Russian Court Literature of the Early Modern Epoch] // *Slavyanovedenie*. 2022. № 6. P. 5–18.
36. Tereshkina D.B. Mineiny kod v oratorskoy proze Feofana Prokopovicha [The Mineiny Code in Theophan Prokopovich's Oratorical Prose] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 2014. № 5. P. 93–202.

Alexander N. Andreev – D. Sc. (History), Professor of the Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, Russian State University for the Humanities (Moscow), e-mail: alxand@yandex.ru

Received May 22, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Андреев, А. Н. Храмоименование как ценностный выбор и политическая стратегия: о названиях католических храмов в России XVII–XVIII вв. / А. Н. Андреев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 6–14. DOI: 10.14529/ssh250401

FOR CITATION

Andreev A. N. Church naming as a value choice and political strategy: the names of Catholic churches in 17th – 18th century Russia. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 6–14. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250401

ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ ЧИНОВНИЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ЮЖНОГО УРАЛА: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Д. Е. Васильев

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Статья посвящена критическому анализу основных результатов работ ученых и определению наиболее перспективных направлений исследований, связанных с изучением истории российской бюрократии. В статье обозначены ключевые этапы развития отечественной историографии истории чиновничества и проанализированы основные подходы к изучению чиновничества Южного Урала второй половины XIX и начала XX века, существующие в современной исторической науке. Выявлены монографии, научные статьи и диссертации, посвященные изучению чиновничества Российской империи и Южного Урала. С помощью историко-сравнительного метода проведено сравнение подходов, применяемых историками при изучении дореволюционного чиновничества в дореволюционный, советский и новейший период истории России. На основе результатов анализа выявлены стороны жизнедеятельности чиновничества Южного Урала второй половины XIX и начала XX века, которые недостаточно изучены. В статье обозначен ряд проблем, связанных с историей российской дореволюционной бюрократии. В первую очередь, это история провинциального чиновничества, которое принимало активное участие в реализации решений центральных органов власти на местах. Большая часть населения империи проживала в провинции, где происходили очень важные социально-экономические и политические процессы. Одним из таких регионов являлся и является Южный Урал. В статье определены перспективные направления исследования. Среди них: источники формирования и социальные практики южноуральских чиновников, а также процесс взаимодействия гражданских чиновников с чиновниками горной администрации и с центральными органами власти.

Ключевые слова: историография, чиновничество, чиновники, Южный Урал, социальные практики.

Введение

Российская бюрократия более 150 лет является объектом изучения отечественных и зарубежных исследователей. В разные исторические периоды ученые по-разному подходили к изучению этого феномена, но всегда отмечали его важность для глубокого научного понимания проблем социальной, экономической, политической истории России. Сегодня в связи с масштабными изменениями, которые происходят в развитии исторической науки и общества в целом, возникла острая потребность критически проанализировать основные результаты работы ученых и определить наиболее перспективные направления изучения истории российской бюрократии.

Обзор литературы

Историю изучения российского чиновничества можно условно разделить на три ключевых этапа: дореволюционный, советский и современный.

В дореволюционный период бюрократию в основном изучали с помощью формально-юридического метода, а история чиновничества провинций практически не рассматривалась [1].

В советских исследованиях особое внимание уделялось вопросам эксплуатации и классовой борьбы. В. И. Ленин трактовал бюрократию как «орудие привилегированного класса» и подчеркивал тесную связь чиновников среднего и высшего звена с дворянством и буржуазией.

В середине XX века начали публиковаться исследования по общественно-политической истории России до реформ Александра II, в которых уделялось более детальное внимание изучению деятельности государственного аппарата [2].

В период конца 1980-х – начала 1990-х годов в отечественной историографии дореволюционного чиновничества произошел переход к новому этапу развития, который характеризовался внедрением современных методологических подходов и теоретических концепций с акцентом на выявлении профессиональных, социокультурных и индивидуальных черт бюрократического корпуса [3].

В начале XXI века ученые стали более активно изучать отдельные аспекты истории провинциального чиновничества и процессы, происходившие в его среде [4, 5].

Однако до настоящего времени такое важное историческое явление, как дореволюционное чиновничество среднего и низшего звена Южного Урала, комплексно не изучено. Цель нашего исследования – выявить ключевые этапы развития отечественной историографии истории чиновничества и проанализировать основные подходы к изучению чиновничества Южного Урала второй половины XIX и начала XX века, которые существуют в современной исторической науке.

Таким образом, результаты, представленные в нашей работе, позволят выявить «историографию

ческие лакуны» в исследовании феномена провинциального южноуральского дореволюционного чиновничества и наметить пути их устранения.

Методы исследования

Объектом нашего исследования является история изучения российской бюрократии. На первом этапе мы выявляем монографии, научные статьи и диссертации, посвященные изучению чиновничества Российской империи и Южного Урала. На втором этапе, используя историко-сравнительный метод, сравниваем подходы, которые применяли историки при изучении дореволюционного чиновничества в дореволюционный, советский и новейший период истории России. На третьем этапе на основе результатов анализа мы выявляем те стороны жизнедеятельности чиновничества Южного Урала второй половины XIX и начала XX века, которые недостаточно изучены, и определяем, какие подходы следует использовать при их исследовании.

Результаты и дискуссия

В дореволюционный период значительный вклад в исследование истории чиновничества внесли представители «государственной школы» Б. Н. Чичерин и А. Д. Градовский, которые полагали, что изучение любых исторических процессов и событий невозможно без рассмотрения роли и особенностей государственного устройства страны. Они приступили к изучению феномена российского чиновничества в тот момент, когда чиновничество превратилось в реальную политическую силу, игравшую заметную роль во внутренней и внешней политике страны. Б. Н. Чичерин проводил исследование, посвященное роли чиновничества в структуре политических институтов российской монархии. А. Д. Градовский предложил концепцию, в которой государство рассматривается как объединяющий и организующий элемент общества, а чиновничество – как ключевое звено, обеспечивающее связь между обществом и государством [1, 6]. Опираясь на формально-юридический метод, ученые проводили анализ условий деятельности центральных и региональных органов власти. Источниковой базой для них служили преимущественно законодательные акты и нормативные документы. Это было связано с тем, что во время выхода представленных исторических работ действовали жесткие цензурные ограничения, а административные учреждения фактически оказались «под запретом» для изучения [7, с. 15–16].

В дореволюционный период работы, в которых исследовалась история чиновничества, в основном были посвящены чиновникам, имеющим высокий класс, что объясняется как особенностями методологического инструментария исследователей, так и особенностями политической ситуации, сложившейся в стране.

В. О. Ключевский и В. В. Ивановский изучали чиновничество как историю социальных отношений [8, 9]. Историк С. И. Тхоржевский объяснял подход В. О. Ключевского к исследованию чиновничества следующим образом: «До сих пор, говорил он (В. О. Ключевский – прим. автора), историки наших учреждений – историки-юристы, по преимуществу – изображали исключительно их “техническую сторону”, их строй и действие. Но “изучение их не следует ограничивать вопросами правительственной механики... Перед нами еще социальный материал, из которого они построены”, а “в истории политических учреждений строительный материал часто важнее самого строя”» [10, с. 643].

В. О. Ключевский описывал бюрократию как группу отдельных лиц, действующих обособленно от общества и не обладающих социальным обликом, объединенных лишь системой чинопроизводства [8, с. 7].

В. В. Ивановский занимался изучением характерных черт бюрократии как отдельного социального класса [9, с. 7].

Для нас очевидно, что в дореволюционной исторической литературе очень часто оценки роли и места российской бюрократии в жизни страны зависели от политических взглядов исследователя. Бюрократию в основном изучали с помощью формально-юридического метода, а история чиновничества провинций практически не рассматривалась. Частично это было связано с недооценкой роли и значения провинциального чиновничества в жизни государства.

В советских исследованиях особое внимание было обращено к вопросам эксплуатации и классовой борьбы. В. И. Ленин рассматривал бюрократию как «орудие привилегированного класса», подчеркивая связь чиновников среднего и высшего звена с дворянством и буржуазией. В 1910 году исследование марксиста М. С. Александрова подтвердило и расширило ленинскую концепцию [11]. М. С. Александров стремился опровергнуть «миф о господстве бюрократии» в первой половине XIX века, тем самым расходясь во мнениях с В. О. Ключевским и развивая концепцию С. Ф. Платонова о единстве дворянства и чиновничества. В последующих исследованиях чиновничество рассматривалось как «верное оружие господствующих классов».

Известно, что идеологические запреты советской эпохи препятствовали всестороннему изучению этой темы. Она утратила свою актуальность в связи с принципиальным отказом большевиков от прошлого, особенно касающегося сущности, форм, структуры и перспектив развития государственности, включая сферу государственной службы. В то же время проведенные исследования в основном ориентировались на подтверждение политического тезиса о глубокой порочности царского государственного аппарата, его кадрового состава, а также целей и методов его деятельности [12].

Тем не менее, в середине XX столетия появились работы, посвященные общественно-политической истории дореформенной России, в которых более глубоко анализировалась деятельность государственного аппарата. Среди авторов этих исследований были Н. П. Ерошкин, А. В. Предтеченский, П. Г. Рындзюнский и др. [2, 13–14].

В 1978 году появилась монография П. А. Зайончковского под названием «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке», которая в течение долгого времени служила образцом для молодых историков. Используя доступные ему источники и придерживаясь сложившейся историографической традиции, Зайончковский провел исследование социального состава чиновничества империи, оценил уровень их материального обеспечения, образовательный уровень, а также проанализировал динамику численности государственных служащих [15].

Интерес П. А. Зайончковского к количественным аспектам изучения бюрократии, основанный на применении демографических данных больших коллективов чиновников для анализа их социального состава, экономического статуса, уровня профессиональной подготовки и других факторов, соответствовал тогдашним научным тенденциям и отражал принципы структурно-функциональной социологии [16].

Стоит подчеркнуть, что П. А. Зайончковский преимущественно сосредоточился на изучении бюрократии высшего уровня, включая губернаторов и вице-губернаторов, в то время как чиновники среднего и низшего звена остались вне его исследований. С. М. Троицкий занимался исследованием процесса формирования бюрократического аппарата в XVIII веке как в центральных органах, так и на местах [17]. Ученый исследовал государственную политику в отношении чиновничества, рассматривая ее в неразрывной связи с эволюцией государственного устройства XVIII века. В ходе изучения формирования бюрократического аппарата он уделял особое внимание таким вопросам, как социальный состав, численность, происхождение чиновников, роль денежного жалованья, уровень образования и профессиональной подготовки, а также проблемам социальной трансформации, включая процессы «одворянивания» и «обуржуазивания». Кроме того, С. М. Троицкий впервые использовал в научных исследованиях уникальные данные переписей чиновников и канцелярских работников, которые были проведены в 1754–1756 годах.

Исследования, проведенные дореволюционными и советскими учеными, существенно способствовали решению ряда важных вопросов, связанных с историей государственного аппарата и бюрократии Российской империи. Благодаря их исследованиям стало возможным выявить количественные и качественные изменения в структуре, составе, социально-классовом положении и уровне

образования государственных служащих. Кроме того, были установлены объективные взаимосвязи между развитием и функционированием государственной службы и основными направлениями социально-экономического и политического развития общества, а также доктринальными взглядами и личностными качествами руководства государства и высшего административного аппарата [12].

Зарубежные исследователи также много лет занимались исследованием истории государственного устройства России. Одним из первых тему чиновничества Российской империи начал развивать М. И. Раев. В монографии «Истоки русской интеллигенции: дворянство восемнадцатого века» автор применил социологические модели, с помощью которых удалось увидеть и описать недостаточно высокий уровень профессионализма российской администрации. М. И. Раев особо выделял влияние специфики дворянской службы на мировоззрение и психологию дворянства. По его мнению, главным компонентом дворянского сознания была именно связь с государством. Для дворян служба представлялась единственной областью, где можно было реализовать принцип личного достоинства и обеспечить стабильность [18].

М. И. Раев также утверждал, что ключевой особенностью государственного аппарата Российской империи было отсутствие единой эффективной и влиятельной бюрократической системы. Он отмечал, что в административном аппарате первой половины XIX века не было четкого распределения функций и специализации сотрудников, чиновники могли без ограничений менять ведомства [19].

Важно отметить, что интерес к изучению чиновничества во второй половине XX столетия был связан в том числе и с обменом опытом между советскими и западноевропейскими учеными в 1960–1970-е годы. Научная деятельность советского исследователя П. А. Зайончковского оказала значительное воздействие на становление американского россиеведения. Ученый выступил в качестве руководителя научно-исследовательской работы стажеров из США Т. Эммонса, А. Рибера, Д. Филда, Р. С. Уортмана. Научный интерес вышеупомянутых будущих ученых был связан с бюрократией XVIII – начала XX века. Так, Р. С. Уортман сосредоточил свое исследование на юстиционной системе Российской империи первой половины XIX века. Он проанализировал различные аспекты деятельности чиновничьего аппарата судебной власти того периода, включая должностных лиц и канцеляристов в местных судебных учреждениях, таких как уездные суды. В своей работе Уортман стремился определить социальное происхождение судебных чиновников, их профессиональный опыт, предыдущие места службы, уровень образования и наличие имущественного

ценза. В исследовании Р. С. Уортман использовал данные преимущественно по великороссийским губерниям (Архангельской, Костромской, Курской, Орловской и Тамбовской), но не затрагивал губернии Южного Урала. Возможно, это было связано с ограниченностью доступной для него источниковой базы, а возможно, с пониманием локальной специфики исследуемых процессов в отдельных регионах империи. Подход Р. С. Уортмана к изучению феномена провинциального чиновничества, на наш взгляд, возможно применить и к исследованию чиновничества Южного Урала.

В своих исследованиях М. И. Раев и Р. С. Уортман анализируют 2 основные группы российского дореволюционного чиновничества (центральную и провинциальную администрации). Достоинством этих работ является анализ психологии чиновников и попытка исследовать некоторые социальные аспекты жизнедеятельности уездных чиновников, в том числе, не имевших чина согласно «Табели о рангах». Один из главных недостатков представленных работ заключается в ограниченных территориальных рамках, что не позволило авторам выявить типичные и уникальные характеристики многих из исследованных явлений и процессов.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов в отечественной историографии, посвященной дореволюционному чиновничеству, произошел качественный сдвиг, обусловленный кризисом коммунистической идеологии и процессами демократизации в стране. Российские ученые получили доступ к работам западных исследователей, начали внедрять новые методологические подходы и концепции, уделяя особое внимание профессиональным, социокультурным и личностным характеристикам бюрократии. В научных изданиях стали публиковаться статьи, основанные на историко-антропологическом методе, исследующие российскую бюрократию XVIII – первой половины XIX века. [4]. В указанных исследованиях ученые предприняли попытку описать жизненную среду государственных служащих дореформенного периода, сосредоточив внимание на изучении их повседневного быта, нравов и корпоративных связей. Кроме того, были рассмотрены особенности менталитета российских чиновников и специфика их восприятия населением в XVIII–XIX веках.

Группа историков занималась изучением социального облика чиновничества. В работе Д. Н. Шилова, посвященной высшим государственным деятелям Российской империи XIX века, проведен подробный анализ достоверности формулярных списков как исторического источника [21].

Фундаментальный труд Б. Н. Миронова «Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)» занимает значимое место среди работ, посвященных дореволюционному чиновничеству [5].

Широкий доступ к современным информационным технологиям позволил Б. Н. Миронову отобрать и проанализировать значительные своды разнообразных свидетельств минувшего, от обширной статистики до публицистики и мемуаров. В своем труде автор совершает попытку преодолеть возникший за годы советской власти разрыв между отечественной и западной исторической наукой.

В работе «Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)» Б. Н. Миронов – один из первых российских ученых, представивших процесс социальной эволюции отечественной бюрократии на основе данных о составе чиновничества, уровне образования, должностных преступлениях и других аспектах бюрократии.

Отдельного внимания заслуживают исследования ученых, посвященные деятельности представителей высшего чиновничества конкретных регионов Российской империи, в частности Южного Урала.

Например, работы С. В. Любичанковского посвящены деятельности губернских администраций Урала. С. В. Любичанковский утверждал, что «история государственного управления в России представляет собой крупную научную проблему, которая в условиях системных преобразований в государстве, при наличии настоятельной потребности в оптимизации управленческой деятельности в государственных структурах и признании необходимости укрепления вертикали власти, интерес к ней заметно усилился. Современное общество заинтересовано в осмыслении накопленного опыта государственного строительства в нашей стране, чтобы перенять его достижения и не повторить совершенных ошибок» [22]. Историк проводил исследование региональной административной политики и системы управления Российской империи [23]. На основе структурно-функционального подхода и выявления скрытой в источниках информации С. В. Любичанковский уточнил принципы организации местного уровня аппарата государственного управления Российской империи на территории действия «Общего Учреждения Губернского» (издание 1892 г.). Ученый анализировал особенности и характерные черты функционирования «системы губернаторской власти» в 1907–1917 годах.

А. А. Оспанова в исследовании «Внутренняя организация канцелярии Оренбургского генерал-губернатора в 1865–1881 гг.» выделяет несколько направлений деятельности личного секретариата генерал-губернатора, характеризуя его структуру, которая включала несколько отделений: пограничное, хозяйственное, иррегулярных войск, гражданское, секретное [24]. Автор работы утверждала, что служащие канцелярии генерал-губернатора были способны влиять на властные решения самого оренбургского генерал-губернатора.

С. В. Нечаева в статье «Историко-политологический анализ эволюции управленческой элиты Южного Урала в XIX – начале XX вв.» исследовала составы южно-уральских групп бюрократии (назначаемых чиновников), электократии (избираемых чиновников) и легислократии (депутатов). Ей удалось выявить то, как на Южном Урале проявлялись общероссийские тенденции в эволюции управленческой элиты: переход от дворянского комплектования элиты к разночинному, усиление влияния милитократии, появление институтов гражданского общества. С. В. Нечаева подчеркнула специфические для Южного Урала процессы, связанные с изменением должностных обязанностей губернаторов, а также с государственным ограничением попадания в элитную среду представителей коренных народов [25].

Таким образом, авторы отмеченных выше работ исследовали устройство бюрократической системы на Южном Урале, социальный состав корпуса генерал-губернаторов и направления деятельности личного секретариата генерал-губернатора. Но авторы оставили без внимания социальный облик представителей среднего и низшего чиновничества, служившего в уездах и волостях. Скорее всего и в этом случае сказалась ограниченность источниковой базы, доступной для исследователей, невозможность использовать некоторые современные методы и технологии исторического исследования.

При характеристике историографической ситуации, конечно, следует учесть и тот факт, что на сегодняшний день существует целый ряд диссертационных работ, в которых изучаются отдельные аспекты истории провинциального чиновничества. Например, Т. В. Козельчук в исследовании «Чиновничество Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. как социальный слой» представлен историко-социологический анализ кадрового состава губернских и уездных учреждений Тобольской губернии во второй половине XIX века [26].

Т. В. Козельчук считала, что ряд региональных особенностей и географическое расположение Сибири определили уникальную роль чиновничества в данном регионе. Из-за отсутствия помещичьего землевладения в Сибири важным опорным элементом самодержавия стал чиновник, обладающий широкими полномочиями и привилегированным статусом. По мнению Т. В. Козельчук, без изучения провинциальной бюрократии невозможно приблизиться к пониманию исторической природы и специфики российской государственности. Она также связывала исследование исторического пути российской бюрократии с современными идеями возрождения института государственной службы в России.

В диссертационной работе Т. В. Козельчук анализирует не только сведения о чиновниках

среднего и низшего звена по Табели о рангах, но и данные о канцелярских служащих. Данное исследование является одним из убедительных доказательств усиления интереса в начале XXI века к проблемам изучения повседневности и образа жизни дореволюционного провинциального чиновничества.

Отдельного внимания заслуживает диссертация Т. Р. Вакилева «Провинциальное чиновничество в системе государственного управления во второй четверти XIX века: на материалах Пензенской губернии», защита которой состоялась в 2017 году [27]. Автор, подчеркивая важность своего исследования, отмечал, что комплексное изучение системы государственного и местного управления, а также всесторонний анализ провинциального чиновничества и механизмов его взаимодействия с центральными и высшими органами власти позволит применять исторический опыт при проведении административных реформ в России.

Т. Р. Вакилев исследовал работу служащих местных органов управления, эволюцию институтов, структуру и состав чиновничества в период правления Николая I, а также функционирование и организацию делопроизводства. Автор пытался пересмотреть традиционные стереотипы, связанные с формированием социального образа чиновничества первой половины XIX века. Собираемый образ российского провинциального чиновника николаевского времени, по мнению исследователя, в основном негативно оценивался в историографии.

Достоинством представленной работы является портрет провинциального чиновника николаевского периода, созданный автором, с выделением особенностей служащих Пензенской губернии.

Известный южноуральский историк И. А. Новиков в своей диссертации предпринял удачную, на наш взгляд, попытку исследовать взаимоотношения горнозаводской и гражданской администрации на Урале в XVIII – первой половине XIX века. [28]. К этому же сюжету в своей диссертации «Уральские горнозаводчики и власть в конце XIX – начале XX века» обратился и М. В. Друзин. Он доказал, что на местном уровне управления горными заводами отмечалось противостояние губернаторов с главным начальником уральских горных заводов, что приводило к снижению эффективности управления горнозаводским регионом.

По мнению М. В. Друзина, губернаторский корпус состоял из молодых, квалифицированных и опытных чиновников, однако эти качества не гарантировали их успешность в управлении горнозаводскими губерниями. Чиновникам требовалось время для того, чтобы освоить особенности управления крупным горнопромышленным регионом, каким были уральские губернии [29].

Одним из достоинств работы М. В. Друзина является использование в качестве источника лич-

ной переписки представителей чиновного мира, горнозаводской аристократии и научно-технической интеллигенции, которые часто могли в это время находиться в нескольких разных ипостасях.

К. Ш. Ахтямов в исследовании «Органы административно-территориального управления на Южном Урале в 188–1917 гг.» проанализировал деятельность органов административно-территориального управления на Южном Урале [30]. Исследователь отмечал, что в 1990-х годах Россия переживала один из самых сложных этапов своей истории, связанный с переосмыслением ценностей, отказом от тоталитарной системы управления, ее структурными преобразованиями и попытками реформирования местных органов власти. В связи с этим, по мнению К. Ш. Ахтямова, особого внимания заслуживают вопросы, связанные с функционированием административных органов дореволюционной России.

В своей диссертации автор пришел к выводу, что административные органы Оренбургской и Уфимской губерний обладали более упрощенной структурой по сравнению с центральными регионами. На Южном Урале количество чиновников было значительно меньше, что объяснялось прежде всего невысоким числом уездов. В основном в местных органах власти работали специалисты с богатым практическим опытом, большинство из которых были местными жителями. Исключение составляли губернаторы, которые не были уроженцами управляемых ими территорий и рассматривали свое пребывание в регионе как очередной этап в своей карьерной лестнице. Решительного реформирования системы государственного управления на Южном Урале в течение изучаемого периода не произошло.

В работе К. Ш. Ахтямова детально исследована деятельность губернаторов и губернского правления, но, к сожалению, предметом исследования не стали уездные и волостные чиновники.

В своей диссертационной работе «Государственное управление в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.» Р. И. Хафизова отмечала, что социально-экономические преобразования в стране обусловили появление новых требований к сфере управления [31]. Политическая система общества переживала значительные изменения. Р. И. Хафизова отмечала, что без знания истории, важной частью которой является история государственного управления, трудно прийти к пониманию современных реформ и оценить их потенциальную пользу для российского общества. Автор считал, что изменения, произошедшие в общественной жизни XIX века, имели прямое и непосредственное отношение к современной России.

Р. И. Хафизова провела исследование губернских, уездных и волостных учреждений местного самоуправления, их функций, организационной структуры и кадрового состава. Внимание автора

также было сосредоточено на деятельности местных властей в качестве исполнителей государственной политики. Р. И. Хафизова отмечала, что деятельность местных органов государственного управления в конце XIX – начале XX века имела значительные недостатки. Губернские и уездные учреждения отличались затягиванием рассмотрения дел, бюрократической волокитой и частыми нарушениями должностных обязанностей. В то же время органы власти почти не подвергались осуждению в прессе, которая находилась под строгим цензурным контролем.

Достоинством работы Р. И. Хафизовой является подробное исследование структуры и личного состава уездных и волостных органов местного управления.

Продолжают исследовать феномен российской бюрократии и зарубежные исследователи. Так, японский ученый К. Мацузато в работе «Генерал-губернаторства Азиатской России: геополитика и территориальное управление» предпринял попытку исследовать территориальное управление Азиатской Россией второй половины XIX века сквозь призму института генерал-губернаторов. В одной из своих статей К. Мацузато на примере Оренбургской и Уфимской губернии проанализировал трудности, возникавшие в ходе преобразования губерний после ликвидации их пограничного статуса [32].

К. Мацузато сделал вывод, что из губерний Оренбургского генерал-губернаторства Великие реформы затронули лишь Самарскую и Уфимскую губернии. В Уфимской губернии генерал-губернаторы из Оренбурга последовательно ликвидировали Башкирское войско и внедрили земства. В отличие от Уфимской, в Оренбургской губернии земства не были созданы из-за сохранения Оренбургского казачьего войска. К. Мацузато является одним из немногих иностранных ученых, исследовавших генерал-губернаторство Южного Урала. Он выделил причины задержек с введением земств в Оренбургской губернии, однако не затронул вопрос о составе среднего и низшего чиновничьего аппарата данного региона.

Подводя итог, следует отметить, что постсоветский период исследования феномена чиновничества представлен значительным количеством работ, посвященных изучению различных аспектов прошлого российского чиновничества. К ключевым достижениям современной российской историографии дореволюционного чиновничества можно отнести смещение акцента на изучение нравов, психологии и повседневной жизни чиновников, а также возрастание интереса к региональной истории, где объектом исследования становится провинциальное чиновничество (в зарубежной историографии психология чиновников изучалась еще с 1960-х годов [18]). Кроме того, наблюдается изменение источниковой базы, выражаю-

щееся в более широком использовании современными учеными мемуаров, воспоминаний и дневников представителей бюрократии.

Но все-таки предметом исследования для большинства отечественных и зарубежных историков, изучавших феномен бюрократии, была высшая бюрократия. Изучение представителей чиновничества среднего и низшего звена в основном ограничивалось обозначением отрицательных черт данной социальной группы. Многие сюжеты, связанные с историей провинциального чиновничества, требуют дальнейшего исследования.

Выводы

Отечественная историческая наука проделала большой объем работы по исследованию истории российской / советской бюрократии. Если первоначально внимание исследователей сосредоточилось на изучении процессов, происходивших в «высших эшелонах» российской власти, которые анализировались с помощью традиционных для российской дореволюционной исторической науки методов и на базе не менее традиционных источников, то в дальнейшем в рамках «советского» периода развития исторической науки круг проблем, методы и источники исследования феномена дореволюционной бюрократии заметно изменились. Многие из этих перемен были связаны с высоким уровнем политизации советской исторической науки и ограниченностью ее исследовательского, в первую очередь методологического инструментария. «Жесткие» рамки классового подхода ограничили возможность многих советских историков в изучении истории отечественной бюрократии. С наступлением постсоветского этапа в развитии отечественной исторической науки существенно расширился круг сюжетов, связанных с историей отечественной бюрократии, которые стали предметом изучения. Возможность широко использовать при изучении бюрократии подходы и исследовательские практики, получившие широкое распространение в зарубежной исторической науке, и расширение источниковой базы исследований дали возможность существенно углубить научные представления о специфике механизмов формирования отечественной бюрократии (особенно ее высшего звена), о роли бюрократии в развитии страны в целом и в решении отдельных общегосударственных проблем в частности. Вместе с тем, на наш взгляд, целый ряд проблем, связанных с историей российской, особенно дореволюционной бюрократии, требуют дальнейшего более внимательного изучения. В первую очередь речь идет об истории провинциальной бюрократии, того слоя чиновников, который принимал активное участие в реализации решений центральных органов власти на местах, где и проживала большая часть населения империи, где

происходили очень важные социально-экономические и политические процессы. Одним из таких регионов являлся и является Южный Урал. Вопросы, связанные с источниками формирования и социальными практиками южноуральских чиновников, пока освещены фрагментарно, не исследован процесс взаимодействия гражданских чиновников с чиновниками горной администрации, с центральными органами власти.

История взаимоотношений государственных служащих представляет в настоящее время большой интерес. Результаты исследования позволят сформировать более глубокое научное понимание генезиса Российского государства, которое сегодня переживает непростой этап в своем развитии.

Литература

1. Чичерин, Б. Н. Курс государственной науки / Б. Н. Чичерин. — М. : Политика, 1898. — Ч. 5. — 356 с.
2. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. — М. : Высшая школа, 1968. — 368 с.
3. Шумилов, М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х — начале 80-х гг. XIX в. / М. М. Шумилов. — М. : Прометей, 1991. — 218 с.
4. Мухина, Е. Н. Человек толпы (портрет губернского жандармского штаб-офицера эпохи Николая I / Е. Н. Мухина // Вестник Московского университета. Серия 8. История. — 2000. — № 4. — С. 34–52.
5. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) / Б. Н. Миронов. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. — 368 с.
6. Градовский, А. Д. Собрание сочинений. Т. 9. Курс русской истории Ч. 3 / А. Д. Градовский. — СПб., 1908. — 114 с.
7. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. — М. : Высшая школа, 1983. — 352 с.
8. Ключевский, В. О. Курс русской истории. Ч. 3 / В. О. Ключевский. — М., 1908–1916. — 480 с.
9. Ивановский, В. В. Бюрократия как самостоятельный общественный класс // Русская мысль. — 1903. — № 8. — С. 1–23.
10. Тхоржевский, С. И. В. О. Ключевский как социолог и политический мыслитель // Дела и дни. — 1921. — № 2. — С. 152–179.
11. Александров, М. С. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России / М. С. Александров. — СПб. : Жизнь и знание, 1910. — 175 с.
12. Ролдугина, О. А. Отечественная историография государственной службы Российской империи: 1991–2005 гг. : дис. ... канд. ист. наук / О. А. Ролдугина. — М., 2005. — 216 с.
13. Предтеченский, А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четвер-

ти XIX века / А. В. Предтеченский. – М. : Мысль, 1957. – 280 с.

14. Рындзюнский, П. Г. Городское гражданство дореформенной России / П. Г. Рындзюнский. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 323 с.

15. Зайончковский, П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке / П. А. Зайончковский. – М. : Мысль, 1978. – 288 с.

16. Большакова, О. В. П. А. Зайончковский и американская Русистика 1960–1980-х годов. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/p-a-zayonchkovskiy-i-amerikanskaya-rusistika-19601980-h-godov> (дата обращения: 17.02.2025).

17. Троицкий, С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии / С. М. Троицкий. – М. : Наука, 1974. – 393 с.

18. Raeff, M. Origins of the Russian intelligentsia: The Eighteenth century nobility / M. Raeff. – New York : Harcourt Brace Jovanovich, 1966. – 248 p.

19. Raeff, M. Political ideas and institutions in imperial Russia / M. Raeff. – Boulder : Westview press, 1994. – 389 p.

20. Уортман, Р. С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России / Р. С. Уортман. – М. : Новое литературное обозрение, 2004. – 520 с.

21. Шилов, Д. Н. Государственные деятели Российской империи 1802–1917 / Д. Н. Шилов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. – 830 с.

22. Любичанковский, С. В. Губернское правление в системе губернаторской власти в последнее десятилетие существования Российской империи (на материалах Урала) : дис. ... канд. ист. наук / С. В. Любичанковский. – Оренбург, 2003. – 296 с.

23. Любичанковский, С. В. Структурно-функциональный подход к истории местного самоуправления Российской империи (1907–1917 гг.) / С. В. Любичанковский. – Оренбург : ИПК ГОУ ОГУ, 2005. – 402 с.

24. Оспанова, А. А. Внутренняя организация канцелярии оренбургского генерал-губернатора

в 1865–1881 гг. / А. А. Оспанова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. – 2020. – Т. 2, № 1. – С. 11–22.

25. Нечаева, С. В. Историко-политологический анализ эволюции управленческой элиты Южного Урала в XIX – начале XX вв. / С. В. Нечаева // Социум и власть. – 2009. – №3 (23). – С. 40–47.

26. Козельчук, Т. В. Чиновничество Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX в. как социальный слой : дис. ... канд. ист. наук / Т. В. Козельчук. – Курган, 2002. – 276 с.

27. Вакилев, Т. Р. Провинциальное чиновничество в системе государственного управления во второй четверти XIX века: на материалах Пензенской губернии : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Т. Р. Вакилев. – Пенза, 2017. – 21 с.

28. Новиков, И. А. История формирования и развития системы управления горнозаводской промышленности Урала в XVIII – первой половине XIX века : дис. ... канд. ист. наук / И. А. Новиков. – Челябинск, 1999. – 337 с.

29. Друзин, М. В. Уральские горнозаводчики и власть в конце XIX – начале XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. В. Друзин. – СПб., 2013. – 30 с.

30. Ахтямов, К. Ш. Органы административно-территориального управления на Южном Урале в 1881–1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / К. Ш. Ахтямов. – Оренбург, 2000. – 22 с.

31. Хафизова, Р. И. Государственное управление в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Р. И. Хафизова. – Уфа, 1999. – 21 с.

32. Мацузато, К. Генерал-губернаторства Азиатской России: геополитика и территориальное управление / К. Мацузато // Личность, общество и власть в истории России : сборник научных статей, посвященный 70-летию д-ра ист. наук, проф. В. И. Шишкина. – Новосибирск : Изд-во Сибирского отделения РАН, 2018. – С. 74–103.

Васильев Дмитрий Евгеньевич – аспирант кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: dmitriy_archive74@mail.ru. ORCID 0009-0009-1670-1171

Поступила в редакцию 3 сентября 2025 г.

PRE-REVOLUTIONARY BUREAUCRACY OF THE RUSSIAN EMPIRE AND THE SOUTHERN URALS: BASIC TRENDS AND PROSPECTS FOR STUDY

D. E. Vasilev

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article critically analyzes the main findings of scholars' works and identifies the most promising areas for research related to the history of Russian bureaucracy. It outlines the key stages in the development of domestic historiography on bureaucratic history and analyzes the major approaches to studying bureaucracy in the Southern Urals during the second half of the 19th and early 20th centuries. The article identifies monographs, research papers, and dissertations focusing on bureaucracy in the Russian Empire and the Southern Urals. The historical-comparative method is used to compare the approaches employed by historians to study pre-revolutionary bureaucracy during the pre-revolutionary, Soviet, and modern periods of Russian history. The analysis allows revealing aspects of the officials' life in the Southern Urals in the second half of the 19th and early 20th centuries that have not been adequately explored. The article outlines several problems related to the history of the pre-revolutionary Russian bureaucracy. First of all, this is the history of provincial officials, who took an active part in implementing decisions made by central authorities at the local level. The majority of the empire's population lived in provinces characterized by essential socio-economic and political processes. The Southern Urals is one of these regions. The article identifies promising areas for research, including the sources of formation and social practices of South Ural officials, as well as the interaction between civilians and officials of the mining administration and central authorities.

Keywords: historiography, bureaucracy, officials, Southern Urals, social practices.

References

1. Chicherin B.N. Kurs gosudarstvennoy nauki [Course of State Science]. Moscow: Police, 1898. Ch. 5. 356 p.
2. Eroshkin N.P. Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolutsionnoy Rossii [History of State Institutions of Pre-Revolutionary Russia]. Moscow: High School, 1968. 368 p.
3. Shumilov M.M. Mestnoe upravlenie i tsentral'naya vlast' v Rossii v 50-kh – nachale 80-kh gg. XIX v. [Local Government and Central Authority in Russia in the 1850s – Early 1880s]. Moscow: Prometey, 1991. 218 p.
4. Mukhina E.H. Chelovek tolpy (portret gubernskogo zhandarmskogo shtab-ofitsera epokhi Nikolaya I [Man of the Crowd (Portrait of a Provincial Gendarme Staff Officer of the Era of Nicholas I] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*. 2000. № 4. P. 34–52.
5. Mironov B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [Social History of Russia During the Imperial Period (XVIII – Early XX Centuries)]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2003. 368 p.
6. Gradovskiy A.D. Sobranie sochineniy. T. 9. Kurs russkoy istorii Ch. 3 [Collected Works. Vol. 9. Russian History Course. P. 3]. Saint Petersburg, 1908. 114 p.
7. Eroshkin N.P. Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolutsionnoy Rossii [History of State Institutions of Pre-Revolutionary Russia]. Moscow: High School, 1983. 352 p.
8. Klyuchevskiy V.O. Kurs russkoy istorii. Ch. 3 [Course of Russian History. P. 3]. Moscow, 1908–1916. 480 p.
9. Ivanovskiy V.V. Byurokratiya kak samostoyatel'nyy obshchestvennyy klass [Bureaucracy as an Independent Social Class] // *Russkaya mysl'*. 1903. № 8. P. 1–23.
10. Tkhorzhevskiy S.I. V.O. Klyuchevskiy kak sotsiolog i politicheskiy myslitel' [V.O. Klyuchevsky as a Sociologist and Political Thinker] // *Dela i dni*. 1921. № 2. P. 152–179.
11. Aleksandrov M.S. Gosudarstvo, byurokratiya i absolyutizm v istorii Rossii [State, Bureaucracy and Absolutism in the History of Russia]. Saint Petersburg: Life and Knowledge, 1910. 175 p.
12. Roldugina O.A. Otechestvennaya istoriografiya gosudarstvennoy sluzhby Rossiyskoy imperii: 1991–2005 gg. [Domestic Historiography of the Civil Service of the Russian Empire: 1991–2005]. Moscow, 2005. 216 p.

13. Predtechenskiy A.B. Ocherki obshchestvenno-politicheskoy istorii Rossii v pervoy chetverti XIX veka [Essays on the Socio-Political History of Russia in the First Quarter of the 19th Century]. Moscow: Idea, 1957. 280 p.
14. Ryndzyunskiy P.G. Gorodskoe grazhdanstvo doreformennoy Rossii [Urban Citizenship of Pre-Reform Russia]. Moscow: Publishing AS USSR, 1958. 323 p.
15. Zayonchkovskiy P.A. Pravitel'stvennyy apparat samoderzhavnoy Rossii v XIX veke [The Government Apparatus of Autocratic Russia in the 19th Century]. Moscow: Idea, 1978. 288 p.
16. Bol'shakova O.V. P.A. Zayonchkovskiy i amerikanskaya Rusistika 1960–1980-kh godov [P.A. Zayonchkovsky and American Russian Studies of the 1960s–1980s]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/p-a-zayonchkovskiy-i-amerikanskaya-rusistika-19601980-h-godov> (date of accessed: 17.02.2025).
17. Troitskiy S.M. Russkiy absolyutizm i dvoryanstvo v XVIII v. Formirovanie byurokratii [Russian Absolutism and Nobility in the 18th century. Formation of Bureaucracy]. Moscow: Science, 1974. 393 p.
18. Raeff M. Origins of the Russian Inteligensia: The Eighteenth Century Nobility. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1966. 248 p.
19. Raeff M. Political Ideas and Institutions in Imperial Russia. Boulder: Westview press, 1994. 389 p.
20. Uortman R.S. Vlastiteli i sudii: Razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoy Rossii [Rulers and Judges: The Development of Legal Consciousness in Imperial Russia]. Moscow: New literature Review, 2004. – 520 p.
21. Shilov D.N. Gosudarstvennye deyateli Rossiyskoy imperii 1802–1917 [Statesmen of the Russian Empire 1802–1917]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2001. 830 p.
22. Lyubichankovskiy S.V. Gubernskoe pravlenie v sisteme gubernatorskoy vlasti v poslednee desyatiletie sushchestvovaniya Rossiyskoy imperii (na materialakh Urala) [Provincial Government in the System of Gubernatorial Power in the Last Decade of the Russian Empire (Based on Materials from the Urals)]. Orenburg, 2003. 296 p.
23. Lyubichankovskiy S.V. Strukturno-funktsional'nyy podkhod k istorii mestnogo samoupravleniya Rossiyskoy imperii (1907–1917 gg.) [Structural-Functional Approach to the History of Local Self-Government in the Russian Empire (1907–1917)]. Orenburg: Publishing OSU, 2005. 402 p.
24. Ospanova A.A. Vnutrennyaya organizatsiya kantselyarii orenburgskogo general-gubernatora v 1865–1881 gg. [Internal Organization of the Office of the Orenburg Governor-General in 1865–1881] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Istoricheskie nauki*. 2020. T. 2, №1. P. 11–22.
25. Nechaeva S.V. Istoriko-politologicheskiy analiz evolyutsii upravlencheskoy elity Yuzhnogo Urala v XIX – nachale XX vv. [Historical and Political Analysis of the Evolution of the Managerial Elite of the Southern Urals in the 19th – early 20th centuries] // *Sotsium i vlast'*. 2009. № 3 (23). P. 40–47.
26. Kozel'chuk T.V. Chinovnichestvo Tobol'skoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale KhKh vv. kak sotsial'nyy sloi [The Bureaucracy of the Tobolsk Province in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries as a Social Stratum]. Kurgan, 2002. 276 p.
27. Vakilev T.R. Provintsial'noe chinovnichestvo v sisteme gosudarstvennogo upravleniya vo vtoroy chetverti XIX veka: na materialakh Penzenskoy gubernii [Provincial Bureaucracy in the System of Public Administration in the Second Quarter of the 19th Century: Based on Materials from the Penza Province] Penza, 2017. 21 p.
28. Novikov I.A. Istoriya formirovaniya i razvitiya sistemy upravleniya gornozavodskoy promyshlennosti Urala v XVIII – pervoy polovine XIX veka [History of the Formation and Development of the Management System of the Mining Industry of the Urals in the 18th – First Half of the 19th Century]. Chelyabinsk, 1999. 337 p.
29. Druzin M.V. Ural'skie gornozavodchiki i vlast' v kontse XIX – nachale XX veka [Ural Miners and the Government in the Late 19th – Early 20th Century]. Saint Petersburg, 2013. 30 p.
30. Akhtyamov K.S. Organy administrativno-territorial'nogo upravleniya na Yuzhnom Urale v 1881–1917 gg. [Administrative-Territorial Authorities in the Southern Urals in 1881–1917]. Orenburg, 2000. 22 p.
31. Khafizova R.I. Gosudarstvennoe upravlenie v Ufimskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [Public Administration in the Ufa Province in the Second Half of the 19th – early 20th centuries]. Ufa, 1999. 21 p.
32. Matsuzato K. General-gubernatorstva Aziatskoy Rossii: geopolitika i territorial'noe upravlenie [Governorates-General of Asian Russia: Geopolitics and Territorial Administration] // *Lichnost', obshchestvo i vlast' v istorii Rossii: sbornik nauchnykh statey, posvyashchenny 70-letiyu d-ra ist. nauk, prof. V.I. Shishkina*. Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2018. P. 74–103.

Dmitrii E. Vasilev – Postgraduate Student of the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: dmitriy_archive74@mail.ru

Received September 3, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Васильев, Д. Е. Дореволюционное чиновничество Российской империи и Южного Урала: основные тенденции и перспективы изучения / Д. Е. Васильев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 15–25. DOI: 10.14529/ssh250402

FOR CITATION

Vasilev D. E. Pre-revolutionary bureaucracy of the Russian Empire and the Southern Urals: basic trends and prospects for study. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 15–25. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250402

ДИССЕРТАЦИИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ (ОПЫТ ЧЕЛЯБИНСКОГО ИНСТИТУТА МЕХАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА, 1944–1945 гг.)

Н. В. Гришина^{1,2}

¹Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

²Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова
Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Статья посвящена изучению процесса защит диссертаций в период Великой Отечественной войны. В статье представлен опыт Челябинского института механизации сельского хозяйства – единственного вуза региона, получившего в годы войны право присуждать ученую степень кандидата наук. Автор с опорой на делопроизводственную документацию института рассматривает корпус диссертантов, особенности проведения диссертационных диспутов, а также взаимодействие руководства вуза с Высшей аттестационной комиссией по вопросам присуждения ученых степеней. В период 1944–1945 гг. кандидатские диссертации защитили 8 исследователей. В статье презентуются биографические сведения о диссертантах, что позволило выявить общие тенденции и, напротив, обратить внимание на особенности формирования круга соискателей ученой степени. В статье уделяется внимание влиянию процессов эвакуации и реэвакуации на формирование ученого совета вуза и корпуса ученых-диссертантов. Делается вывод, что военная повседневность оказывала влияние как на организацию защит диссертаций, так и на презентацию и содержание научных исследований, выносимых на защиту. Первые кандидаты наук, защитившие диссертации в институте, в большинстве своем уехали из региона. Обращение к их опыту защит диссертаций позволяет раскрыть, как применялись на местах нормативные требования к присуждению ученых степеней и складывалась советская диссертационная культура.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, диссертации, наука, Челябинский институт механизации сельского хозяйства, Высшая аттестационная комиссия.

Введение

Период Великой Отечественной войны стал особым временем в развитии национальной науки. С одной стороны, экстремальные условия военного времени требовали консолидации ресурсов, в том числе научных сил, что в итоге значительно повысило в 1940-х гг. статус ученых в глазах государства и общества. С другой – во время войны несколько пошатнулась организованная в середине 1930-х гг. система присуждения ученых степеней и званий, по сути, военное время стало периодом проверки на прочность советских институций, ориентированных на приращение научных кадров.

Автор статьи ставит целью на примере одной организации проанализировать региональный опыт присуждения ученых степеней в военное время. Достижение этой цели возможно посредством представления материала в контексте научной политики 1941–1945 гг., через демонстрацию взаимодействия Челябинского института механизации сельского хозяйства (далее – ЧИМСХ), единственного вуза Челябинска, получившего в годы войны право присуждать ученые степени¹, с Всесоюзным комитетом по делам высшей школы при СНК СССР (далее – ВКВШ) и Высшей атте-

стационной комиссией (далее – ВАК). Важным аспектом исследования является анализ конкретных практик работы с диссертантами и экспертизы диссертаций, а также влияния военного времени на диссертационный нарратив и тон обсуждения.

Обзор литературы

Историографическая основа включает в себя работы, лежащие в нескольких проблемных областях. Во-первых, исследования, посвященные анализу советской системы научной аттестации и ее законодательному регулированию. Эта проблема имеет достаточно длительную традицию изучения [1–5], однако авторы подобных работ обычно сосредотачиваются именно на регуляторах процесса присуждения ученых степеней, не ставя перед собой задачи (или не имея эмпирического материала для ее решения) проследить практику применения нормативно-правовых установок.

Во-вторых, к нашей теме примыкают исследования регионального опыта научной аттестации. На данный момент в историографии сложилось несколько исследовательских центров, представители которых презентуют региональный материал по интересующей нас проблеме. В этом ряду можно отметить работы, посвященные науке военного времени в томских вузах [6], Татарской АССР [7, 8], Свердловске [9].

Наконец, важно отметить существующую в историографии диспропорцию между исследованием диссертационной культуры на примере гума-

¹ В данной статье не анализируется опыт вузов, присуждавших ученые степени и находящихся в эвакуации в г. Челябинске или Челябинской области (Киевский медицинский институт, Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена, Сталинградский механический институт).

нитариев (историков, филологов-классиков) и представителей иных специальностей. В лучшем случае можно опереться на попытку библиографического описания диссертаций «естественников» и представителей технических наук [10–12], нежели на детальную реконструкцию их диссертационной субкультуры.

Методы исследования

Теоретической рамкой исследования стал концепт «диссертационная культура», разработанный научным коллективом, в который входила и автор настоящей статьи. Диссертационная культура представляет собой «событийный и смысловой спектр явлений», включающих процесс подготовки, презентации и экспертизы диссертационных исследований «в контексте обстоятельств научной жизни <...> нормативного и неформального происхождения» [13, с. 10–11]. Таким образом, мы исходим из понимания, что в процессе присуждения ученых степеней всегда сталкиваются факторы внешней природы (регулятивные, идеологические) и имманентно присущие научному сообществу (экспертиза, «инициация», включение в круг «своих») [14].

Специфика организации и управления советской наукой [15] определила еще один важный для исследования теоретико-методологический ориентир – исторический институционализм [16]. Выбранный подход нацеливает на изучение того, каким образом институты структурируют и формируют поведение различных акторов, а также требует сопоставления сверху заданных установок с результатами конкретных действий и решений.

Результаты и дискуссия

В 1944 г. начался новый этап в развитии советской науки, сутью которого стала ориентация уже на послевоенное развитие, для чего необходимо было значительно прирастить научные кадры высшей квалификации. Это подтверждается целым рядом постановлений, принятых в январе–феврале 1944 г. и фиксирующих обновление научной политики. В начале января 1944 г. вышло постановление, нацеленное на улучшение подготовки аспирантов в вузах [17]. 16 февраля 1944 г. СНК СССР обнародовал распоряжение, в котором были обозначены новые организации, получившие право присуждать ученые степени. В приложении № 2 среди 21 организации, получившей право присуждать ученую степень кандидата наук, под № 15 значится Челябинский институт механизации сельского хозяйства [18, л. 444]. Это распоряжение было подкреплено постановлением от 18 февраля 1944 г. «Об утверждении Положения о научно-исследовательской деятельности высших учебных заведений», закрепившим обязательное повышение квалификации профессорско-преподавательских кадров и развитие в вузах научных исследований [19].

Тексты нормативных документов доводились до вузов в форме уведомлений и приказов [20, л. 60–61], после чего организации получали воз-

можность сформировать и предложить на утверждение собственное видение практического воплощения полученного права присуждать ученые степени. Так, Челябинский институт механизации сельского хозяйства по приказу имел право предложить состав ученого совета, который утверждался Всесоюзным комитетом по делам высшей школы при СНК СССР (далее – ВКВШ), а также перечень научных специальностей, по которым планировались защиты диссертаций. Состав Ученого совета численностью 20 человек (позднее 21 человек) и перечень научных специальностей были утверждены ВКВШ 24 мая 1944 г.

В состав совета вошли директор института, ставший председателем совета, С. П. Лебедев, видные ученые и представители промышленного сектора: Ж. Я. Котин, В. П. Вологдин, М. П. Сергеев. В обязательном порядке в состав совета входил представитель кафедры марксизма-ленинизма (заведующий кафедрой В. Ф. Коколев) и представитель парторганизации. Уже спустя 3 месяца в состав совета были внесены изменения. В связи с реэвакуацией из него исключили профессора И. Н. Вознесенского и доцентов М. В. Товбина и Д. И. Нелуша, но включили доцента М. И. Цейтлина [20, л. 34]. Другие члены совета, оказавшиеся в Челябинске в военный период, продолжили работу в нем, например, Николай Викентьевич Комар, ранее профессор Харьковского института механизации сельского хозяйства².

В итоге ЧИМСХ получил право присуждать ученые степени по отраслям «тракторы и автомобили», «с/х машины», «эксплуатация машинно-тракторного парка», «ремонт машинно-тракторного парка» [20, л. 42–42об], но не получил, несмотря на дополнительное специальное ходатайство, направленное в ВКВШ в декабре 1945 г., с указанием наличия в регионе профильных предприятий и «высококвалифицированных» научных кадров, в области «технологии металлов» [20, л. 1]. Такие диссертации защищались до 1944 г. на базе эвакуированного в Челябинск Сталинградского механического института, но в связи с его реэвакуацией защиты прекратились. Видимо, надеясь на положительное решение вопроса Ученый Совет ЧИМСХ еще в августе 1945 г. принял к рассмотрению две диссертации металлургического профиля – инженера-механика Г. И. Булычева и инженера В. К. Титова, не успевших в силу разных причин организовать защиту в Сталинградском механическом институте [20, л. 6]. Однако ответ ВАК был безапелляционным: «Высшая аттестационная комиссия не находит возможным разрешить Совету Вашего

² Н. В. Комар не получил ученую степень доктора технических наук за диссертацию «Линейные допуски в сельскохозяйственных машинах», представленную в 1940 г. в Киевский индустриальный институт, однако ему продлили право занимать должность профессора [21, л. 19].

института рассмотреть диссертации т.т. Булычева Г. И. и Титова В. К.» [20, л. 4].

Разворачивание в вузе системы присуждения ученых степеней происходило постепенно. Первые защиты были запланированы на август 1944 г. Однако в начале сентября 1944 г. директорат института получил уведомление со ссылкой на инструктивное письмо от 5 июня 1943 г. с требованием отчета по итогам работы в первом полугодии, когда диспутов еще не было [20, л. 29]. По всей видимости, проблема с подобной отчетностью была у многих организаций, получивших право присуждать ученые степени лишь в феврале 1944 г., так как типовой бланк для уведомления был напечатан в количестве 300 экземпляров.

Вместе с тем важно отметить, что институт старался в полной мере выполнять требования инструктирующих документов. Делопроизводственная документация вуза отражает соблюдение большинства пунктов основного документа, регулирующего присуждение ученых степеней, – Инструкции ВКВШ, принятой в мае 1941 г. [22]. Во-первых, обращает на себя внимание качество оформления диссертационных дел, протоколов и стенограмм диспутов. По требованию Инструкции дела по защитах кандидатских диссертаций, как и сами диссертации, в ВАК не направлялись, они должны были оставаться в учреждениях и храниться там. Также по защитах кандидатских диссертаций не требовалось стенограммы, однако в совете ЧИМСХ сложилась практика подробных протоколов, что позволяет реконструировать ход обсуждения диссертации. Единственной частью диспута, которая не нашла отражения в документах, являются ответы соискателей на вопросы и замечания оппонентов и членов совета. Во-вторых, диссертационные дела диссертантов свидетельствуют о том, что вуз чутко реагировал на меняющиеся требования в сфере присуждения ученых степеней. Так, в диссертационных делах мы находим рефераты-аннотации диссертаций, составленные ученым секретарем, требование по которым ВКВШ сформулировал в августе 1943 г. [23]. Эти же дела отражают начавшийся после войны процесс переаттестации научных кадров (с 1946 г.), когда советам вузов необходимо было направить в ВАК подтверждающие документы [24]. Причем диссертанты, защитившиеся в 1944–1945 гг., неизменно говорили о «благородном отношении» членов совета и надеялись на то, что ЧИМСХ сможет придать «ход делу» получения соответствующего аттестата [25, л. 1]. В-третьих, наиболее уязвимой частью присуждения ученых степеней в ЧИМСХ стали сами диссертации и их оформление. Инструкция уделяла внимание оформлению титульного листа (указание организации, где диссертация была выполнена, научного руководителя, фамилии и инициалов соискателя, темы диссертации, города и года). Однако в со-

хранившихся диссертациях соблюдения требований не наблюдается, зачастую отсутствует указание организации и города, научный руководитель не упоминается вовсе. В ряде диссертаций мы видим отсутствие нумерации страниц, а также многочисленные пометки карандашом в тексте. По всей видимости, эти отклонения от Инструкции носили повсеместный характер, так как в декабре 1944 г. ВАК, обобщив многочисленные нарушения в работе советов, издала специальный приказ, где, в том числе, отдельно были прописаны требования к оформлению диссертаций [26].

В 1944–1945 гг. в ЧИМСХ было организовано 8 диспутов, из 3150 по отрасли технических наук [1, с. 155–156]. Первыми соискателями, представившими свои диссертации на суд Ученого совета 3 августа 1944 г., стали и. о. доцента ЧИМСХ Тихонов Николай Прокопьевич и заместитель начальника отдела горючих и смазочных материалов Завода № 100 Народного комиссариата тяжелой промышленности (далее – НКТП), ранее эвакуированный из Харькова, Венцель Сергей Вениаминович.

Вторая серия защит состоялась 10 октября 1944 г. Авторами этих диссертаций были Петров Леонтий Петрович, работавший научным редактором в проектно-институте при НКТП, и Рустем Семен Леопольдович – главный металлург Кузнецнопрессового завода им. Сталина.

Следующие диспуты были организованы уже в 1945 г. В мае (10 и 24) защитили диссертации сразу три исследователя – Шадричев Викторин Арсеньевич, Кутейников Федор Васильевич и Панкратов Яков Александрович. Если первый соискатель работал старшим инженером-технологом на Кировском заводе в Челябинске, то остальные представляли вузовскую науку, трудясь и. о. доцента в ЧИМСХ и Свердловском сельскохозяйственном институте. Наконец, завершающая защита в 1945 г. состоялась в середине декабря, когда был организован диспут Проскурякова Александра Осиповича, заведующего кафедрой Сельскохозяйственного института в Алма-Ате.

Попробуем представить некоторые характеристики этой немногочисленной группы диссертантов. На защиту в основном выходили исследователи в возрасте около 40 лет (5 человек из 8). Один диссертант (Венцель) был существенно моложе остальных (32 года), Петров и Панкратов перешли 50-летний возрастной рубеж. В этом плане особенно выделяется биография Л. П. Петрова, который, по всей видимости, в силу своего возраста (58 лет) и образования, а также опыта длительной командировки в 1920-х гг. на автомобильные заводы и в проектное бюро г. Детройта в США [27, л. 28–29], воспринимался членами совета несколько настороженно, как «старый специалист». Об этом свидетельствуют и подключение к дискуссии заведующего кафедрой марксизма-

ленинизма, и результаты голосования: «за» – 8, «против» – 5, «воздержался» – 2 [28, л. 50б]. Ученая степень была ему присуждена при перевесе в 1 голос. Хотя необходимо заметить, что серьезное расхождение голосов могло быть следствием того, что работа в большей степени напоминала рационализаторское предложение – применение привода автомобиля одновременно на колеса и бетономешалку, что критиковалось ВАК [26, с. 7]. Вместе с тем подобные производственные образцы, готовые к внедрению, высоко оценивались Наркомземом, в чьем ведении находился ЧИМСХ. В итоге письма поддержки диссертаций либо справки о готовности внедрения опытного образца, подготовленные различными подразделениями Наркомзема, часто сопровождали защиты диссертаций и становились дополнительными документами в диссертационных делах соискателей [25, л. 39–40]. Таким образом, мы наблюдаем двойственность во взгляде на суть ученой степени: ВАК требовала защитить диссертацию как научно-исследовательскую работу с новым для науки результатом, что закладывалось ею в понимание кандидатской диссертации; Наркомзем поддерживал практико-ориентированные разработки, часто в формате рационализаторских предложений, подвергавшиеся критике со стороны ВАК.

Обратим внимание, что в числе диссертантов просматриваются две группы. К первой можно отнести исследователей, работавших в вузах сельскохозяйственного профиля, – 4 человека. Вторую группу – 4 человека – составили инженерные кадры, эвакуированные и работавшие в годы войны на промышленных предприятиях региона. Фактически никто из соискателей первых лет, кроме В. Ф. Кутейникова, не остался работать в Челябинской области.

В обсуждении диссертаций принимали участие не только оппоненты, но и другие члены совета. К примеру, на защите Н. П. Тихонова, которая была первым диспутом для ЧИМСХ, вопросы диссертанту задали 10 членов совета [28, л. 10б–20б]. На защите С. Л. Рустема с вопросами к соискателю обратились 9 членов совета и еще 9 человек выступили в прениях, при этом в числе участников дискуссии были представители из публики, например, инженер завода № 701 Ревис [28, л. 50б–70б]. Можно предположить, что повышенный ажиотаж вызывали первые защиты в совете ЧИМСХ, однако и на диспутах 1945 г. мы видим вопросы соискателям от 7 (защита Ф. В. Кутейникова), 12 (защита В. А. Шадричева) членов совета [28, л. 8–10]. Вместе с тем наблюдается формирование ускоренной процедуры подготовки к диспутам. На ознакомление с текстом и написание отзыва оппонентам отводилось около 2 недель, что, конечно, шло вразрез с прежней (дореволюционной) диссертационной культурой, когда был установлен срок в 6 месяцев, но стало повсеместной

практикой в рамках советской гратификационной системы³. В этой ситуации закономерно, что сами отзывы редко превышали объем в 2 страницы рукописного или машинописного текста.

Подчеркнем, что общей чертой диссертаций является актуализация исследований событиями и последствиями Великой Отечественной войны. Наиболее явно это прослеживается в работе С. В. Венцеля, посвященной танковым двигателям: «Увеличение срока службы масла в двигателях внутреннего сгорания является весьма актуальной темой, в особенности в период Великой Отечественной войны, как мероприятие, дающее значительную экономию дефицитных нефтепродуктов» [29, л. 43]. В тезисах диссертации Л. П. Петров с целью актуализации проведенного исследования также специально подчеркивал огромные масштабы восстановительных работ послевоенного времени, для чего необходима «механизация бетонирования» [27, л. 42]. В качестве основной положительной черты диссертации на этот момент обращали внимание и оппоненты. М. П. Сергеев указывал, что «к положительным сторонам исследования следует также отнести стремление автора дать машину, необходимую для современных нужд промышленного строительства на восстановительных работах в освобожденных районах страны» [27, л. 54]. С. Л. Рустем в диссертации, посвященной проектированию термических цехов, также рассуждает о разрушительности войны, с последствиями которой поможет справиться, в том числе, и его работа. Во введении к диссертации он пишет: «Разрушительная война, ведущаяся немецкими захватчиками, вывела из строя много заводов и предприятий. Восстановление заводов на освобожденной территории требует технически правильного восстановления прежнего производства или же создания нового вида производства» [30, л. 5]. Важно отметить, что, учитывая требования ВАК о защите актуальных исследований, повестка завершения войны и послевоенного восстановления, безусловно, становилась определяющей в обосновании своевременности проблемы, на решение которой нацелена диссертация.

Выводы

Таким образом, начальный опыт присуждения ученых степеней Челябинского института механизации сельского хозяйства формировался в особых условиях военного времени. Ориентация на ускоренную подготовку кадров высшей квалификации, особенно для промышленного развития страны, введенные для вузов обязательства организации научно-исследовательской работы при отсутствии у многих из них существенного задела в этой об-

³ В контексте исследования гратификационная система определяется как система ранжирования научных работников на разных этапах научной карьеры. Ученая степень позволяла улучшить материальное положение и укрепить профессиональный статус.

ласти определили медленное разворачивание процесса присуждения ученых степеней. В ряде случаев вузы принимали к рассмотрению диссертации, которые больше напоминали рационализаторские предложения. На практику защит оказали влияние эвакуация, определившая состав соискателей ученой степени, и реэвакуация, ставшая причиной ротации членов совета. Вместе с тем нахождение в глубоком тылу на постоянном месте позволило ЧИМСХ изначально выстроить процедуру диспутов по всем правилам, установленным ВКВШ еще до войны и ужесточенным в ряде распоряжений и приказов 1943–1944 гг. Следование установленным нормам обеспечило диссертантам, защитившимся в ЧИМСХ, подтверждение их ученой степени в период переаттестации 1946–1948 гг. Начало защит диссертаций в ЧИМСХ в тот момент, когда советская диссертационная система приобрела не только законодательное и инструктивное оформление, но и десятилетний опыт присуждения ученых степеней по новым правилам, определило приобщение вуза сразу к нормам советской диссертационной культуры.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00259, <https://rscf.ru/project/25-18-00259/>.

Литература

1. Галкин, К. Т. Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР / К. Т. Галкин. – М. : Советская наука, 1958. – 176 с.
2. Лебин, Б. Д. Подбор, подготовка и аттестация научных кадров в СССР / Б. Д. Лебин. – М. ; Л. : Наука, 1966. – 288 с.
3. Выскуб, В. Г. Российская общественно-государственная система аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации / В. Г. Выскуб. – М. : Логос, 2005. – 254 с.
4. Колеватов, Д. М. Инструктивно-регулирующая деятельность ВАК: трансляция и закрепление нормативных рамок научного исследования в советский период / Д. М. Колеватов, Е. Ю. Соганова // Мир историка : историографический сборник; под ред. В. П. Корзун, С. П. Бычкова. Вып. 7. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. – С. 356–369.
5. Parsamov, V. S. The Establishment of the Higher Attestation Commission (the VAK) and the Politics of the Bolsheviks in the Sphere of Higher Education in the Late 1920s — Early 1930s / V. S. Parsamov // History of Education and Children's Literature. – 2015. – № X/2. – P. 345–357.
6. Фоминых, С. Ф. Томск – центр защиты диссертационных работ на востоке СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / С. Ф. Фоминых, А. О. Степнов // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 414. – С. 148–155.
7. Руденко, К. А. Формирование диссертационной культуры по археологии в Казанской губернии и ТАССР в 10-40-х годах XX века / К. А. Руденко // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. – Т. 165, № 1–2. – С. 211–232.
8. Бушуева, Л. А. «Эвакуированная история»: научная и преподавательская деятельность эвакуированных историков в Казани в годы Великой Отечественной войны / Л. А. Бушуева // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов : сборник статей II Международной научной конференции. – Казань, 2025. – С. 524–536.
9. Гилевич, Н. Д. Историческая наука Урала и Великая Отечественная война: деятельность эвакуированных академических и образовательных учреждений центральной части СССР в 1941–1943 гг. / Н. Д. Гилевич, А. А. Кулинский // Вестник Томского государственного университета. – 2024. – № 505. – С. 114–124.
10. Родный, А. Н. Динамика и структура отечественных диссертационных работ по истории химии / А. Н. Родный // История биологии и химии в XX столетии: вклад отечественных историков науки в изучение химико-биологических дисциплин. – М. : Янус-К, 2018. – С. 136–146.
11. Родный, А. Н. Динамика численности и основные параметры диссертационных работ по истории техники в СССР: 1935–1991 гг. / А. Н. Родный // Вопросы истории естествознания и техники. – 2020. – Т. 41, № 4. – С. 780–799.
12. Фандо, Р. А. История биологии: Аннотированный каталог докторских и кандидатских диссертаций: 1944–2021 гг. / Р. А. Фандо. – М. : Янус-К, 2022. – 272 с.
13. Диссертационная культура российского историко-научного сообщества: опыт и практики подготовки и защит диссертаций (XIX – начало XX в.) : коллективная монография / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2022. – 464 с.
14. Демина, Н. В. Институционализация в обществе ученых: защита кандидатской диссертации как обряд перехода / Н. В. Демина // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – Т. 8, № 1. – С. 97–112.
15. Наука большой страны: советский опыт управления / под ред. Е. А. Долговой. – М., 2023. – 625 с.
16. Белькова, А. А. Исторический институционализм – новое направление в исторических исследованиях / А. А. Белькова // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2014. – № 7. – С. 117–121.
17. О мероприятиях по улучшению подготовки аспирантов в высших учебных заведениях. Приказ ВКВШ при СНК СССР. 2 января 1944 г. № 2 // Бюллетень ВКВШ при СНК СССР. – 1944. – № 1. – С. 3–7.

18. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-5446. – Оп. 2. – Д. 89. – Л. 442–444.

19. Об утверждении Положения о научно-исследовательской деятельности высших учебных заведений. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР. 16 февраля 1944 г. № 178 // Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР за 1944 г. – № 1–15. – М., б. г. – С. 98–102.

20. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф. Р-1397. – Оп. 1. – Д. 152.

21. ГАРФ. – Ф. Р-9506. – Оп. 1. – Д. 371.

22. Инструкция о порядке применения постановлений СНК СССР от 20 марта 1937 г. и 26 апреля 1938 г. Утверждена 24 мая 1941 г. // Бюллетень ВКВШ при СНК СССР. – 1942. № 3. – С. 6–13.

23. О представлении диссертантами рефератов-аннотаций защищаемых диссертаций. Инструктивное письмо 25 августа 1943 г. № УС-52-

1 // Бюллетень ВКВШ при СНК СССР. – 1943. – № 10. – С. 7.

24. Долгова, Е. А. «Отклонить за отсутствием подтверждающих документов»: переаттестация в период Всесоюзного учета научных кадров (1946–1948 гг.) / Е. А. Долгова // *Magistra Vitae*. – 2023. – № 2. – С. 162–170. – URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/35-magistra-vitae-2-2023.html>. doi: 10.47475/2542-0275-2023-0-2-162-170.

25. ОГАЧО. – Ф. Р-1397. – Оп. 1. – Д. 170.

26. О мероприятиях по улучшению работы советов высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений по рассмотрению кандидатских диссертаций. Приказ № 604. 15 декабря 1944 г. // Бюллетень ВКВШ при СНК. – 1945. – № 1. – С. 6–8.

27. ОГАЧО. – Ф. Р-1397. – Оп. 1. – Д. 159.

28. ОГАЧО. – Ф. Р-1397. – Оп. 1. – Д. 149.

29. ОГАЧО. – Ф. Р-1397. – Оп. 1. – Д. 156.

30. ОГАЧО. – Ф. Р-1397. – Оп. 1. – Д. 158.

Гришина Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета, Челябинский государственный университет (Челябинск); Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук (Москва), e-mail: natalyagrishina@mail.ru. ORCID 0000-0002-4325-5965

Поступила в редакцию 15 июля 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh250403

WARTIME DISSERTATIONS IN THE REGIONAL DIMENSION (EXPERIENCE OF CHELYABINSK INSTITUTE OF AGRICULTURAL MECHANIZATION, 1944–1945)

N. V. Grishina^{1,2}

¹Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

²S. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

The article is devoted to the study of the process of defending dissertations during the Great Patriotic War. The article presents the experience of the Chelyabinsk Institute of Agricultural Mechanization – the only university in the region that received the right to award scientific degrees of candidate of sciences during the war years. The author, relying on the paperwork of the institute, considers the corps of dissertants, the peculiarities of conducting dissertation disputes, as well as the interaction of the university leadership with the Higher Attestation Commission on the award of academic degrees. In the period 1944–1945. candidate dissertations were defended by 8 researchers. The article presents biographical information about dissertations, which made it possible to identify general trends and, on the contrary, pay attention to the features of the formation of the circle of applicants for a degree. The article pays attention to the influence of evacuation and re-evacuation processes on the formation of the academic council of the university and the corps of dissertation scientists. It is concluded that military everyday life influenced both the organization of dissertation defenses and the presentation and content of scientific research submitted for defense. The first candidates of sciences who defended their dissertations at the institute, for the most part, left the region. An appeal to their experience in defending dissertations

allows us to reveal how the regulatory requirements for awarding academic degrees were applied in the field and the Soviet dissertation culture developed.

Keywords: Great Patriotic War, dissertations, science, Chelyabinsk Institute of Agricultural Mechanization, Higher Attestation Commission.

References

1. Galkin K.T. Vysshee obrazovanie i podgotovka nauchnykh kadrov v SSSR [Higher Education and Training of Scientific Personnel in the USSR]. Moscow: Soviet Science, 1958. 176 p.
2. Lebin B.D. Podbor, podgotovka i attestatsiya nauchnykh kadrov v SSSR [Selection, training and certification of scientific personnel in the USSR]. Moscow; Leningrad: Science, 1966. 288 p.
3. Vyskub V.G. Rossiyskaya obshchestvenno-gosudarstvennaya sistema attestatsii nauchnykh i nauchno-pedagogicheskikh kadrov vysshey kvalifikatsii [Russian Public-State Certification System for Highly Qualified Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel]. Moscow: Logos, 2005. 254 p.
4. Kolevator D.M., Soganova E.J. Instruktivno-reguliruyushchaya deyatel'nost' VAK: translyatsiya i zakreplenie normativnykh ramok nauchnogo issledovaniya v sovetskiy period [Instructional and Regulatory Activities of the Higher Attestation Commission: Translation and Consolidation of the Regulatory Framework for Scientific Research in the Soviet Period] // *Mir istorika: istoriograficheskiy sbornik*; pod red. V.P. Korzun, S.P. Bychkova. Vyp. 7. Omsk: Publishing OSU, 2011. P. 356–369.
5. Parsamov V.S. The Establishment of the Higher Attestation Commission (the VAK) and the Politics of the Bolsheviks in the Sphere of Higher Education in the Late 1920s — Early 1930s // *History of Education and Children's Literature*. 2015. № X/2. P. 345–357.
6. Fominyh S.F., Stepnov A.O. Tomsk – tsentr zashchity dissertatsionnykh rabot na vostoche SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. [Tomsk is a Center for the Defense of Dissertations in the East of the USSR During the Great Patriotic War of 1941–1945] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. № 414. P. 148–155.
7. Rudenko K.A. Formirovaniye dissertatsionnoy kul'tury po arkheologii v Kazanskoy gubernii i TASSR v 10-40-kh godakh XX veka [The Formation of a Dissertation Culture on Archeology in the Kazan Province and the TASSR in the 10–40s of the XX Century] // *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2023. T. 165. № 1–2. P. 211–232.
8. Bushueva L.A. “Evakuirovannaya istoriya”: nauchnaya i prepodavatel'skaya deyatel'nost' evakuirovannykh istorikov v Kazani v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [“Evacuated History”: Scientific and Teaching Activities of Evacuated Historians in Kazan During the Great Patriotic War] // *Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 gg. v sud'bakh narodov i regionov: sbornik statey II Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Kazan', 2025. P. 524–536.
9. Gilevich N.D., Kulinskij A.A. Istoricheskaya nauka Urala i Velikaya Otechestvennaya voyna: deyatel'nost' evakuirovannykh akademicheskikh i obrazovatel'nykh uchrezhdeniy tsentral'noy chasti SSSR v 1941–1943 gg. [Historical Science of the Urals and the Great Patriotic War: the Activities of Evacuated Academic and Educational Institutions in the Central Part of the USSR in 1941–1943] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2024. № 505. P. 114–124.
10. Rodnyj A.N. Dinamika i struktura otechestvennykh dissertatsionnykh rabot po istorii himii [Dynamics and structure of domestic dissertations on the history of chemistry] // *Istoriya biologii i khimii v KhKh stoletii: vklad otechestvennykh istorikov nauki v izucheniye khimiko-biologicheskikh distsiplin*. Moscow: Janus-K, 2018. P. 136–146.
11. Rodnyj A.N. Dinamika chislennosti i osnovnye parametry dissertatsionnykh rabot po istorii tekhniki v SSSR: 1935–1991 gg. [Dynamics of Numbers and Main Parameters of Dissertation Works on the History of Technology in the USSR: 1935–1991] // *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 2020. T. 41, № 4. P. 780–799.
12. Fando R.A. Istoriya biologii: Annotirovannyi katalog doktorskikh i kandidatskikh dissertatsiy: 1944–2021 gg. [History of Biology: Annotated Catalogue of Doctoral and Master's Theses: 1944–2021]. Moscow: Janus-K, 2022. 272 p.
13. Dissertatsionnaya kul'tura rossiyskogo istoriko-nauchnogo soobshchestva: opyt i praktiki podgotovki i zashchity dissertatsiy (XIX – nachalo XX v.) [Dissertation Culture of the Russian Historical and Scientific Community: Experience and Practices of Preparing and Defending Dissertations (XIX – early XX centuries)]: kollektivnaya monografiya / pod red. N.N. Alebras, N.V. Grishinoy. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2022. 464 p.
14. Demina N.V. Institutsionalizatsiya v soobshchestve uchenykh: zashchita kandidatskoy dissertatsii kak obryad perekhoda [Institutionalization in the Community of Scientists: Defending a Ph.D. Thesis as a Rite of Passage] // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 2005. T. 8, № 1. P. 97–112.

15. Nauka bol'shoy strany: sovetskiy opyt upravleniya [Science of a big country: Soviet management experience] / pod red. E.A. Dolgovoy. Moscow, 2023. 625 p.
16. Bel'kova A.A. Istoricheskiy institutsionalizm – novoe napravlenie v istoricheskikh issledovaniyakh [Historical Institutionalism is a New Direction in Historical Research] // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya*. 2014. № 7. P. 117–121.
17. O meropriyatiyakh po uluchsheniyu podgotovki aspirantov v vysshikh uchebnykh zavedeniyaх. Priказ VKVSh pri SNK SSSR. 2 yanvarya 1944 g. № 2 [On Measures to Improve the Training of Graduate Students in Higher Educational Institutions. The Order VKVS at SNK USSR. January 2, 1944 No. 2] // *Byulleten' VKVSh pri SNK SSSR*. № 2. 1944. № 1. P. 3–7.
18. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [State Archives of the Russian Federation (SARF)]. F. R-5446. Op. 2. D. 89. L. 442–444.
19. Ob utverzhdenii Polozheniya o nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti vysshikh uchebnykh zavedeniy. Postanovlenie Soveta Narodnykh Komissarov Soyuzа SSR. 16 fevralya 1944 g. № 178 [On Approval of the Regulation on Research Activities of Higher Educational Institutions. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR. February 16, 1944 No. 178] // *Sobranie postanovleniy i rasporyazheniy pravitel'stva SSSR za 1944 g.* Moscow, b. g. P. 98–102.
20. Ob"edinennyy gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti (OGACHO) [United State Archive of the Chelyabinsk Region (USACR)]. F. R-1397. Op. 1. D. 152.
21. GARF [SARF]. F. R-9506. Op. 1. D. 371.
22. Instruksiya o poryadke primeneniya postanovleniy SNK SSSR ot 20 marta 1937 g. i 26 aprelya 1938 g. Utverzhdena 24 maya 1941 g. [Instruction on the procedure for applying decisions of the Council of People's Commissars of the USSR of March 20, 1937 and April 26, 1938 Approved May 24, 1941] // *Byulleten' VKVSh pri SNK SSSR*. 1942. № 3. P. 6–13.
23. O predstavlenii dissertantami referatov-annotatsiy zashchishchaemykh dissertatsiy. Instruktivnoe pis'mo 25 avgusta 1943 g. № US-52-1 [On the submission by dissertants of abstracts-annotations of defended dissertations. Instruction letter August 25, 1943 No. US-52-1] // *Byulleten' VKVSh pri SNK SSSR*. 1943. № 10. P. 7.
24. Dolgova E. A. "Otklonit' za otsutstviem podtverzhdayushchikh dokumentov": pereattestatsiya v period Vsesoyuznogo ucheta nauchnykh kadrov (1946–1948 gg.) ["Reject due to the lack of confirmation": recertification during the all-union registration of scientists (1946–1948)] // *Magistra Vitae*. 2023. № 2. P. 162–170. URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/35-magistra-vitae-2-2023.html>. doi: 10.47475/2542-0275-2023-0-2-162-170.
25. OGACHO [USACR]. F. R-1397. Op. 1. D. 170.
26. O meropriyatiyakh po uluchsheniyu raboty sovetov vysshikh uchebnykh zavedeniy i nauchno-issledovatel'skikh uchrezhdeniy po rassmotreniyu kandidatskikh dissertatsiy. Priказ № 604. 15 dekabrya 1944 g. [On measures to improve the work of councils of higher educational institutions and research institutions for the consideration of master's theses. Order No. 604. December 15, 1944] // *Byulleten' VKVSh pri SNK*. 1945. № 1. P. 6–8.
27. OGACHO [USACR]. F. R-1397. Op. 1. D. 159.
28. OGACHO [USACR]. F. R-1397. Op. 1. D. 149.
29. OGACHO [USACR]. F. R-1397. Op. 1. D. 156.
30. OGACHO [USACR]. F. R-1397. Op. 1. D. 158.

Natalia V. Grishina – Cand. Sc. (History), Dean of the Faculty of History and Philology, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk); S. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Science (Moscow), e-mail: natalyagrishina@mail.ru

Received July 15, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Гришина, Н. В. Диссертации военного времени в региональном измерении (опыт Челябинского института механизации сельского хозяйства, 1944–1945 гг.) / Н. В. Гришина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 26–33. DOI: 10.14529/ssh250403

FOR CITATION

Grishina N. V. Wartime dissertations in the regional dimension (experience of Chelyabinsk Institute of Agricultural Mechanization, 1944–1945). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 26–33. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250403

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ АССОЦИАЦИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ РФ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ НАУКОЙ В 1990-е ГОДЫ

М. О. Окунева

*Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва,
Российская Федерация*

В статье на основе опубликованных и неопубликованных материалов рассматривается деятельность межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия субъектов РФ в области управления наукой в 1990-е гг. Методологическую основу исследования составили институциональный подход и историко-правовой метод. Источниковая база исследования представлена нормативно-правовыми актами, делопроизводственной документацией и публикациями 1990-х гг. В исследовании охарактеризованы причины создания и нормативная база деятельности межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия; разграничение полномочий в области управления наукой между федеральным центром и субъектами РФ; практики взаимодействия субъектов РФ в рамках межрегиональных ассоциаций в сфере выработки и реализации научно-технической политики. В условиях политического и экономического кризиса и необходимости сохранения отечественного научно-технического потенциала межрегиональные ассоциации экономического взаимодействия субъектов РФ стали основой объединения регионов для согласованного взаимодействия с федеральным центром по вопросам научно-технической политики. Были заключены соглашения о сотрудничестве с Министерством науки и технологий РФ, внесены рекомендации федеральным органам власти, ряд которых был выполнен. В условиях кризиса межрегиональные ассоциации смогли стать основой объединения регионов для выработки и реализации мероприятий в сфере управления наукой.

Ключевые слова: управление наукой, 1990-е годы, постсоветская наука, межрегиональные ассоциации экономического взаимодействия, субъекты РФ, регионы, федерация, региональная научно-техническая политика.

Введение

Период 1990-х гг. – переходный для системы государственного управления наукой. Советская система управления прекратила свое существование вместе с СССР. В условиях всеобъемлющего политического и экономического кризиса, процессов децентрализации власти, суверенизации регионов выстраивалась новая система государственных органов управления в научно-технической сфере, включавшая федеральный и региональный уровни. Необходимость взаимодействия между федеральным центром и субъектами федерации, а также создания горизонтальных связей между территориально близкими регионами вызвала появление межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия субъектов РФ, которые ставили перед собой задачи совместных действий в целях социально-экономического развития регионов. Среди этих целей одной из важнейших была задача сохранения и развития научно-технического потенциала регионов. Ассоциации экономического взаимодействия стали площадкой для выработки согласованных предложений по мерам поддержки науки в субъектах РФ, связующим звеном между отдельными субъектами и федеральными органами власти и управления. Цель работы – попытка провести анализ практик деятельности межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия в области управления наукой.

Обзор литературы

Деятельность межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия субъектов РФ достаточно широко освещалась в печати на протяжении всех 1990-х гг. [1–6]. Особое место среди синхронных публикаций занимают материалы журнала «Регионология», созданного в 1992 г. по инициативе Мордовского государственного университета и руководства Республики Мордовия – члена Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия «Большая Волга». В специальном разделе журнала публиковались материалы о разработке и реализации региональной научно-технической политики и сотрудничестве в этой области, в частности, о деятельности Межрегиональной ассоциации «Большая Волга» [5, с. 233–238], тексты нормативно-правовых актов федеральных органов власти и межрегиональных соглашений и др. В интервью руководителей межрегиональных ассоциаций освещалась история их создания, результаты деятельности в 1990-е гг. [1, 6].

В современный период деятельность межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия в сфере научно-технического развития регионов остается практически не изученной. Существует большое количество отечественных и зарубежных исследований, посвященных трансформации системы государственного управления наукой в период 1990-х гг. [7–10]. Есть и работы,

посвященные различным аспектам возникновения, организации и деятельности межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия субъектов РФ [11–20], однако вопросы участия ассоциаций в формировании и реализации государственной научно-технической политики, преобразований системы управления наукой в них практически не рассматриваются. Так, одна из публикаций Е. В. Лукова посвящена исследованию межрегионального взаимодействия как механизма адаптации оборонно-промышленного комплекса Сибири к рыночной экономике в переходный период 1990-х гг. на примере деятельности ассоциации «Сибирское соглашение» [21], однако вопросы научно-технической политики не составляют специального предмета исследования автора.

Методы исследования

Применение институционального подхода позволило рассмотреть установленные правила и сложившиеся механизмы взаимодействия различных акторов в рамках исследуемой проблематики [22, с. 117–118]. Историко-правовой метод позволил соотнести условия обстановки изучаемого периода с развитием правового регулирования.

Источниковую базу исследования составляют нормативно-правовые акты, делопроизводственная документация и материалы периодической печати. Данные по взаимодействию федеральных органов государственной власти и межрегиональных ассоциаций выявлены в фонде Министерства науки и технологий РФ Государственного архива РФ (Ф. 10265).

Результаты и дискуссия

Ассоциации экономического взаимодействия субъектов РФ были созданы в начале 1990-х гг. в условиях политического и экономического кризиса, процессов децентрализации управления и суверенизации республик, идущих с 1989 г. При этом последствия экономического кризиса в регионах усугублялись тем, что центральная власть не предпринимала мер для их решения. Трансформация механизмов управления экономикой в период поздней перестройки не привела к положительным результатам. Центр не мог выполнять свои обязательства перед регионами, которые требовали расширения прав субъектов федерации и одновременно вынуждены были искать новые формы разрешения социально-экономических проблем. Одной из таких форм стало объединение регионов по территориальному принципу, создание горизонтальных связей в виде различных ассоциаций, заключение двусторонних соглашений. Одной из первых ассоциаций стало объединение регионов Сибири. В октябре 1990 г. представители высших органов власти краев и областей Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского экономических районов СССР по итогам учредительной конференции подписали соглашение, названное «сибирским» [18, с. 67–68]. Главным мотивом

объединения была названа необходимость стабилизации экономики при переходе к рынку.

В условиях политического кризиса федеральный центр согласился с созданием межрегионального объединения сибирских территорий. Верховный Совет РСФСР одобрил создание ассоциации «Сибирское соглашение» в 1991 г. [23]. В ходе визита в Новосибирск Президент РФ Б. Н. Ельцин принял участие в заседании Совета Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» и подписал специальное поручение Совету Министров РСФСР разработать нормативно-правовые документы, обеспечивающие эффективное функционирование Ассоциации. В 1992 г. были подписаны Договор учредителей и Устав «Сибирского соглашения» [20, с. 132].

Схожими путями прошло создание ассоциаций и других регионов. Так, председатель исполкома Межрегиональной ассоциации «Большой Урал» Владимир Волков описывал обстановку создания «Большого Урала» в 1991 г. как период краха советской административной системы, что привело к «полной неразберихе» и бесполезности обращений в «центр» [6]. Инициатива объединения усилий уральских регионов в сложившейся ситуации исходила непосредственно «с мест».

Практически одновременно с «Сибирским соглашением» и «Большим Уралом» по тем же причинам самоорганизовались и другие регионы: возникли ассоциации экономического взаимодействия Центральной части России, Северо-Запада, Черноземья, Поволжья, Северного Кавказа и Дальнего Востока.

В 1991 г. создание Ассоциации экономического взаимодействия областей Уральского региона РСФСР (будущего «Большого Урала»), Ассоциации областей Центрально-черноземного региона РСФСР, Ассоциации «Большая Волга» было утверждено специальными распоряжениями Председателя Верховного Совета РСФСР [24–26].

На федеральном уровне были закреплены правовые основы создания межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия. Первым нормативно-правовым актом в этой области стал Указ Президента от 11 ноября 1991 г. [27]. Согласно Указу, учредителями ассоциаций могли выступать органы государственной власти субъектов федерации. В 1993 г. правительством РФ было утверждено Временное положение о порядке формирования, регистрации и деятельности добровольных объединений (ассоциаций) экономического взаимодействия субъектов федерации и органов местного самоуправления [28]. Наконец, уже в 1999 г. был принят специальный Федеральный закон «Об общих принципах организации и деятельности ассоциаций экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации» [29].

Изначально межрегиональные ассоциации создавались как структуры региональной экономи-

ческой интеграции. В рассматриваемый период одним из важных направлений региональной политики стала региональная научно-техническая политика. Прежняя, советская система управления наукой разрушилась, а создаваемая новая российская система значительно расширяла полномочия регионов в этой сфере. Федеративный договор 1992 г. и Конституция РФ 1993 г. относили вопросы науки к совместному ведению РФ и ее субъектов, что означало выделение регионального уровня в управлении наукой [10, с. 303–308]. Субъекты федерации получили право формировать и проводить собственную научно-техническую политику и закрепили это право в региональном законодательстве о науке [10, с. 303–308]. На федеральном уровне закон «О науке и государственной научно-технической политике» 1996 г. [30] также закрепил весьма широкие полномочия субъектов федерации в области региональной научно-технической политики. Эти полномочия стали основой и для деятельности субъектов по управлению наукой в рамках межрегиональных ассоциаций. В структуре самих ассоциаций были созданы специальные подразделения, например, комитеты по научно-инновационной политике [5, с. 233].

Нормативно-правовая база организации и деятельности межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия также закрепляла основы их деятельности в области научно-технической политики. Так, первым же Указом Президента 1991 г. закреплялось, что ассоциации объединяют субъекты РСФСР «в производственном, экономическом, научно-техническом и социальном развитии в рамках совместно принятых программ» [27].

Это положение было подтверждено и в законе 1999 г., который в числе целей и задач ассоциаций закрепил обеспечение взаимодействия субъектов Российской Федерации по научно-техническому развитию регионов (ст. 4) [30].

При этом в рассматриваемый период положение научных организаций и научных работников в регионах было крайне тяжелым. Так, например, только в марте 1997 г. в Новосибирске состоялись две акции протеста сотрудников Сибирского отделения РАН против несвоевременной выплаты заработной платы, размер которой не позволял содержать семьи [31, л. 119].

Первоочередным направлением деятельности региональных властей в этой сфере было сохранение науки в регионе в принципе, обеспечение базового выживания научных работников и научных учреждений. Для сохранения региональной науки требовалось создать новые механизмы ее финансирования. При катастрофической нехватке средств как федерального, так и региональных бюджетов необходимо было найти новые источники финансирования, что было возможно только при совместных усилиях федеральных и региональных властей и бизнеса. В этих условиях меж-

региональные ассоциации экономического взаимодействия стали площадкой выработки согласованных мер при разработке федеральных и региональных программ поддержки науки.

Таким образом, одним из важных направлений деятельности межрегиональных ассоциаций стало взаимодействие с федеральными властями от имени не отдельных субъектов федерации, но их объединений. Председатель исполкома Межрегиональной ассоциации «Большой Урал» В. А. Волков отмечал, что, когда «в деловом диалоге участвовали не только руководители области, республики, но и руководители федерального уровня: председатель правительства, его заместители, министры РФ», – «благодаря работе ассоциации создавалась хорошая обратная связь, которая помогала правительству страны корректировать принятые решения и обсуждать на первой стадии планируемые» [6]. Анатолий Гужвин, президент ассоциации «Большая Волга», также отмечал, что «за годы становления ассоциации ... устанавливались деловые отношения с президентской, исполнительной и законодательной властью Центра, министерствами и ведомствами Российской Федерации. <...> К нам потянулись министерства РФ и различные ведомства с просьбой об установлении деловых контактов и принятии совместных решений по актуальным текущим и перспективным вопросам» [1].

С самого начала своей деятельности активно сотрудничало с высшими органами власти и «Сибирское соглашение» [32, с. 74]. В 1994 г. Совет Федерации провел рабочую встречу с руководством межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия, по итогам которой было подписано соглашение о сотрудничестве между Федеральным Собранием и межрегиональными ассоциациями экономического взаимодействия субъектов РФ [32, с. 75–76]. В рамках этого сотрудничества представители межрегиональных ассоциаций входили в состав рабочих групп палат Федерального Собрания, координационные советы ассоциаций взаимодействовали с комитетами палат, создавались постоянно действующие совещания, проводились совместные конференции, межрегиональные ассоциации проводили экспертно-аналитическую работу по запросам парламента, а депутаты участвовали в работе ассоциаций [32, с. 77].

Отработанные практики взаимодействия с федеральными органами власти в рамках межрегиональных ассоциаций со второй половины 1990-х гг. активно использовались для выработки решений в области научно-технической политики. Центром координации на федеральном уровне стало Министерство науки и технологий РФ (Миннауки РФ)¹.

¹ В 1991–1993 гг. – Министерство науки, высшей школы и технической политики РФ, в 1993–1996 гг. – Министерство науки и технической политики РФ, в 1997–2000 гг. – Министерство науки и технологий РФ.

В делопроизводственной документации Министерства (Оп. 1 Ф. 10265 Государственного архива РФ) сохранились материалы о совместной работе с межрегиональными ассоциациями экономического взаимодействия субъектов РФ.

Можно выделить следующие формы деятельности межрегиональных ассоциаций экономического развития субъектов РФ по вопросам развития науки.

Соглашения о сотрудничестве между федеральным государственным органом отраслевого управления – Миннауки РФ – и межрегиональными ассоциациями экономического взаимодействия. Так, в 1999 г. были заключены соглашения о сотрудничестве в области формирования и реализации научно-технической и инновационной политики между Миннауки РФ и Ассоциацией «Большая Волга» и многостороннее соглашение о сотрудничестве в области формирования и реализации научно-технической и инновационной политики, подготовки кадров высшей квалификации между Миннауки и Минобразования РФ, Межрегиональной ассоциацией экономического взаимодействия «Сибирское соглашение» и Сибирским отделением РАН [33, 34]. Участники указанных соглашений разработали также планы их реализации [35, л. 33].

Совместные мероприятия по выработке и принятию управленческих решений. Вышеупомянутое соглашение между Миннауки и «Большой Волгой» было заключено в ходе межрегионального совещания по вопросам взаимодействия Миннауки РФ с администрациями субъектов федерации [5, с. 233]. Миннауки провело также совещания с ассоциациями «Сибирское соглашение» и «Большая Волга» [35, л. 70], с руководителями научно-технической сферы администраций субъектов РФ – членах Ассоциации «Большая Волга» [36, л. 17–18].

Инициативные рекомендации высшим федеральным органам власти и управления по вопросам научно-технической политики. Ассоциации экономического взаимодействия субъектов разрабатывали рекомендации и проекты решений, адресованные федеральным органам власти и управления. Ряд решений Правительства РФ и Миннауки базировался на предложениях, внесенных ассоциациями регионов.

Так, например, в августе 1999 г. Исполнительная дирекция «Сибирского соглашения» направила председателю Правительства РФ В. В. Путину материалы XXXII заседания Совета Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» 13 августа 1999 г. в г. Томске по вопросу «О науке и высшей школе Сибири как основе устойчивого развития регионов» [36, л. 233] с предложениями федеральным органам власти и управления по вопросам развития науки в стране и в Сибири. Правительством РФ специальным поручением Прави-

тельства от 5 октября 1999 г. № ВП-П8-33046 эти материалы были направлены в Минэкономики, Миннауки РФ и другие министерства для разработки проектов нормативно-правовых актов и иных решений на их основе.

Через месяц Миннауки РФ отправило в Правительство отчет о реализации решения XXXII Совета «Сибирского соглашения». Рассмотрев совместно с Минобразования, Минэкономики, Минюстом, Минсельхозпродом РФ предложения ассоциации, Миннауки сообщало, что ряд предложений Совета уже был выполнен или не требовал дополнительных действий со стороны Правительства РФ. По остальным предложениям проводилась работа Миннауки, Минобразования и РАН с научными организациями и высшими учебными заведениями Сибирского региона. Указанные предложения предполагалось реализовать в рамках уже упоминавшегося Соглашения о сотрудничестве между «Сибирским соглашением», СО РАН и профильными федеральными министерствами. Был разработан специальный план мероприятий по реализации Соглашения. В его основу легли положения решения Совета «Сибирского соглашения» (в пределах компетенции субъектов РФ, входящих в ассоциацию), а также предложения Минобразования России, РАН и Миннауки России. В частности, специальным приказом Миннауки России был определен порядок выполнения обязательств, взятых на себя Министерством на основании решения Совета «Сибирского соглашения», в том числе по развитию системы информационного обеспечения сферы науки и высшего образования.

В план также были включены отдельные мероприятия, реализуемые на основе двусторонних соглашений, заключенных ранее Миннауки России с субъектами РФ, входящими в состав ассоциации (Республика Бурятия, Новосибирская, Иркутская, Томская области, Красноярский край), а также межведомственная программа администрации Томской области, Сибирского отделения РАН, Минобразования России и Миннауки России «Совершенствование и апробация механизмов развития научно-образовательной сферы в условиях реформирования экономики на примере Томской области», поддержанная Правительством РФ [35, л. 29–31].

Ряд рекомендаций «Сибирского соглашения», касающихся проблем устойчивого функционирования экономики сибирского региона, затрагивал компетенцию и других федеральных министерств и ведомств и требовал дополнительного изучения для принятия согласованных решений. Миннауки РФ в связи с этим предлагало Правительству РФ поручить Минэкономики России совместно с исполнительной дирекцией «Сибирского соглашения», а также заинтересованными федеральными министерствами и ведомствами, администрациями

субъектов РФ, входящих в состав ассоциации, дополнительно проработать указанные предложения, принять по ним согласованные решения, а по вопросам, требующим решений Правительства РФ, внести в установленном порядке соответствующие предложения [35, л. 31].

Отчет о выполнении рекомендаций «Сибирского соглашения» и положений соглашения о сотрудничестве Миннауки РФ направило и в Минэкономики. Согласно представленным данным, Миннаука России совместно с администрациями регионов осуществляло финансирование межрегиональной научно-технической программы «Сибирь», а также региональных научно-технических программ 10 регионов, входящих в ассоциацию «Сибирское соглашение»: Республика Бурятия и Горный Алтай, Алтайского и Красноярского края, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской и Иркутской областей. В 1999 г. из бюджета Миннауки России было выделено на эти цели 4250 тыс. рублей.

В рамках Межведомственной программы «Создание национальной сети компьютерных телекоммуникаций для науки и высшей школы» была создана система доступа к информационным и вычислительным ресурсам, в том числе на базе научных и образовательных центров в городах Сибири: Новосибирске, Омске, Томске, Барнауле, Кемерово, Иркутске, Красноярске.

На базе подведомственных Миннауки государственных учреждений Центра научно-технической информации были созданы межрегиональные и общероссийская база данных технологических предложений. Всего на решение задач информационного обеспечения организаций научно-технической сферы сибирских регионов в 1999 г. было выделено около 1 млн 100 тыс. рублей.

Члены Ассоциации «Сибирское соглашение» принимали участие в мероприятиях Межведомственной программы активизации инновационной деятельности в научно-технической сфере России. В Новосибирске был создан федеральный Инновационно-технологический центр научно-технологического парка «Новосибирск» [35, л. 32–33].

О взаимодействии с межрегиональными ассоциациями экономического взаимодействия Миннауки РФ отчитывалось не только Правительству РФ, но и Министерству РФ по делам национальностей и региональной политике (Миннац РФ) [35, л. 67–70; 37, л. 13–18]².

Инициатива по созданию межрегиональных и региональных внебюджетных фондов поддержки науки и технологий, а также взаимодействия с федеральными фондами. Так, в 1995 г. ассоциацией «Сибирское соглашение»

при поддержке Сибирского отделения РАН были подготовлены документы по созданию внебюджетного фонда НИОКР, расположенного в Новосибирске. При этом были заключены принципиальные договоренности с рядом предприятий г. Новосибирска и других крупных научных и промышленных центров Сибири о перечислении средств во вновь создаваемый фонд. Решение о создании фонда было принято главами администраций 19 субъектов федерации, в том числе и Новосибирской области, входящих в ассоциацию «Сибирское соглашение». С 1994 г. в г. Новосибирске активно работало представительство Российского фонда технологического развития [37, л. 226].

Результаты деятельности межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия в области науки и технологий

Несмотря на недостаток средств на финансирование развития науки в регионах, благодаря работе межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия удалось выстроить институциональную систему поддержки науки и инноваций в регионах, наладить продуктивное взаимодействие с федеральным центром и между регионами, создать нормативно-правовые основы региональной научно-технической политики, постоянный диалог между властями, наукой и бизнесом. Так, например, благодаря деятельности ассоциации «Большой Урал» в 1990-е гг. удалось восстановить нарушенные хозяйственные, социально-экономические и культурные связи в рамках Большого Урала и сохранить производственный потенциал региона. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. ассоциация активно содействовала развитию партнерства между государством, бизнесом, наукой, инвесторами, укреплению связей с другими регионами России и странами СНГ. Ассоциация вела консультационную деятельность для руководителей и специалистов предприятий, представителей малого и среднего бизнеса, предоставляла информацию потенциальным инвесторам о перспективных программах, содействовала созданию Союза промышленников Уральского региона. При участии «Большого Урала» был реализован ряд программ инновационного развития как уровня субъектов, так и межрегиональных [6]. К 1999 г. софинансирование из федерального бюджета получили более 2700 научно-технических проектов из более чем 6 тыс. поданных от регионов заявок. Они объединялись в региональные программы 65 субъектов федерации и 3 межрегиональные программы: «Сибирь», «Урал» и «Черноземье» [5, с. 251]. По программе «Урал», объединявшей региональные научно-технические проекты нескольких субъектов региона, например, Свердловская область получила около 600 млн рублей в 1995–1996 гг. [38, л. 93].

Выводы

Таким образом, в 1990-е гг. в условиях политического и экономического кризиса сформирова-

² В 1998 г. оно ненадолго было разделено на Министерство национальной политики РФ и Министерство региональной политики РФ, с 1999 г. – Министерство по делам федерации и национальностей Российской Федерации.

лась новая система государственного управления в области науки и технологий. Процессы децентрализации управления, расширение полномочий субъектов федерации, разрушение прежней системы экономических связей и необходимость создания новой системы вынудили регионы РФ объединяться по собственной инициативе в формате территориальных ассоциаций экономического взаимодействия субъектов. Федеральные органы власти поддержали создание таких объединений и сформировали нормативно-правовую базу их организации и деятельности. На практике сложились и формы взаимодействия ассоциаций с федеральными органами власти и управления.

Закрепление за субъектами федерации достаточно широких полномочий по формированию и реализации научно-технической политики и необходимость сохранения регионального научно-технического потенциала в условиях кризисных социально-экономических явлений потребовали сотрудничества регионов и федерального центра. Такое сотрудничество было организовано в форме межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия. Нормативно-правовая основа для взаимодействия в области науки на базе межрегиональных ассоциаций также была закреплена. В кооперации с Министерством науки и технологий РФ межрегиональные ассоциации разрабатывали рекомендации федеральным органам власти и управления по принятию тех или иных решений в сфере управления наукой. Ассоциации заключали с Миннауки соглашения о сотрудничестве по вопросам научно-технической и инновационной политики, проводили совместные мероприятия по выработке и реализации согласованных решений. Межрегиональные и региональные целевые научно-технические программы также разрабатывались и реализовывались при участии ассоциаций экономического взаимодействия. В условиях кризиса межрегиональные ассоциации смогли стать объединяющим механизмом выработки и реализации мероприятий в сфере управления наукой.

Литература

1. Гужвин, А. Роль межрегиональных ассоциаций в развитии сотрудничества регионов / А. Гужвин // Проблемы теории и практики управления. – 1998. – № 6. – URL: https://vasilieva.a.narod.ru/10_6_98.htm.
2. Юдинцев, Ю. Н. Научно-технический потенциал региона, цели и задачи анализа его состояния / Ю. Н. Юдинцев // Регионология. – 1995. – № 2. – С. 115–126.
3. Юдинцев, Ю. Н. Региональная научно-техническая политика периода стабилизации / Ю. Н. Юдинцев // Регионология. – 1993. – № 1. – С. 70–83.
4. Алимбиев, В. Н. Новая региональная научно-техническая политика в России / В. Н. Алимбиев // Регионология. – 1993. – № 2. – С. 40–53.
5. Взаимодействие Миннауки с регионами в области научно-технической и инновационной политики : материалы межрегионального совещания по вопросам взаимодействия Министерства науки и технологий Российской Федерации с администрациями регионов в области формирования и реализации научно-технической и инновационной политики и заседания Комитета по научно-инновационной политике Ассоциации «Большая Волга» г. Саранск, 30 октября 1999 г. // Регионология. – 1999–2000. – № 4/1. – С. 233–288.
6. Ассоциация «Большой Урал» // Бюджет.Ru – Экономика. – 2009. – № 4. – URL: <https://bujet.ru/article/55602.php>.
7. Дежина, И. Г. Наука в новой России: кризис, помощь, реформы / И. Г. Дежина, Л. Грэхем. – Ростов-н/Д. : Изд-во Южного федерального университета, 2009. – 239 с.
8. Грэхэм, Л. Очерки истории российской и советской науки = Science in Russia and the Soviet Union / Л. Грэхэм ; пер. с англ. В. Герович. – М. : Янус-К, 1998. – 312 с.
9. Schneider, C. M. Research and Development Management: From the Soviet Union to Russia / C. M. Schneider. – Heidelberg : Physica-Verlag, 1994. – 254 s.
10. Управление наукой: путеводитель по советскому прошлому / Е. А. Долгова и др. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2024. – 405 с.
11. Hughes, J. Regionalism in Russia: The Rise and Fall of Siberian Agreement / J. Hughes // Europe-Asia Studies. – 1994. – Vol. 46, № 7. – P. 1133–1161.
12. Meyer, P. F. The Russian Far East's Economic Integration with Northeast Asia: Problems and Prospects/ P. F. Meyer // Pacific Affairs. – 1999. – Vol. 72, № 2. – P. 209–224.
13. Metcalf, L. K. The (Re)Emergence of Regional Economic Integration in the Former Soviet Union / L. K. Metcalf // Political Research Quarterly. – 1997. – Vol. 50, № 3. – P. 529–549.
14. Stern, J. E. Moscow Meltdown: Can Russia Survive? / J. E. Stern // International Security. – 1994. – Vol. 18, № 4. – P. 40–65.
15. Hyodo, S. The Future of the Russian State as Viewed from the Federal System / S. Hyodo // NIDS Security Reports, National Institute for Defense Studies. – 2001. – № 2.
16. Кузнецова, О. В. Межрегиональное сотрудничество в России: перспективы кооперации региональных властей / О. В. Кузнецова // Региональные исследования. – 2019. – № 1 (63). – С. 16–25.
17. Данилина, М. П. Деятельность ассоциаций экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации в рамках интеграции регионов / М. П. Данилина // Вестник НГУЭУ. – 2017. – № 2. – С. 235–241.

18. Луков, Е. В. Причины создания межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» / Е. В. Луков // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 328. – С. 67–70.
19. Луков, Е. В. Проблема определения статуса межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» в начале 1990-х гг. / Е. В. Луков // Вестник Томского государственного университета. История. – 2011. – № 352. – С. 82–86.
20. Луков, Е. В. Формирование организационной структуры межрегиональной Ассоциации «Сибирское соглашение» (октябрь 1990 г. – октябрь 1993 г.) / Е. В. Луков // Вестник Томского государственного университета. История. – 2011. – № 2 (14). – С. 132–141.
21. Луков, Е. В. Межрегиональное взаимодействие как механизм адаптации оборонно-промышленного комплекса Сибири к рыночной экономике в переходный период 1990-х гг.: на примере деятельности ассоциации «Сибирское соглашение» / Е. В. Луков // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 401. – С. 127–133.
22. Белькова, А. А. Исторический институционализм – новое направление в исторических исследованиях / А. А. Белькова // Вестник БГУ. – 2014. – № 7–1. – С. 117–121.
23. Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 марта 1991 г. № 765–1 «О межрегиональной Ассоциации краев, областей и автономных образований Сибири «Сибирское соглашение» / Ведомости Совета народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 10. – Ст. 273.
24. Распоряжение Председателя Верховного Совета РСФСР от 9 июня 1991 г. № 1377–I «Об образовании Ассоциации экономического взаимодействия областей Уральского региона РСФСР» // Ведомости Совета народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 24. – С. 820.
25. Распоряжение Председателя Верховного Совета РСФСР от 31 мая 1991 г. «Об организации ассоциаций экономического взаимодействия областей Центрально-Черноземного региона РСФСР и мерах по созданию условий для их ускоренного развития».
26. Распоряжение Председателя Верховного Совета РФ от 10 июня 1991 г. № 1378–I «Об образовании ассоциации «Большая Волга» по экономическому взаимодействию республик и областей Поволжского региона РСФСР» // Ведомости Совета народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 24. – Ст. 821.
27. Указ Президента РСФСР от 11 ноября 1991 г. № 194 «Об обеспечении условий по повышению роли и взаимодействия республик в составе РСФСР, автономных образований, краев и областей в осуществлении радикальной экономической реформы» // Ведомости Совета народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 47. – Ст. 1596.
28. Временное положение о порядке формирования, регистрации и деятельности добровольных объединений (ассоциаций) экономического взаимодействия субъектов Федерации и органов местного самоуправления. Утверждено постановлением Совета министров – правительства РФ от 16 сентября 1993 г. № 918 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 27.09.1993. – № 39. – Ст. 3614.
29. Федеральный закон от 17 декабря 1999 г. № 211-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности ассоциаций экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1999. – № 51. – Ст. 6286.
30. Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // СЗ РФ. – 1996. – № 35. – Ст. 4137.
31. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 10265. – Оп. 1. – Д. 622.
32. Луков, Е. В. Взаимодействие Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» с палатами Федерального собрания РФ в 1990-е гг. / Е. В. Луков // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 5 (25). – С. 74–80.
33. Соглашение о сотрудничестве в области формирования и реализации научно-технической и инновационной политики между Министерством науки и технологий Российской Федерации и Ассоциацией «Большая Волга» по экономическому взаимодействию республик и областей Поволжья Российской Федерации // Регионология. – 1999–2000. – № 4/1. – № С. 279–284.
34. Соглашение о сотрудничестве в области формирования и реализации научно-технической и инновационной политики, подготовки кадров высшей квалификации между Министерством науки и технологий Российской Федерации, Министерством общего и профессионального образования Российской Федерации, Межрегиональной ассоциацией экономического взаимодействия («Сибирское соглашение») и Сибирским отделением Российской академии наук // Наука в Сибири. – 27 августа 1999. – № 33 (2219). – URL: <http://www.nsc.ru/HBC/article.phtml?nid=153&id=2>.
35. ГАРФ. – Ф. 10265. – Оп. 1. – Д. 853.
36. ГАРФ. – Ф. 10265. – Оп. 1. – Д. 990.
37. ГАРФ. – Ф. 10265. – Оп. 1. – Д. 400.
38. ГАРФ. – Ф. 10265. – Оп. 1. – Д. 513.

Марина Олеговна Окунева – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Центра истории российской науки и научно-технологического развития, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ) (Москва), e-mail: m_o_okuneva@mail. ORCID 0009-0005-1749-7150

Поступила в редакцию 25 февраля 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh250404

INTERREGIONAL ASSOCIATIONS OF ECONOMIC COOPERATION OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION ACTIVITY IN THE FIELD OF SCIENCE MANAGEMENT IN 1990s

M. O. Okuneva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

The article based on the published and unpublished sources discusses the interregional associations of economic cooperation of the subjects of the Russian Federation activity in the field of science management in 1990s. The study uses an institutional approach and the historical-legal method. The research base is the regulatory legal acts, documentation, and periodical press materials of the 1990s. The study describes the reasons for creating the interregional associations of economic cooperation of the subjects of the Russian Federation, their regulatory framework, the delineation of power in the science management between the Federation and the regions, the practice of collaboration on the base of the interregional associations of economic cooperation in the development and implementation of the scientific-technical policy. In condition of the political and economic crisis and problems of preservation of scientific and technical potential the interregional associations of economic cooperation of the subjects of the Russian Federation formed the basis to join forces for coordinated interaction with the Federal government on science and technology policy. Cooperation agreements had been signed with the Ministry of Science and Technology of the Russian Federation. Recommendations to the federal authorities were made and several proposals have been implemented. In condition of the political and economic crisis the interregional associations of economic cooperation of the subjects of the Russian Federation were able to become the basis of the cooperation of the regions to develop and implement of measures in the field of science management.

Keywords: science management, 1990s, post-Soviet science, interregional associations of economic cooperation, subjects of the Federation, regions, Federation, regional science and technology policy.

References

1. Guzhvin A. Rol' mezhregional'nykh assotsiatsiy v razvitii sotrudnichestva regionov [The Role of Interregional Associations in Promoting Regional Cooperation] // *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. 1998. № 6. URL: https://vasilievaa.narod.ru/10_6_98.htm.
2. Yudintsev Y.N. Nauchno-tekhnicheskii potentsial regiona, tseli i zadachi analiza ego sostoyaniya [Scientific and Technical Potential of the Region, Goals and Objectives of its Analysis] // *Regionologiya*. 1995. № 2. P. 115–126.
3. Yudintsev Y.N. Regional'naya nauchno-tekhnicheskaya politika perioda stabilizatsii [Regional Science and Technology Policy During the Stabilization Period] // *Regionologiya*. 1993. № 1. P. 70–83.
4. Alimpiev V.N. Novaya regional'naya nauchno-tekhnicheskaya politika v Rossii [New Regional Science and Technology Policy in Russia] // *Regionologiya*. 1993. № 2. P. 40–53.
5. Vzaimodeystvie Minnauki s regionami v oblasti nauchno-tekhnicheskoy i innovatsionnoy politiki. Materialy mezhregional'nogo soveshchaniya po voprosam vzaimodeystviya Ministerstva nauki i tekhnologii Rossiyskoy Federatsii s administratsiyami regionov v oblasti formirovaniya i realizatsii nauchno-tekhnicheskoy i innovatsionnoy politiki i zasedaniya Komiteta po nauchno-innovatsionnoy politike Assotsiatsii «Bol'shaya Volga» g. Saransk, 30 oktyabrya 1999 g. [Interaction of the Ministry of Science with Regions in the Field of S&T and Innovation Policy. Proceedings of the Interregional Meeting on Cooperation between the Ministry of Science and Technology of the Russian Federation and Regional Administrations in the Field of Formulation and Implementation of S&T and Innovation Policies and the Meeting of the Committee on Science and Technology and Innovation Policy of the Association «Great Volga» in Saransk, 30 October 1999] // *Regionologiya*. 1999–2000. № 4/1. P. 233–288.

6. Assotsiatsiya "Bol'shoy Ural" [The Great Urals Association] // Byudzheta.Ru – Ekonomika. 2009. № 4. URL: <https://bujet.ru/article/55602.php>.
7. Dezhina I.G., Grekhem L. Nauka v novoy Rossii: krizis, pomoshch', reform [Science in the New Russia: Crisis, Aid, Reforms]. Rostov-na-Donu: Publishing SFU, 2009. 239 p.
8. Grekhem L. Ocherki istorii rossiyskoy i sovetsskoy nauki [Science in Russia and the Soviet Union]; per. s angl. V. Gerovich. M.: Yanus-K, 1998. 312 p.
9. Schneider C.M. Research and Development Management: From the Soviet Union to Russia. Heidelberg: Physica-Verlag, 1994. 254 p.
10. Upravlenie naukoy: putevoditel' po sovetsskomu proshlomu [Science Management: a Guide to the Soviet Past] / E.A. Dolgova i dr. Moscow: RSHU, 2024. 405 p.
11. Hughes J. Regionalism in Russia: The Rise and Fall of Siberian Agreement // *Europe-Asia Studies*. 1994. Vol. 46, № 7. P. 1133–1161.
12. Meyer P.F. The Russian Far East's Economic Integration with Northeast Asia: Problems and Prospects // *Pacific Affairs*. 1999. Vol. 72, № 2. P. 209–224.
13. Metcalf L.K. The (Re)Emergence of Regional Economic Integration in the Former Soviet Union // *Political Research Quarterly*. 1997. Vol. 50, № 3. P. 529–549.
14. Stern J.E. Moscow Meltdown: Can Russia Survive? // *International Security*. 1994. Vol. 18, № 4. P. 40–65.
15. Hyodo S. The Future of the Russian State as Viewed from the Federal System // *NIDS Security Reports, National Institute for Defense Studies*. 2001. № 2.
16. Kuznetsova O.V. Mezhregional'noe sotrudnichestvo v Rossii: perspektivy kooperatsii regional'nykh vlastey [Interregional Cooperation in Russia: Prospects of Cooperation of Regional Authorities] // *Regional'nye issledovaniya*. 2019. № 1(63). P. 16–25.
17. Danilina M. P. Deyatel'nost' assotsiatsiy ekonomicheskogo vzaimodeystviya sub"ektov Rossiyskoy Federatsii v ramkakh integratsii regionov [Activity of Associations of Economic Interaction of Subjects of the Russian Federation in the Framework of Integration of Regions] // *Vestnik NGUEU*. 2017. № 2. P. 235–241.
18. Lukov E.V. Prichiny sozdaniya mezhregional'noy assotsiatsii «Sibirskoe soglasenie» [Reasons for the Creation of the Interregional Association «Siberian Agreement»] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009. № 328. P. 67–70.
19. Lukov E.V. Problema opredeleniya statusa mezhregional'noy assotsiatsii «Sibirskoe soglasenie» v nachale 1990-kh gg. [The Problem of Determining the Status of Interregional Association «Siberian Agreement» in the Early 1990s.] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2011. № 352. P. 82–86.
20. Lukov E.V. Formirovanie organizatsionnoy struktury mezhregional'noy Assotsiatsii «Sibirskoe soglasenie» (oktyabr' 1990 g. – oktyabr' 1993 g.) [Formation of the Organizational Structure of the Interregional Association «Siberian Agreement» (October 1990 – October 1993)] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2011. № 2 (14). P. 132–141.
21. Lukov E.V. Mezhregional'noe vzaimodeystvie kak mekhanizm adaptatsii oboronno-promyshlennogo kompleksa Sibiri k rynochnoy ekonomike v perekhodnyy period 1990-kh gg.: na primere deyatel'nosti assotsiatsii «Sibirskoe soglasenie» [Interregional Interaction as a Mechanism of Adaptation of the Defense and Industrial Complex of Siberia to the Market Economy in the Transition Period 1990-s.: on the Example of the Activities of the Association «Siberian Agreement»] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. № 401. P. 127–133.
22. Bel'kova A.A. Istoricheskiy institutsionalizm – novoe napravlenie v istoricheskikh issledovaniyakh [Historical Institutionalism – a New Direction in Historical Research] // *Vestnik BGU*. 2014. № 7–1. P. 117–121.
23. Postanovlenie Prezidiuma Verkhovnogo Soveta RSFSR ot 4 marta 1991 g. № 765-1 "O mezhregional'noy Assotsiatsii kraev, oblastey i avtonomnykh obrazovaniy Sibiri «Sibirskoe soglasenie» [Decision of the Presidium of the Supreme Council of the RSFSR of 4 March 1991. № 765-1 "On the Interregional Association of Districts, Regions and Autonomous Entities of Siberia "Siberian Agreement"] // *Vedomosti Soveta narodnykh deputatov RSFSR i Verkhovnogo Soveta RSFSR*. 1991. № 10. St. 273.
24. Rasporyazhenie Predsedatelya Verkhovnogo Soveta RSFSR ot 9 iyunya 1991 g. № 1377-I "Ob obrazovanii Assotsiatsii ekonomicheskogo vzaimodeystviya oblastey Ural'skogo regiona RSFSR" [Order of the Chairman of the Supreme Council of the RSFSR of 9 June 1991. № 1377-I "On the Formation of the Economic Cooperation Association of the Urals of the RSFSR"] // *Vedomosti Soveta narodnykh deputatov RSFSR i Verkhovnogo Soveta RSFSR*. 1991. № 24. P. 820.
25. Rasporyazhenie Predsedatelya Verkhovnogo Soveta RSFSR ot 31 maya 1991 g. "Ob organizatsii assotsiatsiy ekonomicheskogo vzaimodeystviya oblastey Tsentral'no-Chernozemnogo regiona RSFSR i merakh po sozdaniyu usloviy dlya ikh uskorennoy razvitiya" [Order of the Chairman of the Supreme Council of the RSFSR of 31 May 1991. "On Organization of Associations of Economic Cooperation of Regions of the Central Chernozym Region of the RSFSR and Measures to Create Conditions for their Accelerated Development"].

26. Rasporyazhenie Predsedatelya Verkhovnoy Soveta RF ot 10 iyunya 1991 g. № 1378- I “Ob obrazovanii assotsiatsii “Bol’shaya Volga” po ekonomicheskomu vzaimodeystviyu respublik i oblastey Povolzhskogo regiona RSFSR” [Order of the Chairman of the Supreme Council of the Russian Federation dated 10 June 1991. № 1378- I “On the Formation of the Association “Great Volga” for Economic Interaction of Republics and Regions of the Volga Region of RSFSR”] // *Vedomosti Soveta narodnykh deputatov RSFSR i Verkhovnoy Soveta RSFSR*. 1991. № 24. St. 821.

27. Ukaz Prezidenta RSFSR ot 11 noyabrya 1991 g. № 194 “Ob obespechenii usloviy po povysheniyu roli i vzaimodeystviya respublik v sostave RSFSR, avtonomnykh obrazovaniy, kraev i oblastey v osushchestvlenii radikal’noy ekonomicheskoy reform” [Decree of the President of the RSFSR dated 11 November 1991. № 194 “On ensuring Conditions for Enhancing the Role and Interaction of Republics in the Composition of the RSFSR, Autonomous Entities, Regions and Regions in the Implementation of Radical Economic Reform”] // *Vedomosti Soveta narodnykh deputatov RSFSR i Verkhovnoy Soveta RSFSR*. 1991. № 47. St. 1596.

28. Vremennoe polozhenie o poryadke formirovaniya, registratsii i deyatelnosti dobrovol’nykh ob’edineniy (assotsiatsiy) ekonomicheskogo vzaimodeystviya sub’ektov Federatsii i organov mestnogo samoupravleniya. Utverzhdeno postanovleniem Soveta ministrov – pravitel’sstva RF ot 16 sentyabrya 1993 g. № 918 [Provisional Regulation on the Procedure for Formation, Registration and Operation of Voluntary Associations (Associations) of Economic Cooperation of Federal Entities and Local Self-Government Bodies] // *Sobranie aktov Prezidenta i Pravitel’sstva RF*. 27.09.1993. № 39. St. 3614.

29. Federal’nyy zakon ot 17 dekabrya 1999 g. № 211-FZ “Ob obshchikh printsipakh organizatsii i deyatelnosti assotsiatsiy ekonomicheskogo vzaimodeystviya sub’ektov Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law of 17 December 1999. № 211-FZ “On the General Principles of Organization and Operation of Associations of Economic Interaction of Subjects of the Russian Federation”] // *SZ RF*. 1999. № 51. St. 6286.

30. Federal’nyy zakon ot 23 avgusta 1996 g. № 127-FZ “O nauke i gosudarstvennoy nauchno-tekhnicheskoy politike” [Federal Law of 23 August 1996. № 127-FZ “On Science and STATE SCIENCE and Technology Policy”] // *SZ RF*. 1996. № 35. St. 4137.

31. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [State Archive of Russian Federation (SARF)]. F. 10265. Op. 1. D. 622.

32. Lukov E.V. Vzaimodeystvie Mezhhregional’noy assotsiatsii “Sibirskoe soglasenie” s palatami Federal’nogo sobraniya RF v 1990-e gg. [Interaction of the Interregional Association “Siberian Agreement” with the Chambers of the Federal Assembly of the Russian Federation in 1990s.] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2013. № 5 (25). P. 74–80.

33. Soglasenie o sotrudnichestve v oblasti formirovaniya i realizatsii nauchno-tekhnicheskoy i innovatsionnoy politiki mezhdru Ministerstvom nauki i tekhnologii Rossiyskoy Federatsii i Assotsiatsiey “Bol’shaya Volga” po ekonomicheskomu vzaimodeystviyu respublik i oblastey Povolzh’ya Rossiyskoy Federatsii [Agreement on Cooperation in the Field of Formation and Implementation of Science, Technology and Innovation Policy between the Ministry of Science and Technology of the Russian Federation and the Association “Great Volga” for Economic Interaction of the Republics and Regions of the Volga Region of the Russian Federation] // *Regionologiya*. 1999–2000. № 4/1. P. 279–284.

34. Soglasenie o sotrudnichestve v oblasti formirovaniya i realizatsii nauchno-tekhnicheskoy i innovatsionnoy politiki, podgotovki kadrov vysshey kvalifikatsii mezhdru Ministerstvom nauki i tekhnologii Rossiyskoy Federatsii, Ministerstvom obshchego i professional’nogo obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii, Mezhhregional’noy assotsiatsiey ekonomicheskogo vzaimodeystviya (“Sibirskoe soglasenie”) i Sibirskim otdeleniem Rossiyskoy akademii nauk [Agreement on Cooperation in the Field of Formation and Implementation of Science, Technology and Innovation Policy, Training of Personnel of Higher Qualification between the Ministry of Science and Technology of the Russian Federation, the Ministry of General and Vocational Education of the Russian Federation, Interregional Association of Economic Cooperation (“Siberian Agreement”) and Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences] // *Nauka v Sibiri*. 27 avgusta 1999. № 33 (2219). URL: <http://www.nsc.ru/HBC/article.phtml?nid=153&id=2>.

35. GARF [SARF]. F. 10265. Op. 1. D. 853.

36. GARF [SARF]. F. 10265. Op. 1. D. 990.

37. GARF [SARF]. F. 10265. Op. 1. D. 400.

38. GARF [SARF]. F. 10265. Op. 1. D. 513.

Marina O. Okuneva – Cand. Sc. (Law), Senior Researcher of the Department of History of Russian Science and Scientific and Technologic Development Center, Russian State University for the Humanities (Moscow), e-mail: m_o_okuneva@mail.ru

Received February 25, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Окунева, М. О. Деятельность межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия субъектов РФ в сфере управления наукой в 1990-е годы / М. О. Окунева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 34–44. DOI: 10.14529/ssh250404

FOR CITATION

Okuneva M. O. Interregional associations of economic cooperation of the subjects of the Russian Federation activity in the field of science management in 1990s. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 34–44. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250404

ЦИФРОВОЙ СКУЛЬПТИНГ И УЛИЧНОЕ ИСКУССТВО: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

М. Э. Вильчинская-Бутенко, С. Люй

*Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий
и дизайна, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Взаимодействие двух художественных практик: уличного искусства и цифрового скульптинга – пока не приобрело широкого масштаба, однако такие тенденции намечаются. Вопрос о том, существуют ли точки их соприкосновения и в чем это выражается, определил содержание данной статьи. Уличное искусство и цифровой скульптинг рассматриваются как относительно новые художественные практики, которые, тем не менее, имеют множество точек соприкосновения и с историей искусства, и друг с другом. В качестве арт-объектов, демонстрирующих сходство двух художественных практик, выбраны работы зарубежных и российских уличных художников (Жан-Мишель Баския, Бэнкси, Monk HF, Андрей Оленев) и цифровых скульпторов (Гал Юсеф, Жан-Мишель Бихорель, Начо Риеско Гостанс, Эрик Базилетти-Каргалл). Изучение художественного опыта знаковых представителей этих художественных течений показало, что внимание к богатой палитре образов поп-культуры, обращение к внутренним переживаниям и личному опыту художника, рефлексия на актуальные общественные события, а также использование ремикса, реконструкции и повторного использования отдельных материалов или артефактов для создания новых смыслов не только объединяют уличное искусство и цифровой скульптинг, но и способствуют взаимному обогащению рассматриваемых художественных практик.

Ключевые слова: уличное искусство, цифровая скульптура, цифровой скульптинг, поп-культура.

Введение

С быстрым развитием цифровых технологий искусство в пространстве города претерпевает цифровую эволюцию. Благодаря цифровым инструментам художники могут создавать беспрецедентно точные визуальные эффекты в общественном пространстве, например, превращать плоские изображения в трехмерные сцены с помощью технологии проекционного картирования или демонстрировать постоянно меняющиеся формы с помощью цифрового скульптинга. Использование таких технологий не только усиливает визуальное воздействие произведений искусства, но и позволяет осуществлять прямое взаимодействие с аудиторией.

Объектом исследования в рамках данной статьи выступает цифровой скульптинг, предметом – взаимодействие уличного искусства и цифрового скульптинга как двух художественных практик. Целью исследования является поиск ответа на вопрос, какие точки соприкосновения этих художественных практик существуют и в чем это выражается.

Обзор литературы

В рамках предмета исследования данной статьи прежде всего следует остановиться на работах, затрагивающих вопросы трансформации традиционной скульптуры в цифровую. Данная тема в искусствоведении нова: в научных кругах еще толь-

ко ведутся дискуссии о терминологии данного понятия (А. В. Рогова, Н. А. Федоровская [1]), обсуждаются его характеристики и сферы использования (Д. Д. Волошин, Е. Д. Протченко [2], А. Г. Сергеев [3] и др.), в то время как уличное искусство, понимаемое как совокупность нелегитимных художественных практик в пространстве города, обрело более или менее четкие очертания благодаря исследованиям М. Э. Вильчинской-Бутенко [4], В. П. Вешнева и Д. Г. Ткача [5], Ю. А. Кузовенковой [6], О. Н. Судаковой [7] и др. Пересечение научных интересов исследователей, рассматривающих проблематику цифрового и городского искусства, представлено в научном поле пока что небольшим числом публикаций, в частности, эту тему затрагивали А. Д. Кандалова [8], А. Г. Сергеев [9], а также китайские авторы Ф. Лю и Ю. Ван [10].

Методы исследования

В исследовании использован междисциплинарный подход, сочетающий теорию искусства и социокультурные практики освоения городской среды и позволяющий проследить особенности влияния эстетики уличного искусства на формирование цифровой скульптуры. Помимо общенаучных методов авторы опирались также на герменевтический метод интерпретации смысла произведения искусства, что позволило выявить закономерности конвергенции двух художественных практик.

Результаты и дискуссия

Уличное искусство глубоко укоренилось в революционных практиках тех, кто отождествлял себя с различными субкультурами, связанными с классом, расой или полом. «Бум» граффити в 1970–1980-е годы ознаменовал время, когда художники, находившиеся под влиянием рэпа, хип-хопа, панка и контркультур новой волны, выходили на улицы, чтобы общаться с другими последователями таких же субкультур. Исторически уличное искусство связано с отходом от традиционных практик в плане как сюжетов, так и художественных стилей. Одним из важных факторов при создании уличного искусства является недолговечность его существования: многие из работ создаются нелегально, хотя стрит-арт все же не так эфемерен, как, например, перформанс.

Несмотря на то что стрит-арт демонстративно дистанцируется от традиционных художественных практик, всячески подчеркивая свою непохожесть на любые виды и стили, существовавшие ранее как в истории искусства, так и в городской среде, разорвать с практиками прошлого ему не удастся по ряду причин.

Прежде всего, стрит-арт имеет много общего с поп-артом, начиная с того, что зарождение обоих видов художественных практик происходило практически одновременно и на схожей идеологической платформе. Поп-арт как художественное направление, зародившееся в Великобритании в 1950-х годах и продолжившееся в США в 1960-х, был вдохновлен источниками популярной и коммерческой культуры. Важнейшей его характеристикой является идея о том, что искусство можно заимствовать из любого источника и что в культуре нет иерархии. Отражая веяния времени, поп-арт сосредоточился на массовом производстве, знаменитостях и расширяющейся индустрии рекламы, телевидения, радио и печатных СМИ, став чем-то большим, чем просто мазки на холсте: смелым отходом от условностей, бросающим вызов святости «высокого» искусства, использующим образы средств массовой информации и консюмеризма. Как художественное направление поп-арт вобрал в себя множество различных стилей живописи, скульптуры, коллажей и в том числе – уличного искусства.

Фундаментальные различия между стрит-артом и поп-артом заключаются в их подходе к тематике (стрит-арт, как правило, затрагивает социально-политические проблемы, такие как неравенство, джентрификация и окружающая среда; для поп-арта характерно использование предметов повседневного обихода массового производства и икон популярной культуры, таких как банки из-под супа Campbell или образ Мэрилин Монро) и методам исполнения (стрит-арт создается в общественных местах, как правило, незаконно, поэтому использует аэрозольные краски, маркеры,

трафареты и другие материалы, позволяющие художнику быстро воплощать замысел; поп-арт создается в студии в различных техниках живописи, скульптуры, гравюры, фотографии и т. п.). Однако у этих направлений есть общие черты в использовании цвета, формы, линий, привлекающих внимание образов. Более того, оба движения бросили вызов понятию «высокого» искусства, включив в свои работы элементы популярной культуры, повседневной жизни и делая упор на доступности искусства для массовой аудитории, перенося его из галерей и музеев на улицы или в дома обычных людей. Поп-арт оказал значительное влияние на уличное искусство, которое все еще заметно сегодня, поскольку художники продолжают использовать в качестве исходного материала образцы популярной культуры и идеи потребления. Например, серии работ Бэнкси отсылают зрителя к поп-символам и образам массовой культуры: Микки Маусу и Рональду Макдональду («Напалм»), Моне Лизе («Мона Лиза с базуккой», «Розовая Мона Лиза», «Улыбка соучастницы»), иконе стиля Кейт Мосс, изображаемой наподобие уорхоловской Мэрилин Монро.

Аналогичные отсылки к поп-арту мы встречаем и в цифровой скульптуре. Работа цифрового художника Гала Юсефа «Дай пять на небесах» является ярким примером такой отсылки. Хорошо известно, что Багз Банни и Даффи Дак часто появляются в стрит-арте и всегда были парой соперников, однако, когда Багз Банни и Даффи Дак встречаются на небесах, они становятся добрыми друзьями. Цифровые технологии, снижая ограничения физического пространства, позволили Галу Юсефу экспериментировать с различными материалами и техниками в более широком диапазоне: банкноты и монеты в его работе стали динамичными элементами скульптуры; все элементы выглядят реалистично: блики на монетах, падающие банкноты, колебания шерстинок и прочее (рис. 1).

Комбинированное использование цифровой глины и 3D-технологий – техника, которая не только создает произведения с эстетикой традиционной живописи, но и включает в скульптуру динамические элементы, делая ее более привлекательной как визуально, так и смыслово. Динамику элементов цифровой скульптуры «Дай пять на небесах» невозможно передать традиционными техниками уличного искусства, но ее идея, несомненно, продиктована критическим отношением художника к идолам поп-культуры. Работа не столько отражает культурный смысл персонификации животных, сколько выражает личные пристрастия, эмоции и идеи автора. Художник не случайно придал мультяшным животным такие позы и выстроил такую композицию: очевидно прослеживается отсылка к «Сотворению Адама» Микеланджело Буонарроти. У Микеланджело руки бога и человека не соединяются, поскольку невозможно

объединить высокое и земное; точно так же не соединяются конечности животных: их соперничество даже на небесах, когда они достигли всего, к чему стремились, никуда не делось. Еще один пласт соединения несоединимого, в данном случае – великой фрески Микеланджело и персонажей мультфильма – это, безусловно, черта уличного искусства, перекочевавшая в сферу цифровой скульптуры.

Рис. 1. Гал Юсеф. «Дай пять на небесах». Источник: <https://www.artstation.com/artwork/DvqvqG>
Fig. 1. Gal Youssef. "High five in heaven. Source: <https://www.artstation.com/artwork/DvqvqG>

Второй точкой соприкосновения стрит-арта и цифровой скульптуры целесообразно считать внимание к внутренним переживаниям художника и обращение к личному опыту. Когда в жизни художника происходят серьезные взлеты или падения, эти переживания рано или поздно проявляются в творчестве. Пожалуй, одними из самых известных примеров искусства, основанного на жизненном опыте, являются «Крик» Эдварда Мунка; трогательная и мощная антивоенная «Герника» Пабло Пикассо, созданная художником после того, как в апреле 1937 года войска нацистской Германии и фашистской Италии разбомбили маленький испанский городок. Еще один пример – Анри Матисс ближе к концу своей карьеры после тяжелой болезни оказался прикован к инвалидному креслу и обратился к «рисованию ножницами в цвете», создавая удивительно радостные серии красочных коллажей из бумаги. В своей обманчивой простоте его «синие обнаженные» достигали как скульптурного качества, так и абстракции раннего минимализма, выступая результатом бесконечных попыток совершенствования художником своего мастерства.

Уличный художник, как правило, в качестве кредо своего творчества видит рефлексии на акту-

альные события, и в этом смысле ему невозможно обойтись без обращения к наблевшему, внутренне важному и переживаемому. Так, нижегородский художник Андрей Оленев крайне болезненно реагирует на катастрофический процесс утраты деревянной исторической застройки Нижнего Новгорода, которая считается важнейшим элементом национального и местного колорита и неотъемлемым элементом городской ткани [11, с. 21]. Художник черпает вдохновение из личного опыта, создавая выразительные и глубокие по смыслу произведения. Так, его работа «Пустые ведра» (рис. 2), нарисованная на стене деревянного дома, пострадавшего от злонамеренного поджога, погружает зрителя в мир метафор, выходящих за пределы простого визуального восприятия: ведра, даже если они пусты, следует убирать подальше от рук поджигателей.

Рис. 2. Андрей Оленев. «Пустые ведра». Нижний Новгород, 2015. Источник: <https://i.pinimg.com/736x/f0/02/a3/f002a36d76ffaa6d2dd022c0f94d44e.jpg>
Fig. 2. Andrey Olenov. "Empty buckets". Nizhny Novgorod, 2015. Source: <https://i.pinimg.com/736x/f0/02/a3/f002a36d76ffaa6d2dd022c0f94d44e.jpg>

Ровно то же – внутренние переживания и обращение к личному опыту – видим в работе «Цветочные фигуры» цифрового художника Жана-Мишеля Бихореля. Две цифровые скульптуры женской фигуры составлены из цветов, но в первой работе тело полностью состоит из них, а во второй акцент сделан только на торсе, в то время как мраморная кожа скульптуры растрескивается, открывая цветы внутри (рис. 3). Живой и теплый яблоневый цвет находится под броней из холодного и твердого камня: нежность, хрупкость и уязвимость женщины способны проявиться только там, где она сама готова разоблачиться, снять с себя с панцирь. Жан-Мишель Бихорель видит женщину красивой и снаружи (в камне), и изнутри (в яблоневом цвету).

В художественном подходе Жан-Мишеля Бихореля в духе визуального сюрреализма чувствуется желание установить связь между современными технологиями и традиционным искусством, на ко-

тором художник был воспитан. Иконография скульптуры опирается на классический тип Венеры Целомудренной; в истории искусства подобные позы мы видим и в «Рождении Венеры» Сандро Боттичелли, и в скульптуре Венеры Капитолийской. Жан-Мишель Бихорель пытается показать тонкий баланс между классическим и сверхъестественным.

Рис. 3. Жан-Мишель Бихорель. «Цветочные фигуры». Источник: <https://www.thisiscolossal.com/2016/06/digital-sculptures-jean-michel-bihorel/>
Fig. 3. Jean-Michel Bihorel. "Flower figures". Source: <https://www.thisiscolossal.com/2016/06/digital-sculptures-jean-michel-bihorel/>

Третьей точкой соприкосновения можно считать характерный стрит-арту и цифровой скульптуре прием «cut-n-mix» – ремикс, реконструкция и повторное использование отдельных материалов или артефактов для создания новых смыслов. В основе приема лежит концепция «бриколажа», предложенная французским этнологом Клодом Леви-Строссом. Он ссылаясь на древних мастеров, чье свободное использование материалов и инструментов при создании чего-то нового считалось примитивным, но на самом деле должно рассматриваться как калейдоскоп, благодаря которому из обломков прежнего опыта создается что-то единое и целостное. Бриколаж в искусстве, представляя собой технику или творческий подход, при котором произведения создаются из различных доступных или подручных материалов, воплощает собой характер постмодернистской художественной практики [12]. Прием «cut-n-mix» – одна из определяющих черт уличного искусства – характеризуется отсутствием ограничений в выборе и компиляции художественных техник и материалов: аэрозольная краска, плакаты, наклейки, пряжа, видеопроекции, а также, когда речь идет о рекламной или спонтанной скульптуре – самый раз-

нообразный подручный материал, заимствованный из городской среды. Например, работающий в этой технике Брэд Дауни использует дорожные знаки, тротуарную плитку, металлические ограждения и т. п. [13]; Эдина Токоди, Никита Голубев (ProBoyNik), Стивен Де Крук (Strook) и другие художники – недолговечные и поэтому производящие особенное впечатление материалы: мох, мел, лед [14], удаление грязи и коפות с городских поверхностей, в результате чего образуется арт-объект.

Жан-Мишель Баския, начинавший художественную карьеру на улицах Нью-Йорка, миксовал в своих работах идеи и материалы, синтезировал разнообразную информацию, получаемую через телевидение, комиксы и популярную музыку. Не будучи еще признанным, Баския создавал и продавал на улицах свои рисунки, открытки, расписанные вручную футболки. На них были представлены собранные в коллажи материалы – ксерокопированные изображения, фотографии художника, сделанные в фотобудках и из найденных материалов, пометки и вкрапления цветных чернил [15, с. 14]. Микс в его работах был представлен сочетанием образов африканского и карибского искусства и религиозной иконографии с символами музыкальной и мультипликационной культуры постмодернистской Америки (рис. 4).

Рис. 4. Жан-Мишель Баския. «Тенор (Развитие)». 1985. Частная коллекция. Источник: https://artdoart.com/uploads/file/1_6bab54f49c931d457.png
Fig. 4. Jean-Michel Basquiat. "Tenor (Development)". 1985. Private collection. Source: https://artdoart.com/uploads/file/1_6bab54f49c931d457.png

Прием «cut-n-mix», заимствованный из уличного искусства, можно проследить в творчестве цифровых скульпторов. Так, например, цифровая скульптура Маркуса Уинни Wolverine x Venom изображает слияние супергероев и антигероев Marvel Comics: Веном и Росوماха разрезаны и объединены в новую концепцию для альтернативного спин-оффа. Хотя Marvel заинтересовалась

слиянием двух героев еще в прошлом веке, о чем свидетельствует комикс Marvel «Войны Венома: Росомаха», идея из-за ограничений технологий того времени так и осталась в комиксах, а не в кино. Теперь же, по мнению Чжоу Цюаньху, благодаря технологиям цифрового скульптинга и концептуальному стрит-арту, эта концепция может быть реализована [16, с. 14].

Более интересную и сложную идею «нарезки и смешения» видим в скульптуре, идея которой принадлежит бельгийскому уличному художнику Monk HF, а ее реализация – цифровому художнику Начо Риеско Гостанса. Monk HF совместил два популярных и известных всему миру образа: трафарет «Метатель Молотова» (другое название – «Бросающий цветы»), нарисованный Бэнкси на разделительном барьере в Вифлееме, и брюссельского «Писающего мальчика», созданного скульптором-маньеристом Жеромом Дюкенуа (рис. 5).

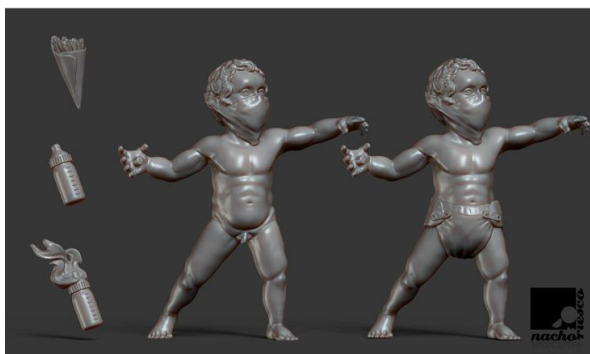

Рис. 5. Monk HF, Начо Риеско Гостанс. «Метатель Молотова» и «Писающий мальчик». 2014. Источник: <https://www.behance.net/gallery/19783909/Molotov-Pis>
Fig. 5. Monk HF, Nacho Riesco Gostans. "The Molotov Thrower" and "The Pissing Boy". 2014. Source: <https://www.behance.net/gallery/19783909/Molotov-Pis>

Трафаретное изображение Бэнкси представляет собой мощный антивоенный образ: мужчина в балаклаве, который, на первый взгляд, собирается бросить бомбу, на самом деле сжимает в руке букет цветов в символическом призыве к миру и ненасилию. Идея создания «Писающего мальчика» в истории искусства не сохранилась, но сегодня эта скульптура – центральный символ Брюсселя, клише: ее изображения появляются во всевозможных официальных изданиях и рекламе, на футболках и пивных этикетках, шоколадке изготавливают фигурки писающего мальчика из шоколада, указатели направляют к этой скульптуре потоки туристов, а организация под названием «Друзья писающего мальчика» хранит более 1000 подаренных ему костюмчиков. Другими словами, «Писающий мальчик», в XVII веке украшавший городской водопровод, в наше время воплощает собой общество потребления.

Опираясь на эти образы, Monk HF от первого – протестного – образа позаимствовал контрапост, придав телу нового «метателя» динамику,

от второго – детскую фигуру, «оболочку» общества потребления, у которой памперсом «отсечен» главный элемент туристского интереса. Новый «метатель» у Начо Риеско Гостансы воплощает собой движение против потребления материальных ценностей и одновременно – раздражение восторгами толпы по отношению к скульптуре. Цифровая скульптура, созданная Monk HF и Начо Риеско Гостанса, – это не пухлый младенец, это – борец в балаклаве, с «кубиками» мускулов на животе. По этой причине скульптура имеет несколько вариантов исполнения: мальчик бросает в толпу фастфуд, бутылочку с детской смесью, наконец, коктейль Молотова в бутылочке из-под детской смеси. Получилось новое произведение с новым смыслом, значение которого прочитывается фактическим сопоставлением прототипов, а не самим образом. Таким образом, Monk HF не только создал новый образ из существующих фрагментов других популярных произведений, но и смонтировал два знака – протест и общество потребления. Знаки заменили объекты на субъект, что привело к другому смыслу и создало согласованный образ.

Четвертой точкой соприкосновения выступает тот факт, что стрит-арт и цифровая скульптура, благодаря своей публичной природе и наглядности, часто используются в качестве комментария к актуальным социальным проблемам. В рамках политических протестов, экологических проблем или культурных конфликтов уличные художники обозначают свою позицию, размещая работы в пространстве города, чем привлекают общественное внимание и вызывают дискуссии. Популярность интернета позволяет мгновенно распространять произведения искусства по всему миру. Таким образом, слияние стрит-арта и цифровой скульптуры приобретает международный масштаб: художники-выходцы из разных культур высказываются по схожим вопросам, создавая межкультурный резонанс.

Ярким примером быстрого отклика уличного искусства на социальные проблемы можно считать реакцию на чрезвычайную ситуацию с коронавирусом, например, не объяснимое логикой накопление потребителями туалетной бумаги в первые месяцы пандемии (мурал «Моя прелесть!» Хесуса Круза Артилеса), осознание того, что пандемия – это серьезная угроза, а не формальное требование системы здравоохранения (переосмысленная Бэнкси «Девушка с жемчужной сережкой», которой в 2020 году была пририсована защитная маска), признание нечеловеческих усилий врачей и медсестер по спасению жизни людей (медсестра в маске с логотипом Супермена – «Супер медсестра!» художника FAKE) и др.

Цифровой художник Эрик Базилетти-Каргалл с помощью 3D-coat также выразил свое отношение к пандемии, превратив вирус Covid-19 в лицо демона, несущего угрозу человечеству (рис. 6).

Рис. 6. Эрик Базилетти-Каргалл. «Коронавирус». Источник: <https://www.artstation.com/artwork/IVoeda>
Fig. 6. Eric Basiletti-Kargall. "Coronavirus". Source: <https://www.artstation.com/artwork/IVoeda>

Цифровые технологии позволили «оживить» вирус в виде демона ада, который ужасает не карикатурно зверским видом, а тем, что будто бы прислушивается и приглядывается (по сути, слепыми глазами, ибо в нем нет эмпатии) к именам людей, ушедших из мира живых и наполняющих пространство вокруг него: Антуан, Салли, Маргарет, Оливия... Будет ли в этом списке имя зрителя? Демон так же красив, как и уродлив, так же ужасен, как и беспощаден. Такая метаморфоза не только усилила визуальный эффект восприятия, но и, как отмечают Ли Мин и Ван Ли, позволила зрителю интуитивно прочувствовать страх опасности заражения вирусом [17]. Таким образом, цифровая скульптура, благодаря своей публичной природе и наглядности, стала средством выражения равнодушия ее автора к актуальным социальным проблемам.

Выводы

Стрит-арт и цифровой скульптинг следует рассматривать как относительно новые художественные практики, которые, тем не менее, имеют множество точек соприкосновения и с историей искусства, и друг с другом. Так, стрит-арт и цифровую скульптуру объединяет внимание к богатой палитре образов поп-культуры, обращение к внутренним переживаниям и личному опыту художника, рефлексия на актуальные общественные события, а также использование ремикса, реконструкции и повторного использования отдельных материалов или артефактов для создания новых смыслов.

В то время как традиционное создание уличного искусства часто ограничено физическим пространством и материалами, цифровые технологии разрушают эти ограничения. Художники могут использовать программы цифрового моделирования для предварительного проектирования своих работ, проверять художественные эффекты различных условий и освещения с помощью цифрового моделирования, завершать арт-объекты в виртуальном пространстве, прежде чем материализовать их в реальной среде. Это не только способствует повышению качества произведения, но и позволяет бесконечно расширять творческие возможности художника.

Одновременно популярность цифровых технологий способствует демократизации стрит-арта. Если традиционное уличное искусство часто требует больших технических и физических затрат, то легкость цифровых инструментов снизила порог вхождения в творчество, позволив большему числу желающих участвовать в создании уличного искусства. Такая демократизация искусства обогащает содержание и формы уличного искусства: благодаря цифровым технологиям уличное искусство развивается, распространяется и интерактивно воспринимается; границы между стрит-артом и цифровой скульптурой размываются, происходит их конвергенция; цифровая скульптура позволяет произведениям стрит-арта динамично реагировать на изменяющиеся события, делая художественное высказывание в городских пространствах более разнообразным и насыщенным, а также усиливая эмоциональный заряд произведения. В целом, стрит-арт интегрируется с цифровой скульптурой, что не только меняет форму представления искусства, но и способ взаимодействия искусства и публики, делая художественное выражение в городском пространстве более ярким, интересным и эмоциональным.

Литература

1. Рогова, А. В. Цифровая скульптура: к вопросу терминологии / А. В. Рогова, Н. А. Федоровская // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 7 (81). – С. 170–172.
2. Волошин, Д. Д. Место цифровой скульптуры в современной медиа-индустрии / Д. Д. Волошин, Е. Д. Протченко // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 62-14. – С. 89–92.
3. Сергеев, А. Г. Характеристика понятия цифровой скульптуры через художественный образ / А. Г. Сергеев // Искусство и культура. – 2021. – № 2 (42). – С. 34–38.
4. Вильчинская-Бутенко, М. Э. Режимы визуализации урбанистического искусства: стрит-арт vs паблик-арт / М. Э. Вильчинская-Бутенко // Вестник Томского государственного университета.

Культурология и искусствоведение. – 2022. – № 47. – С. 18–34.

5. Вешнев, В. П. Современный российский стрит-арт. Становление и развитие / В. П. Вешнев, Д. Г. Ткач // Вестник славянских культур. – 2021. – № 59. – С. 343–351.

6. Кузовенкова, Ю. А. Уличные арт-практики и визуальное пространство города (на материале граффити и стрит-арта) / Ю. А. Кузовенкова // Известия высших учебных заведений. Технология легкой промышленности. – 2016. – Т. 32, № 2. – С. 97–102.

7. Судакова, О. Н. Урбанистическое искусство: территория социальных интересов или разговор о новой форме эстетики / О. Н. Судакова // Труды института бизнес-коммуникаций; под общ. ред. М. Э. Вильчинской-Бутенко. – СПб., 2017. – С. 160–166.

8. Кандалова, А. Д. Потенциал использования цифрового искусства в городских общественных пространствах / А. Д. Кандалова // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Градостроительство: сборник статей; под ред. М. В. Шувалова. – Самара, 2018. – С. 95–99.

9. Сергеев, А. Г. Трансформация образа скульптуры в городском пространстве вследствие влияния тотальной цифровизации / А. Г. Сергеев // Город, пригодный для жизни: материалы V Международной научно-практической конференции; отв. за выпуск Д. Е. Лемытская. – Красноярск, 2023. – С. 657–661.

10. Лю, Ф. Применение компьютерного проектирования в дизайне городской скульптуры / Ф. Лю, Ю. Ван // Современные тенденции компьютерного проектирования орнамента: сборник материалов Всероссийского Круглого стола с международным участием. – М., 2023. – С. 112–114.

11. Грачева, Е. Е. Архитектура деревянных и каменно-деревянных жилых домов Нижнего Новгорода XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. арх. / Е. Е. Грачева. – Н. Новгород: Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, 2014. – 27 с.

12. Bennett, P. A2 Media Studies: The Essential Introduction / P. Bennett, J. Slater, P. Wall. – Oxon: Taylor & Francis, 2006. – 304 p.

13. Downey, B. Spontaneous Sculptures / B. Downey. – Berlin: Gestalten, 2011. – 160 p.

14. Яковлев, В. В. Роль рекламной ледовой скульптуры в ландшафтном дизайне Якутска / В. В. Яковлев, С. В. Никифорова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология. – 2018. – № 2 (10). – С. 43–53.

15. Ross, L. Gold Griot: Jean-Michel Basquiat Telling (his) Story in Art / L. Ross. – Plymouth: Univ. of Plymouth, 2018. – 172 p.

16. 周权虎. 数字雕塑软件技术在数字电影特效中的应用研究. 北京: 技术交流, 2013.

17. 李明, 王丽. 《数字媒体艺术概论》. 北京: 清华大学出版社, 2022.

Вильчинская-Бутенко Марина Эдуардовна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и теории дизайна и медиакоммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург), e-mail: marina.gutd@gmail.com

Люй Сыця – аспирант кафедры истории и теории дизайна и медиакоммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург), e-mail: lvsijia855@gmail.com

Поступила в редакцию 7 июня 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh250405

DIGITAL SCULPTING AND STREET ART: POINTS OF CONTACT

M. E. Vilchinskaya-Butenko, S. Lyui

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Saint Petersburg, Russian Federation

The interaction of two artistic forms – street art and digital sculpting – has not yet become widespread, but such trends are beginning to take shape. This article explores whether there are any points of contact between them and how this contact is manifested. Street art and digital sculpting are considered as relatively new artistic forms, which nevertheless have many points of contact with the history of art and with each other. The works of foreign and Russian street artists (Jean-Michel Basquiat, Banksy, Monk HF, Andrey Olenov) and digital sculptors (Gal

Youssef, Jean-Michel Bihorel, Nacho Riesco Gostans, Eric Baziletti-Kargall) were chosen as art objects demonstrating the similarity of the two artistic forms. Studies into the artistic experiences of the iconic representatives of these art movements have revealed that attention to the rich palette of pop culture images, appeals to the inner feelings and personal experiences of the artist, reflections on current social events, and the use of remixing, reconstruction, and reusing individual materials or artifacts to create new meanings, both unite street art and digital sculpting, and contribute to the mutual enrichment of the considered artistic traditions.

Keywords: street art, digital sculpture, digital sculpting, pop culture.

References

1. Rogova A.V., Fedorovskaya N.A. Cifrovaya skul'ptura: k voprosu terminologii [Digital Sculpture: on the Issue of Terminology] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2017. № 7 (81). P. 170–172.
2. Voloshin D.D., Protchenko E.D. Mesto cifrovoj skul'ptury v sovremennoj media-industrii [The Place of Digital Sculpture in the Modern Media Industry] // *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 2020. № 62-14. P. 89–92.
3. Sergeev A.G. Harakteristika ponyatiya cifrovoj skul'ptury cherez hudozhestvennyj obraz [Characterization of the Concept of Digital Sculpture through an Artistic Image] // *Iskusstvo i kul'tura*. 2021. № 2 (42). P. 34–38.
4. Vil'chinskaya-Butenko M.E. Rezhimy vizualizatsii urbanisticheskogo iskusstva: strit-art vs pablik-art [Visualization Modes of Urban Art: Street Art vs Public Art] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*. 2022. № 47. P. 18–34.
5. Veshnev V.P., Tkach D.G. Sovremennyy rossijskij strit-art. Stanovlenie i razvitie [Modern Russian Street Art. Formation and Development] // *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. 2021. № 59. P. 343–351.
6. Kuzovenkova Y.A. Ulichnye art-praktiki i vizual'noe prostranstvo goroda (na materiale graffiti i strit-art) [Street Art Practices and the Visual Space of the City (Based on Graffiti and Street Art)] // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Tekhnologiya legkoj promyshlennosti*. 2016. T. 32, № 2. P. 97–102.
7. Sudakova O.N. Urbanisticheskoe iskusstvo: territoriya social'nykh interesov ili razgovor o novoy forme estetiki [Urban art: the Territory of Social Interests or a Conversation about a New Form of Aesthetics] // *Trudy instituta biznes-kommunikacij*. Nauchnoe izdanie; pod obshch. red. M.E. Vil'chinskaya-Butenko. Saint-Petersburg, 2017. P. 160–166.
8. Kandalova A.D. Potencial ispol'zovaniya cifrovogo iskusstva v gorodskikh obshchestvennykh prostranstvakh [The Potential of Using Digital Art in Urban Public Spaces] // *Tradicii i innovatsii v stroitel'stve i arhitekture. Gradostroitel'stvo: sbornik statej; pod red. M.V. Shuvalova*. Samara, 2018. P. 95–99.
9. Sergeev A.G. Transformatsiya obraza skul'ptury v gorodskom prostranstve vsledstvie vliyaniya total'noj cifrovizatsii [Transformation of the Image of Sculpture in Urban Space Due to the Influence of Total Digitalization] // *Gorod, prigodnyj dlya zhizni: materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii; otv. za vypusk D.E. Lemytskaya*. Krasnoyarsk, 2023. P. 657–661.
10. Lyu F., Van Y. Primenenie komp'yuternogo proektirovaniya v dizajne gorodskoj skul'ptury [The Use of Computer-Aided Design in Urban Sculpture Design] // *Sovremennyye tendentsii komp'yuternogo proektirovaniya ornamenta: sbornik materialov Vserossiyskogo Kruglogo stola s mezhdunarodnym uchastiem*. Moscow, 2023. P. 112–114.
11. Gracheva E.E. Arhitektura derevyannykh i kamennno-derevyannykh zhilykh domov Nizhnego Novgoroda XIX – nachala XX vv. [The Architecture of Wooden and Stone-Wooden Residential Buildings in Nizhny Novgorod of the XIX – early XX Centuries]: avtoref. dis. ... kand. arhitektury. N. Novgorod: NSABU, 2014. 27 p.
12. Bennett P., Slater J., Wall P. A2 Media Studies: The Essential Introduction. Oxon: Taylor & Francis. 2006. 304 p.
13. Downey B. Spontaneous Sculptures. Berlin: Gestalten, 2011. 160 p.
14. Yakovlev V.V., Nikiforova S.V. Rol' reklamnoj ledovoy skul'ptury v landsaftnom dizajne Yakutsk [The Role of Advertising Ice Sculpture in the Landscape Design of Yakutsk] // *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Kul'turologiya*. 2018. № 2 (10). P. 43–53.
15. Ross L. Gold Griot: Jean-Michel Basquiat Telling (his) Story in Art. Plymouth: Univ. of Plymouth, 2018. 172 p.
16. 周权虎. 数字雕塑软件技术在数字电影特效中的应用研究. 北京: 技术交流, 2013 [Zhou Quanshu. Research on the application of digital sculpture software technologies in special effects of digital films). Beijing: Technological communication. 2013].
17. 李明, 王丽. 《数字媒体艺术概论》. 北京: 清华大学出版社, 2022. [Lee Min, Wang Lee. An introduction to digital media art. Beijing: Tsinghua University Press, 2022].

Marina E. Vilchinskaya-Butenko – Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor, Head of the Department of History and Theory of Design and Media Communications, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (Saint Petersburg), e-mail: marina.gutd@gmail.com

Syjjia Liu – Postgraduate Student at the Department of History and Theory of Design and Media Communications, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (Saint Petersburg), e-mail: lvsijia855@gmail.com

Received June 7, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Вильчинская-Бутенко, М. Е. Цифровой скульптинг и уличное искусство: точки соприкосновения / М. Е. Вильчинская-Бутенко, С. Люй // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 45–53. DOI: 10.14529/ssh250405

FOR CITATION

Vilchinskaya-Butenko M. E., Liu S. Digital sculpting and street art: points of contact. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 45–53. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250405

«ВОСЕМЬ РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН» А. К. ЛЯДОВА: ОСОБЕННОСТИ ОРКЕСТРОВКИ

В. В. Зайцева

*Военный университет имени князя Александра Невского, г. Москва,
Российская Федерация*

Статья посвящена анализу оркестрового цикла А. К. Лядова «Восемь русских народных песен» с точки зрения выявления приемов оркестрового письма композитора, помогающих ему создавать особый колорит звучания оркестра. Номера цикла будут рассмотрены в сопоставлении симфонического варианта и версии, изложенной композитором в обработках русских народных песен для голоса и фортепиано, что способствует лучшему осмыслению оркестрового почерка А. К. Лядова. Данный способ анализа музыкального материала позволил выявить несколько подходов к инструментальному воплощению песен, представленных в сборниках: в некоторых случаях композитор точно следует фактурным идеям, заложенным в версии голос-фортепиано; в других – обогащает образную составляющую оркестровыми элементами; в остальных вариантах значительно переосмысливает форму и фактуру песни.

Изучение деталей оркестрового склада, соотношения инструментальных групп, использования штрихов и различных приемов звукоизвлечения дало возможность сделать ряд выводов о характерных особенностях работы композитора над партитурой: выверенность чередования и соединения инструментальных пластов; использование приемов звукоизобразительности в двух аспектах: для передачи сюжетного плана текста песни и с целью подражания народным инструментам; тщательная продуманность всех фактурно-тембровых составляющих. Сочетание этих компонентов позволило А. К. Лядову создать произведение, каждая часть которого наполнена уникальным колоритом и особой атмосферой звучания оркестра.

Ключевые слова: А. К. Лядов, оркестровая музыка, инструментовка, оркестровка, народные песни.

Введение

Творчество признанного мастера инструментовки А. К. Лядова вызывает большой научный интерес с точки зрения изучения способов создания композитором особого колористического звучания оркестра. В симфоническом цикле «Восемь русских народных песен», в связи с их разнохарактерностью и контрастным образным планом, во всей полноте воплощаются принципы оркестрового мышления композитора, поэтому целью исследования становится выявление особенностей инструментовки этого произведения в контексте соотношения оркестрового варианта и версии, изложенной композитором в обработках русских народных песен, изданных Русским географическим обществом. Целостное изучение этого цикла в подобном ракурсе осуществляется впервые. Объектом исследования являются партитура цикла «Восемь русских народных песен» и три сборника обработок народных песен, осуществленных А. К. Лядовым: «35 песен русского народа» для одного голоса с сопровождением фортепиано (1897 г.), «50 песен русского народа» для одного голоса с сопровождением фортепиано (1903 г.), «35 песен русского народа» для одного голоса с сопровождением фортепиано (1902 г.). Предметом исследования являются принципы оркестрового письма композитора.

Обзор литературы

Исследования, посвященные различным аспектам творчества А. К. Лядова, охватывают обширный период времени – от начала XIX века

до наших дней. Первый коллективный сборник «Ан. К. Лядовъ», включающий воспоминания его друзей и коллег, вышел в свет в 1916 году и был переиздан с дополнениями в 2005 году [1], а в 2009 году появился сборник «Непознанный А. К. Лядов» [2]. Нельзя не упомянуть монографии М. К. Михайлова [3] и Н. В. Запорожец [4], а также «Книгу о Лядове» О. А. Корсакевич [5]. В исследовании О. Ф. Ендуткиной [6] раскрываются интересные особенности оркестрового колорита произведений композитора.

В последние годы возрос интерес к изучению особенностей творческого процесса А. К. Лядова, связанного с оркестром: работы А. С. Казуниной [7], основанные на изучении архивных рукописных документов; статьи А. В. Пчелинцева [8], И. Б. Тепловой [2, с. 176–213], А. В. Аксеновой [9], посвященные фольклорным источникам, используемым композитором в симфонических произведениях; исследование А. С. Майоровой [10] об инструментовке А. К. Лядовым произведений А. Г. Рубинштейна.

Труды в области инструментовки и оркестровых стилей также играют большую роль в понимании принципов оркестрового письма композитора – это книги Г. И. Банщикова [11], А. М. Веприка [12], С. Адлера [13], Ю. А. Фортунатова [14].

Методы исследования

Методы исследования, использованные при анализе оркестровых партитур в статье, основаны на теоретическом подходе, представленном в работах Г. И. Банщикова [11] и А. М. Веприка [12].

При анализе соотношения оркестровки симфонического цикла и обработок песен для голоса и фортепиано применяется компаративный метод.

Результаты и дискуссия

Вторая половина XIX века в России ознаменовалась возросшим интересом к народной культуре. В 1884 году при Императорском Русском географическом обществе была организована Песенная комиссия, в задачу которой входил поиск, изучение и фиксация русских народных песен с последующей публикацией этого материала. С этой целью в 1897 году Русское географическое общество через М. А. Балакирева обратилось к А. К. Лядову с просьбой сделать гармонизацию собранных народных песен. Всего А. К. Лядовым было обработано для голоса с фортепиано более ста песен, опубликованных в нескольких сборниках: «35 песен русского народа» для одного голоса с сопровождением фортепиано (из собранных В. И. Некрасовым и Ф. М. Истоминым), «50 песен русского народа» для одного голоса с сопровождением фортепиано (из собранных В. И. Некрасовым, Ф. М. Истоминым и Ф. И. Покровским), «35 песен русского народа» для одного голоса с сопровождением фортепиано (из собранных В. И. Некрасовым, Ф. М. Истоминым и Ф. И. Покровским), а также «Сборник русских народных песен» для голоса и фортепиано ор. 43, основанный на песнях, записанных Лядовым самостоятельно. Кроме этого композитором был сделан ряд обработок русских народных песен для хора.

А. К. Лядов с большим творческим интересом относился к этой работе. В письме к Н. А. Римскому-Корсакову он пишет: «Страшно радуюсь, что Ваш “Садко” растет и полнеет. Надеюсь, что к осени он будет уже толстый детина. Вот что пришло мне в голову: не пригодятся ли Вам для оперы русские песни из моего будущего сборника. На всякий случай посылаю две. Одна бы годилась (если у Вас еще нет материала) для венчания подруг вокруг раKITного куста, а другая – для хора-вода» [2, с. 187].

Работа над этими сборниками послужила источником и для собственного композиторского творчества А. К. Лядова, многие сочинения которого основаны на интонационной природе русского фольклора. Одним из таких произведений стал цикл «Восемь русских народных песен».

Музыкальным материалом этого оркестрового сочинения стали народные мелодии, выбранные композитором из сделанных им ранее обработок для голоса и фортепиано: в него вошли шесть песен из сборника «50 песен русского народа», а также по одной песне из двух сборников «35 песен русского народа». Многие исследователи отмечают особое отношение композитора к народной песне. Так, например, А. В. Пчелинцев пишет: «Наряду с общими подходами стилю композитора, в отличие от его старших современников, свой-

ственно, пожалуй, наиболее бережное отношение к первоисточнику. Это отразилось в предельной органичности сопровождения, которое вытекает из глубокого понимания особенностей народной мелодики со свойственной ей вариантноcтью, модальностью, гетерофонией, отсутствием каких-либо чужеродных элементов в сочетании с особенностями индивидуального стиля “портретиста-миниатюриста”, с присущим ему тонким художественным вкусом» [8, с. 202].

В цикле представлены наиболее распространенные жанры русских народных песен (протяжные, плясовые, хороводные, колыбельные, былины, духовные стихи). Оркестровый колорит становится наиболее важным фактором – часто инструментовка почти зримо иллюстрирует смысловое содержание песен или контекст их звучания. Интересно, что подход к инструментальному воплощению этих песен по отношению к обработкам, представленным в сборниках, различен: в некоторых случаях композитор следует фактурным идеям, заложенным в версии голос-фортепиано, в других случаях значительно их переосмысливает. Рассмотрим этот процесс подробнее.

Первый номер цикла, «Духовный стих», представляет собой оркестровое воплощение песни «Господи, помяни» из сборника «50 песен русского народа» [15, с. 170]. Фортепианная фактура этого напева лаконичная, в основном дублирующая мелодию с добавлением полифонических и педальных элементов.

Казалось бы, в оркестровом воплощении композитор мог внести значительное разнообразие в музыкальную ткань, создав новые компоненты звучания, но тем не менее он сохраняет ее изначальную структуру, расцвечивая произведение только средствами инструментовки. Начинается пьеса тембром английского рожка и фагота в октавной дублировке, к которым затем присоединяется валторновая педаль, угадываемая в фортепианной фактуре. Дальнейшее развитие основано на противопоставлении деревянной и струнной групп, на котором построена вся оркестровая драматургия этой пьесы. На начальном этапе развертывания фактуры эти группы звучат по отдельности, в кульминационной зоне они объединяются и далее словно растворяются: от струнных остается *pizzicato*, которое соответствует *staccato*, выписанному в фортепианной версии, а от духовых – фагот.

Название второй части – «Коляда-Маледа» – говорит о том, что напев принадлежит к циклу обрядовых песен рождественских праздников – колядок. Композитор, следуя основным фактурным реалиям фортепианной партии, значительно расширяет контекстуальный план пьесы, включая в оркестровую ткань элементы звукоподражания, заложенные в тексте песни. Так, например, в начале пьесы можно представить себе шуточный диалог, который передается перекликающимися груп-

пами оркестра – деревянными духовыми и *pizzicato* струнных. Примечательно, что этот диалогический принцип заложен в вопросно-ответной структуре текста песни из сборника «50 песен русского народа» [15, с. 197]:

– Коляда-маледа!

Пошто пришла

Накануне рождества?

– Косы просить.

Сюжетный план песни развернут и разнообразен. Интересно, что в эпизоде, примерно соответствующем по тексту словам «Свиней пасти» композитор использует трели и форшлаг у скрипок, возможно создавая этим звукоизобразительный элемент. В разделе, ориентировочно находящемся на словах «Красным девкам погулять», звучит полное оркестровое *tutti* с ярким изложением мелодии у медных и имитацией народного наигрыша у струнных (кроме контрабаса), фаготов и кларнетов, словно олицетворяя кульминацию народного праздничного гуляния. Несмотря на апофеоз последних строк текста песни, Лядов заканчивает пьесу на тихой динамике, как своеобразную смысловую арку, отсылающую к началу произведения: снова осуществляется диалог между инструментальными группами, но они меняются местами: «вопрос» задают струнные, а отвечают деревянные духовые. Таким образом, за счет частичного следования тексту с помощью оркестровых средств расширяется и углубляется образный план этой пьесы цикла.

В основу третьего номера под названием «Протяжная» легла народная хоровая песня «Как за речкой, братцы, за рекою» (из сборника «50 русских народных песен») [15, с. 279]. В оркестровой интерпретации этой песни А. К. Лядов довольно точно следует своей фортепианной фактуре, подражая особенностям народного музицирования, когда одностольный запев продолжается общим хоровым звучанием. Для лучшей имитации человеческого голоса композитор поручает проведение мелодии певучим и теплым тембрам квартета виолончелей. Возможно, следуя смысловому повороту сюжета песни, предполагающему двух действующих персонажей (мужской и женский – Ванюша и Маша), композитор в оркестре также создает два «поющих» темброво-тесситурных комплекса: один представляет собой виолончели и фагот, а другой – скрипки и флейты.

«Шуточная», основанная на песне «Я с комариком плясала» из сборника «50 песен русского народа» [15, с. 289], служит примером значительного переосмысления фортепианной фактуры. Сохраняя основные контуры замысла, А. К. Лядов с помощью колористических деталей создает тонкий и изящный оркестровый пейзаж. Композитор не случайно указывает в партитуре название песни, поскольку начинается пьеса с имитации жужжания комара, раскрывая именно этот аспект со-

держания текста песни. Достигается этот звукоизобразительный эффект с помощью трелей у засурдиненных скрипок и быстрых динамических «раздуваний» и «спадов». Это небольшое вступление присутствует только в оркестровой версии пьесы.

При дальнейшем развитии на фоне основной темы фоном всегда звучит элемент фактуры, возможно, изображающий полет комара. Сначала он появляется у тремолирующих первых скрипок, на легком фоне *pizzicato* вторых скрипок, альтов и *staccato* деревянной духовой группы. Затем возникает очень интересный прием инструментовки, когда струнное тремоло «передразнивается» флейтой, исполняющей этот фактурный элемент двойным языком, что создает дополнительный юмористический эффект. Это струнное «жужжание» в процессе развертывания формы приобретает более плотное звучание за счет добавления тремоло вторых скрипок и альтов. В последних трех тактах эта звучность исполняется уже всем оркестром: трели у флейты пикколо, гобоя и альтов с pedalными тонами валторн и флажолетов первых скрипок становятся фоном для триольного мотива шестнадцатыми у флейт, кларнетов и вторых скрипок. Учитывая, что основная тема звучит монотемброво у флейты пикколо, иногда в дублировке с флейтой, именно этот колористический фоновый элемент фактуры, за счет изменения его оркестровой плотности, становится главным средством развития формы. Особую легкость и изящество пьесе придает практически полное отсутствие медной духовой группы, а также виолончелей и контрабасов.

Пятая часть цикла – «Былина о птицах» – основана на одноименной песне из сборника «50 песен русского народа» [15, с. 184] и представляет собой локальную кульминацию цикла, являясь гораздо более масштабной и сложнее организованной, чем все предыдущие. Довольно простая фортепианная версия преобразуется в сложный многокомпонентный темброво-фактурный оркестровый комплекс. Рассмотрим подробнее, каким образом композитор создает эту колористическую картинку. Песня основана на простой трехзвучной архаичной попевке, которая придает этой музыке заклинательный характер. Многократно повторяясь, каждый раз в новом тембровом обрамлении, она обрастает полифоническими и звукоизобразительными элементами, имитирующими чириканье птиц с помощью форшлагов к каждой ноте, стaccатных повторяющихся звуков у деревянных духовых и тремолирующего фона у струнных.

Развертывание формы приводит к череде темброво-фактурных вариантов проведения, в результате чего в мелодии, состоящей всего из трех звуков, раскрываются различные образные стороны. Например, проведение у скрипок придает ей лирические черты; звучание валторн делает ее

призывной и заклинательной; сумрачный низкий регистр фаготов, виолончелей и контрабасов придает напеву настороженное и даже угрожающее звучание, что еще более подчеркивается ее проведением в увеличении в финале.

Такое образное и тембровое разнообразие, помимо логики развертывания пьесы, возможно, обусловлено довольно развернутым текстом самой песни, в котором перечисляются различные птицы и их характеристики: ласточки у нас девочки, кукушечки у нас вдовицы, скворцы на море скоморохи, филин на море воевода, сокол-птица на море наместник.

Партитура шестой пьесы – «Колыбельной» – примечательна прозрачным и поэтичным звучанием струнного оркестра, которое в контексте цикла создает очень яркий контраст с предыдущей песней. Такая тонкая фактура достигается с помощью дифференциации использования инструментов струнной группы. Тембровую основу пьесы составляют *divisi* засурдиненных альтов и виолончелей. Альты используются в качестве гармонических голосов, а виолончели совмещают функции баса (замещая отсутствующий в партитуре контрабас) и подголосков в среднем голосе. Мелодический контур распределен между партиями первых и вторых скрипок – начинаясь у вторых, тема передается первым скрипкам, вторые же в этот момент исполняют интонационные элементы в сексту с виолончелями, подражая народному музицированию.

«Колыбельная» основана на песне «А, баю, баю, баю» из сборника «35 песен русского народа» (1902 г. издания) [15, с. 368]. Композитор довольно точно следует фортепианной фактуре оригинала, но добавляет паузу на третьей доле во вступительных тактах, а также в заключительной строфе преобразует гармоническое наполнение, делая его более хроматизированным.

Интересно, что существует также обработка этой песни для хора, которая синтезирует эти две версии: в этой транскрипции нет хроматизации гармонии, но сохраняется пауза в начальных тактах, как в оркестровой версии. В связи с этим можно предположить, что композитор хотел создать в оркестре аналог звучания голоса, а не мерное покачивание колыбельки, угадываемое в фортепианной фактуре песни.

За основу «Плясовой» взята песня «Можно, можно догадаться» из сборника «35 песен русского народа» 1897 года издания [15, с. 142]. Изображение народных щипковых инструментов приводит к тому, что вся пьеса целиком исполняется полной группой струнных *pizzicato*. Композитор нередко прибегает к подобному приему звукоизвлечения у струнных инструментов при воплощении жанровой музыки. Так, например, в инструментовке «Серенады» А. Г. Рубинштейна используется такой же способ подражания щипковым

инструментам (в данном случае, возможно, мандолине или гитаре) [16, с. 138].

Возвращаясь к «Плясовой», интересно отметить, что композитор немного изменяет мелодический контур песни при исполнении струнными инструментами, возможно, по причине быстрого затухания струны при исполнении шестнадцатых на *pizzicato*. Аутентичный вариант мелодии появляется только во втором проведении, при исполнении этого мотива флейтой. Обратим внимание на тонкую иронию в корреляции названия песни и факта изменения мелодии оригинала: при единственном таком прецеденте в цикле, песня называется «Можно, можно догадаться».

Финальная часть – «Хороводная» – представляет собой общую кульминацию цикла и является, наряду с «Былиной о птицах», наиболее развернутой по форме. Пьеса создана на основе народной песни «Во лугах» из сборника «50 песен русского народа» [15, с. 255]. Композитор сохраняет структуру мотива, заложенную в фортепианной версии фактуры: тема представляет собой два контрастных по динамике и изложению интонационных комплекса. Первый из них более устойчивого и даже призывного характера, а второй – легкий и подвижный. В фортепианной версии отсутствует стаккатное движение, тогда как в оркестровой транскрипции подчеркивается образный контраст, в том числе, и с помощью штрихов. Такой тип изложения мелодического материала может объясняться традиционной народной практикой вождения хороводов: «антифонная» форма кругового хоровода предполагает диалог двух рядов участников хоровода, в данном случае, возможно, мужского и женского. В инструментовке подчеркнуто различие этих двух начал: массивное аккордовое туттийное изложение первого раздела темы противопоставляется легкому стаккатному ансамблевому звучанию второго элемента с вкраплениями полифонических элементов. В этом номере также возникают колористические звукоизобразительные элементы: снова появляется струнные, исполняющие *pizzicato*, в подражание звучанию народных инструментов.

В репризе характер двух элементов темы сближается, поскольку оба они звучат в туттийной оркестровке, а ритмический рисунок второго компонента мелодии упрощается. Момент сближения этих мотивов прослеживался еще в шестой цифре, но там, наоборот, первый мотив становился похожим на второй за счет более легкой стаккатной фактуры. Возможно, нивелируя различие этих мотивов, А. К. Лядов хотел показать соединение двух рядов танцоров в едином хороводном движении.

Выводы

В цикле «Восемь народных песен» Лядову удалось создать в миниатюре целую антологию духовной жизни русского народа: это и религиозное мироощущение («Духовный стих»), и связь

с древними заклинательными обрядами («Былина о птицах»), и тихая картинка семейного быта («Колыбельная»), и яркая зарисовка народного праздника («Хороводная»), и многие другие аспекты повседневной жизни. Тонкая дифференциация оркестровой фактуры и внимание к мельчайшим деталям инструментовки делает это произведение одним из наиболее интересных с точки зрения изучения особенностей оркестрового письма композитора.

Подводя итог, можно отметить, что при работе над оркестровым воплощением обработок народных песен, А. К. Лядов использует различные подходы. Это может быть точное следование фортепианной фактуре, которая лишь немного раскрашивается оркестром; внесение значительных изменений, связанных с добавлением колористических и звукоизобразительных деталей, часто заложенных в тексте песни; кардинальная переработка фортепианного изложения, связанная с внутренней композиционной логикой развертывания пьесы. В этом цикле большую роль играет использование приемов звукоизобразительности, которое проявляется, с одной стороны, как средство передачи сюжетного плана песни, а с другой – с целью подражания звучанию народных инструментов. Работа композитора над партитурой связана с четкой продуманностью чередования и соединения оркестровых пластов, соотношения инструментальных групп, тонкой проработкой темброво-фактурных элементов музыкальной ткани. Такой творческий подход к первоисточнику позволил композитору создать яркое и самобытное произведение, каждая часть которого представляет собой оригинальное и самодостаточное явление в плане оркестровки.

Литература

1. Лядов Анатолий Константинович / А. К. Лядов. – СПб. : Композитор, 2005. – 168 с.
2. Непознанный, А. К. Лядов : сборник статей и материалов / А. К. Непознанный ; сост. Т. А. Зайцева. – Челябинск : МРП, 2009. – 400 с.
3. Михайлов, М. К. А. К. Лядов. Очерк жизни и творчества / М. К. Михайлов. – Л. : Музыка, 1985. – 208 с.
4. Запорожец, Н. В. А. К. Лядов. Жизнь и творчество / Н. В. Запорожец – М. : Музгиз, 1954. – 216 с.
5. Корсакевич, О. А. Книга о Лядове: воспоминания и критические работы двоюродной сестры композитора А. К. Лядова, с приложением писем, документов и других материалов / О. А. Корсакевич ; сост. И. О. Прохоров и О. В. Соловьева. – М. : Композитор, 2017. – 162 с.
6. Ендуткина, О. Ф. Жанр музыкальной картины в симфоническом творчестве русских композиторов второй половины XIX – начала XX веков : дис. ... канд. искусствоведения / О. Ф. Ендуткина. – Новосибирск, 2004. – 181 с.
7. Казунина, А. С. Автографы А. К. Лядова в Хоугтонской библиотеке (СПА) / А. С. Казунина // Университетский научный журнал. – 2016. – № 21. – С. 148–160.
8. Пчелинцев, А. В. Великий миниатюрист: народная песня и отражение ее генетических истоков в обработках А. К. Лядова / А. В. Пчелинцев // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2020. – № 38. – С. 201–206.
9. Аксенова, А. В. Художественная интерпретация духовного стиха в произведениях русских композиторов XIX – первого десятилетия XX в. Музыка в современном мире: наука, педагогика, исполнительство / А. В. Аксенова // Сборник статей по материалам XVII Международной научно-практической конференции. – Тамбов, 2021.
10. Майорова, А. С. А. К. Лядов и А. Г. Рубинштейн: к истории творческих отношений / А. С. Майорова // Musicus: Вестник Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. – 2013. – № 3 (35). – С. 3–8.
11. Банщиков, Г. И. Законы функциональной инструментовки : учебное пособие / Г. И. Банщиков. – СПб. : Композитор, 1999. – 240 с.
12. Веприк, А. М. Трактровка инструментов оркестра / А. М. Веприк. – М. : Музгиз, 1961. – 303 с.
13. Adler, S. H. The Study of Orchestration. – New-York ; London : W.W. Norton 3-rd edition, 2002. – P. 864.
14. Фортунатов, Ю. А. Лекции по истории оркестровых стилей / Ю. А. Фортунатов ; сост., расшифровка текста лекций, примеч. Е. И. Гординой. – М. : Московская консерватория, 2009. – 384 с.
15. Лядов, А. К. Песни русского народа в обработке для одного голоса и фортепьяно / А. К. Лядов. – М. : Государственное музыкальное издательство, 1959. – 384 с.
16. Зайцева, В. В. Особенности оркестрового письма А. К. Лядова: процесс работы композитора над партитурой / В. В. Зайцева // Научно-аналитический журнал Дом Бурганова. Пространство культуры. – 2013. – № 2. – С. 124–142.

Зайцева Вера Васильевна – кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры инструментовки и чтения партитур, Военный институт (военных дирижеров), Военный университет имени князя Александра Невского (Москва), e-mail: ducverz@mail.ru. ORCID 0009-0001-8987-1640

Поступила в редакцию 26 февраля 2025 г.

EIGHT RUSSIAN FOLK SONGS BY A. K. LYADOV: FEATURES OF ORCHESTRATION

V. V. Zaytseva

Prince Alexander Nevsky Military University, Moscow, Russian Federation

The article analyzes A. K. Lyadov's orchestral cycle *Eight Russian Folk Songs* to reveal the composer's orchestral writing techniques that help him create the unique sound of the orchestra. The numbers of the cycle will be compared to the symphonic version and the version presented by the composer in the vocal and piano adaptations of Russian folk songs, which contributes to a better understanding of A. K. Lyadov's orchestral writing style. This method of analyzing the musical material allowed identifying several approaches to the instrumentalization of songs in the collections. In some cases, the composer accurately follows the imposing ideas from the voice-and-piano version. In others, he adds orchestral elements to enhance the imagery. In the remaining versions, he significantly reinterprets the structure and texture of the song.

The study into the details of the orchestral nature, the ratio of instrumental groups, the use of strokes and various sound production techniques allowed concluding on the characteristic features of the composer's work on the music score. They include the precision of alternating and connecting instrumental layers; the use of tone painting techniques to convey both the narrative of the text and imitate folk instruments; as well as the careful reasoning of all texture and timbre components. The combination of these components allowed A. K. Lyadov to create a piece of music, in which each part has a unique color and contributes to the overall orchestral atmosphere.

Keywords: A. K. Lyadov, orchestral music, instrumentation, orchestration, folk songs.

References

1. Lyadov Anatoliy Konstantinovich [Lyadov Anatoly Konstantinovich]. Saint Petersburg: Composer, 2005. 168 p.
2. Nepoznannyy A.K. Lyadov [Unidentified A. K. Lyadov: Collection of Articles and Materials]: sbornik statey i materialov; sost. T.A. Zaytseva. Chelyabinsk: MPI, 2009. 400 p.
3. Mikhaylov M.K. A. K. Lyadov. Ocherk zhizni i tvorchestva [A.K. Lyadov. An Essay on Life and Creativity]. Leningrad: Music, 1985. 208 p.
4. Zaporozhets N.V. A.K. Lyadov. Zhizn' i tvorchestvo [A.K. Lyadov. Life and Creativity]. Moscow: Muzgiz, 1954. 216 p.
5. Korsakevich O.A. Kniga o Lyadove: vospominaniya i kriticheskie raboty dvoyurodnoy sestry kompozitora A.K. Lyadova, s prilozheniem pisem, dokumentov i drugikh materialov [The Book about Lyadov: Memoirs and Critical Works of the Cousin of the Composer A. K. Lyadov, with the Attachment of Letters, Documents and Other Materials]; sost. I.O. Prokhorov i O.V. Solov'eva. Moscow: Komposer, 2017. 162 p.
6. Endutkina O.F. Zhanr muzykal'noy kartiny v simfonicheskom tvorchestve russkikh kompozitorov vtoroy poloviny XIX – nachala XX vekov [The Genre of Musical Painting in the Symphonic Works of Russian Composers of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]: dis. ... kand. iskusstvovedeniya. Novosibirsk, 2004. 181 p.
7. Kazunina A.S. Avtografy A.K. Lyadova v Khoughtonskoy biblioteke (SShA) [Autographs of A.K. Lyadov in the Houghton Library (USA)] // *Universitetskiy nauchnyy zhurnal*. 2016. № 21. P. 148–160.
8. Pchelintsev A.V. Velikiy miniaturist: narodnaya pesnya i otrazhenie ee geneticheskikh istokov v obrabotkakh A.K. Lyadova [The Great Miniaturist: a Folk Song and a Reflection of its Genetic Origins in A.K. Lyadov's Treatments] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*. 2020. № 38. P. 201–206.
9. Aksenova A.V. Khudozhestvennaya interpretatsiya dukhovnogo stikha v proizvedeniyakh russkikh kompozitorov XIX – pervogo desyatiletiya XX v. Muzyka v sovremennom mire: nauka, pedagogika, ispolnitel'stvo [Artistic Interpretation of Spiritual Verse in the Works of Russian Composers of the XIX – First Decade of the XX Century. Music in the Modern World: Science, Pedagogy, Performance] // *Sbornik statey po materialam XVII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Tambov, 2021. P. 9–19.
10. Mayorova A.S. A.K. Lyadov i A.G. Rubinshteyn: k istorii tvorcheskikh otnosheniy [A.K. Lyadov and A.G. Rubinstein: Towards a History of Creative Relations] // *Musicus: Vestnik Sankt-Peterburgskoy gosudarstvennoy konservatorii im. N.A. Rimskogo-Korsakova*. 2013. № 3 (35). P. 3–8.

12. Bانشchikov G.I. Zakony funktsional'noy instrumentovki [Laws of Functional Instrumentation]: uchebnoe posobie. Saint Petersburg: Komposer, 1999. 240 p.
13. Veprik A.M. Traktovka instrumentov orkestra [Interpretation of Orchestral Instruments]. Moscow: Muzgiz, 1961. 303 p.
14. Adler S.H. The Study of Orchestration. New York; London: W.W. Norton 3rd edition, 2002. 864 p.
15. Fortunatov Y.A. Lektsii po istorii orkestrovnykh stiley [Lectures on the History of Orchestral Styles]; sost., rasshifrovka teksta lektsiy, primech. E.I. Gordinoy. Moscow: Moscow Conservatory, 2009. 384 p.
16. Lyadov A.K. Pesni russkogo naroda v obrabotke dlya odnogo golosa i fortep'yano [Songs of the Russian People Arranged for One Voice and Piano]. Moscow: State Music Publishing House, 1959. 384 p.
17. Zaytseva V.V. Osobennosti orkestrovogo pis'ma A.K. Lyadova: protsess raboty kompozitora nad partituroy [Features of Orchestral Writing by A.K. Lyadov: the Process of the Composer's Work on the Score] // *Nauchno-analiticheskiy zhurnal Dom Burganova. Prostranstvo kul'tury*. 2013. № 2. P. 124–142.

Vera V. Zaytseva – Cand. Sc. (Art History), Associate Professor, Professor of the Department of Instrumentation and Reading Scores, the Military Institute (of Military Conductors), Prince Alexander Nevsky Military University (Moscow), e-mail: ducverz@mail.ru

Received February 26, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Зайцева, В. В. «Восемь русских народных песен» А. К. Лядова: особенности оркестровки / В. В. Зайцева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 54–60. DOI: 10.14529/ssh250406

FOR CITATION

Zaytseva V.V. *Eight Russian Folk Songs* by A.K. Lyadov: features of orchestration. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 54–60. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250406

СТРУННЫЕ КВАРТЕТЫ КОМПОЗИТОРОВ ЮЖНОГО УРАЛА В СВЕТЕ НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ЖАНРА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МУЗЫКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Н. Л. Соколова

*Магнитогорская государственная консерватория (академия) имени М. И. Глинки,
г. Магнитогорск, Российская Федерация*

В статье впервые рассматривается квартетное творчество композиторов Южного Урала в свете тенденций, характерных для развития жанра смычкового квартета в отечественной музыке второй половины XX столетия. Автор изучает особенности претворения в сочинениях для двух скрипок, альты и виолончели фольклорного начала, специфику привлечения вербального компонента, а также определяет ведущие средства художественной выразительности, способствующие воплощению авторских концепций. Так, народно-песенные интонации составили основу тематизма квартетных циклов Е. Г. Гудкова и М. Д. Смирнова. Введение в инструментальный ансамбль «слова автора» в виде программных названий сочинений, в общих чертах раскрывающих их основную суть, а также развернутых пояснений художественной концепции опуса и способов ее сценического воплощения, стало характерной приметой квартетных сочинений А. Д. Кривошея и Т. Ю. Шкербиной. Вместе с тем каждый из квартетов Т. Ю. Шкербиной – пример индивидуальной авторской идеи и средств ее реализации, где осуществляются поиски специфической квартетной фоносферы, способной воплотить уникальный замысел композитора.

В результате автор статьи приходит к выводу, что квартетное творчество композиторов Южного Урала – ценный пласт отечественной музыки с многогранным образным миром, в котором, несмотря на оригинальность идей, поиски и эксперименты в области техник письма и инструментальных средств выразительности, сохраняется традиционная эстетическая трактовка жанра как сферы глубоко личных эмоций и философских размышлений современного художника, высказанных «от первого лица».

Ключевые слова: квартетное творчество, композиторы Южного Урала, струнный квартет, отечественная камерно-инструментальная музыка второй половины XX века.

Введение

Деятельность профессиональных композиторов на Южном Урале насчитывает чуть менее столетия и берет свое начало примерно в 1940-х годах. За недолгий по меркам мировой музыкальной истории срок было создано множество произведений: от крупномасштабных хоровых и симфонических полотен до камерно-инструментальных опусов и миниатюр для разнообразных составов исполнителей. В этой многоликой жанровой панораме струнный (смычковый) квартет занимает хотя и скромное, но художественно значимое место. Однако судьба квартетного творчества композиторов Южного Урала отмечена немногочисленными исполнениями некоторых произведений, а большинство партитур находятся в рукописях, ожидая своего издателя и слушателя.

Актуальность изучения квартетного наследия композиторов Южного Урала обусловлена необходимостью его популяризации среди современного профессионального музыкально-исполнительского и педагогического сообщества как на региональном, так и на общероссийском уровне.

Объектом исследования является квартетное творчество композиторов Южного Урала. Предмет – особенности претворения в струнных квартетах южноуральских композиторов некоторых тенденций, характерных для эволюции жанра

в отечественной музыке второй половины XX века. Цель статьи – представить квартетное творчество композиторов Южного Урала как самобытную, неотъемлемую и художественно значимую часть отечественной камерно-инструментальной музыки второй половины XX столетия, заслуживающую внимания современных исполнителей и слушателей.

В связи с этим были поставлены задачи проанализировать сочинения для двух скрипок, альты и виолончели Е. Г. Гудкова, М. Д. Смирнова, А. Д. Кривошея и Т. Ю. Шкербиной, выявить особенности претворения в них фольклорного начала и привлечения вербального компонента, а также определить ведущие средства художественной выразительности, способствующие воплощению авторских концепций.

Обзор литературы

Проблемы развития отечественной камерно-инструментальной музыки в XX столетии постоянно находятся в поле внимания современных исследователей. Как отмечает Е. Б. Долинская, «интерес к камерности, как ведущей тенденции развития многих жанров, стал особенно заметен в последнюю треть XX века. Само усиление феномена камерности было своеобразной реакцией на масштабность идей и форм советской культуры предшествующих десятилетий» [1, с. 71]. Этот тезис

подтверждает другой крупный ученый-музыковед – Л. Д. Никитина, – которая пишет, что «три десятилетия отечественной музыки, завершившие XX столетие, обнаружили постоянный интерес к камерным жанрам, которые становились “ареной борьбы” различных стилевых традиций, средоточием экспериментов в области музыкальных средств и, как это всегда было присуще жанру, выявляли тонкие нюансы психологического и лирического мира их авторов» [1, с. 139].

Вместе с тем одной из ярчайших тенденций в камерно-инструментальной музыке 1960–1970-х годов были названы «фольклорные искания», что нашло подтверждение в коллективном труде под руководством Т. Н. Левоу [2]. О «повороте к слову» в виде многочисленных названий и программности как общей направленности преобразовательных процессов, присущих большинству камерно-инструментальных жанров в последнюю треть XX столетия, пишет В. Н. Холопова [3]. При этом она отмечает, что струнный квартет «из всех музыкальных жанров, доживших до XX века, оказался в наибольшей степени традиционным» [4, с. 128].

Окончание эпохи «советской» музыки и своего рода «переориентирование» научного взгляда на происходящее, прежде всего, в музыкальной культуре Российской Федерации, привели к активизации исследовательского внимания к творчеству композиторов различных регионов нашей новой страны. Так, начиная с 1990-х годов, появился целый ряд работ, изучающих национальные истоки и стилевые особенности академической музыки, созданной далеко за пределами столичных центров России, в том числе на Урале [5–8]. В связи с этим пристального внимания заслуживают изыскания Т. М. Синецкой – ученого и музыковеда, заместителя председателя Челябинского отделения Союза композиторов России – о проблемах становления и развития профессионального музыкального искусства на Южном Урале, а также о творчестве композиторов Челябинской области [9, 10]. Однако до сих пор не существует специальных трудов, посвященных сочинениям региональных авторов для смычкового квартета – одного из самых сложных и востребованных камерно-инструментальных жанров у крупнейших отечественных композиторов второй половины XX века.

Методы исследования

В работе используются историко-стилевой подход и метод сравнения, призванные в комплексе решить поставленные задачи.

Результаты и дискуссия

Богатство и разнообразие музыкального искусства современной России сложно представить без творчества композиторов Южного Урала, поскольку «сохранение культурных ценностей в регионах влияет на развитие отечественной музыкальной культуры в целом и имеет немаловажное

значение в профессиональной деятельности регионального сообщества музыкантов, – композиторов, теоретиков, исполнителей, педагогов» [9, с. 3].

Практически все южноуральские композиторы в разные периоды своего творчества обращались к струнному квартету, демонстрируя устойчивый интерес к одному из самых сложных жанров музыкального искусства. Их перу принадлежат как многочастные циклы, так и небольшие пьесы для двух скрипок, альты и виолончели с оригинальными образно-художественными концепциями, где средствами современного языка найдено воплощение традиционной для отечественной музыки второй половины XX века трактовка смычкового квартета как глубоко личного высказывания «от первого лица».

Среди квартетных сочинений композиторов Южного Урала особое место занимают опусы, где нашло отражение фольклорное начало. В их числе Струнный квартет (1962) Е. Г. Гудкова – представителя поколения так называемых «шестидесятников», и Третий струнный квартет (1985) М. Д. Смирнова, чье имя тесно связано со становлением Челябинской композиторской организации. Их тяготение к фольклорной традиции было обусловлено рядом причин. Во-первых, устремление к народным истокам созвучно творческим дарованиям этих художников. Коллеги Е. Г. Гудкова писали о нем: «Нет ни одного музыканта на Южном Урале, кто бы не слышал его наполненных родниковой чистотой произведений. <...> Его музыка – мелодичный символ края» [цит. по: 11, с. 89]. В свою очередь, народно-песенные интонации составили основу тематизма многих сочинений М. Д. Смирнова, наполнив их «множеством авторских смыслов, отражая те драматургические, содержательные, эмоциональные акценты, которые хочет подчеркнуть автор» [10, с. 80].

Во-вторых, воплощение фольклорной тематики в классическом камерно-инструментальном жанре имеет в отечественной музыке давние традиции. Зародившись еще в XIX веке в квартетном творчестве Н. Я. Афанасьева, П. И. Чайковского и А. П. Бородина, она нашла продолжение в XX столетии, особенно проявив себя в его второй половине в сочинениях Р. С. Леденева, С. М. Слонимского и Ю. А. Фалика.

Так, в трехчастном квартетном цикле челябинского композитора Е. Г. Гудкова фольклорные элементы особенно отчетливо проявились в финале, музыка которого связана с народными песенными и танцевальными истоками. Если во вступлении *Lento* двутактовая тема с ее нисходящими секундами, опеваниями в диапазоне терции, нюансе *p* в исполнении солирующей виолончели напоминает плач-колыбельную, то в финальном *Allegro* этот мотив преобразуется в плясовую инструментальный наигрыш. Таким образом, посредством интонационно близких между собой тем автор

воплощает в музыке финала квартета два различных образа: глубоко личное лирическое высказывание и атмосферу народного праздника.

В свою очередь лаконичная двухчастная циклическая композиция квартета М. Д. Смирнова полностью основана на кратком, но чрезвычайно выразительном мотиве плача-причета – одной из ключевых интонаций в творчестве этого художника. Как отмечает А. В. Мугаллимова, «среди разнообразия интонационно причетных формул композитора привлекает нисходящая секунда как самостоятельная интонация и как составляющая других мелодических комплексов. В многообразных вариантах ее интонирования: тембровых, ритмических, фактурных, динамических – воплощаются богатейшие выразительные возможности этого интервала, множество оттенков чувствования, создающих объемный образ страдания, боли, горести и душевного надрыва» [8]. Многократное повторение мотива из чередующихся нисходящих секунд, проходящее сквозь весь квартет, выполняет роль своего рода мелодического паттерна, объединяющего сочинение в общее образно-смысловое поле. Этот композиционный прием использовался в минимализме – технике письма, распространенной в отечественной музыке в 1960–70-е годы XX века. Таким образом, М. Д. Смирнов в Третьем квартете по-своему переосмысливает глубинные фольклорные интонации и современными средствами музыкального письма «превращает фольклорный контекст в тематический элемент композиторского текста» [11, с. 20].

Вместе с тем, использование отдельного мотива в качестве тематической основы всей композиции, наряду с усилением в ансамбле роли инструментальных диалогов и устремлением к остро выраженному драматизму образного строя смычкового ансамбля, перекликается с квартетным стилем Д. Д. Шостаковича – одного из «законодателей» развития жанра во второй половине прошлого столетия. И это не случайно. Во-первых, влияние гения испытывали многие музыканты различных поколений и стилевых ориентиров. Как писал А. Г. Шнитке, «можно назвать десятки композиторов, чья индивидуальность формировалась под гипнотическим воздействием личности Шостаковича...» [12, с. 225]. Во-вторых, по признанию М. Д. Смирнова, он восхищался музыкой Д. Д. Шостаковича, смело высказываясь о гениальном современнике: «Ведь берет тему – тьфу, взять и выплюнуть! Но как он ее развивает! Он чувствовал развитие как никто!» [10, с. 75].

Еще одной чертой, характерной для развития квартетного жанра во второй половине XX века и оказавшейся близкой южноуральским композиторам, стало привлечение в инструментальный ансамбль вербального компонента в виде «слова» автора, адресованного исполнителям и слушателям. С одной стороны, это выражено в названиях сочинений, в общих чертах раскрывающих их образную

суть. К примеру, «Попевки» Р. С. Леденева, «Лебединая песня» В. А. Екимовского или Струнный квартет «Concordia discordans» А. Я. Эшпая. С другой – авторы сопровождают свои смычковые ансамбли развернутыми пояснениями, касающимися художественной концепции опуса, а также способов его сценического воплощения. К таковым, к примеру, относятся «Антифоны» С. М. Слонимского, Первый и Четвертый квартеты С. А. Губайдулиной.

Ярким образцом программной миниатюры для смычкового ансамбля южноуральского автора предстают «Прощание с Тбилиси» (1993) и «Прогулка с Моцартом по Праге» (1995) А. Д. Кривошея – челябинского композитора разностороннего творческого дарования. Исходя из названий пьес, их образный мир связан с личными переживаниями художника о происходящих в его жизни событиях. Как пишет композитор, «“Прощание с Тбилиси” – это своеобразная эпитафия тому лучшему, что было в СССР. Подобно тому, как слова могут лишь конкретизировать чувственное состояние человека, так и музыка конкретизирует общее настроение, переданное комплексом различных средств мелодической выразительности. Простота становится таким типом фонической линии, которая значительно полно и глубоко передает общее настроение музыкального образа» [13]. Ностальгическую окраску пьесе придают сдержанный темп и превалирование тихих нюансов *p* и *pp*, звучание ансамбля *con sordino*, лаконичные фразы, постоянно прерываемые ферматами, а также угасающая кода.

В свою очередь «Прогулка с Моцартом по Праге» – это лаконичная композиция лирического плана, на страницах которой собственные впечатления автора от посещения одной из красивейших европейских столиц переплелись с воображаемыми эмоциями. В результате появился своего рода стилиевой микст, где органично сошлись «возвышенное и бытовое, смешное и серьезное, лирическое и буффонное» [10, с. 171]. Чередование разнохарактерных тем и частая смена лада, контраст темпов, нюансов и штрихов, а также многообразие артикуляционных оттенков создают впечатление свободной импровизации, возникающей в процессе своего рода вневременного общения музыкантов разных эпох, особенно способствуя воплощению авторской программы сочинения.

Весьма оригинальными образцами квартетного жанра, принадлежащими перу композитора Южного Урала, стали циклы для двух скрипок, альты и виолончели Т. Ю. Шкербиной – ныне действующего председателя Челябинского отделения Союза композиторов России, чей творческий облик отличается «четкими художественными критериями, интересными нетривиальными идеями, открытостью новым знаниям» [10, с. 202]. Именно эти черты нашли отражение в ее двух струнных квартетах, написанных в 1991 и 1996 годах и объединенных общим подходом к жанру как сфере

поисков и экспериментов на основе глубоких традиций и лучших достижений отечественного музыкального искусства прошлого и современности.

Каждый из квартетов Т. Ю. Шкербиной – уникальный пример индивидуальной авторской концепции и способов ее реализации, где в зоне поисков и экспериментов композитора оказывается звучание классического смычкового ансамбля. В основе Первого квартета лежит философско-поэтическая идея «“Из пустоши – в жизнь, от вакуума – к цветению” <...>. В неясных звуковых мутациях квартета прослеживается скрытая гармония, возвращается, выпрямляется, пускает ростки, пустота наполняется и медленно зацветает, расцветает, становится живой» [10, с. 207]. С помощью условно регламентированного метра и переменного размера, постоянных смещений интонаций и мотивов, чередования четырехголосного звучания квартета с импровизационными эпизодами солирующих инструментов композитор достигает специфических сонорных эффектов, воплощающих процесс рождения и жизни звука во времени и пространстве.

Поиски специфической квартетной фоносферы для реализации оригинальной авторской идеи продолжились во Втором квартете, который носит символическое название «In...» и сопровождается следующей пояснительной заметкой автора: «Квартет воссоздаст внутреннее состояние человека в момент предельной точки – на грани реального и ирреального, осознаваемого и бессознательного, жизни и смерти – и постепенного, вначале едва уловимого, проходящего через время и пространство возвращения к себе, возвращения души в тело» [14]. Опус написан посредством микрохроматики – техники письма с использованием четвертитонового интонирования. Впервые в отечественной истории жанра подобный пример был связан с появлением в 1962 году «Антифонов» С. М. Слонимского. Именно смычковые инструменты с их нетемперированным строем оказались «наиболее чутко реагирующими на микроскопические (четвертитоновые) изменения звуков – движения души, их едва прослушиваемый, мерцающий, подобный истонченным токам жизни, характер» [14].

В своих квартетах Т. Ю. Шкербина мастерски задействует практически весь арсенал средств и способов звукоизвлечения на струнно-смычковых инструментах. В него вошли как традиционные, так и специфические приемы игры, которые составили своего рода индивидуальный авторский словарь каждого сочинения. В их числе четвертитоновые трели и глиссандо с отсутствующим начальным, либо конечным тоном и произвольным направлением движения, игра на подставке, за подставкой и на подгрифнике.

Стоит специально отметить, что концептуальное видение жанра и стремление к поискам новаций в условиях традиционного квартетного состава инструментов было присуще целому ряду крупней-

ших отечественных творцов последней трети XX – начала XXI столетия. В их числе С. А. Губайдулина, которая однажды призналась: «Квартет – это жанр, позволяющий композитору погрузиться в проблемы наиболее серьезные и тонкие. Нужно, следовательно, принять на себя полную личную ответственность, приступая к столь эзотерическому делу», добавив: «Существует некий тип “резервной” музыки, в которой интеллектуальные и духовные устремления композитора концентрируются максимально. Это струнный квартет...» [4, с. 88].

Выводы

Квартетное творчество композиторов Южного Урала – это самобытный и художественно ценный пласт отечественной камерно-инструментальной музыки. Как в свое время справедливо заметил Адик Абдурахманов, заслуженный артист России, дирижер и основатель Симфонического оркестра Челябинской области, «у каждого из композиторов Челябинска есть индивидуальность, в каждом – своя красота, своя тема...» [13]. Несмотря на многогранность образного мира, оригинальность идей, поиски и эксперименты в области техник письма и инструментальных средств выразительности, струнные квартеты южноуральских авторов демонстрируют приверженность к сохранению традиционной эстетики жанра как сферы воплощения глубоко личных эмоций и философских размышлений современного художника, высказанных «от первого лица». Эти сочинения достойны счастливой сценической жизни на концертных площадках не только нашего региона, но и всей России, их необходимо вводить в педагогическую практику квартетных классов творческих образовательных учреждений Челябинской области, что заметно расширит профессиональное мировоззрение молодых музыкантов и обогатит их исполнительский репертуар.

Литература

1. История современной отечественной музыки : учебное пособие. Вып. 3 / ред.-сост. Е. Долинская. – М. : Музыка, 2001. – 656 с.
2. История отечественной музыки второй половины XX века : учебник / отв. ред. Т. Н. Левая. – СПб. : Композитор, 2010. – 556 с.
3. Холопова, В. Н. Российская академическая музыка последней трети XX – начала XXI веков (жанры и стили) / В. Н. Холопова. – М., 2015. – 227 с.
4. Холопова, В. Н. София Губайдулина : монография / В. Н. Холопова. – М. : Композитор, 2020. – 444 с.
5. Хавторин, Б. П. Музыкальная культура Оренбурга XX столетия / Б. П. Хавторин. – Оренбург : Оренбургское книжное издательство, 1999. – 440 с.
6. Лебедь, Е. А. Традиции отечественного фольклора и классического музыкального искусства как источник творчества композитора Анато-

лия Кривошея / Е. А. Лебедь // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2020. – Т. 20. – № 2. – С. 113–116.

7. Кадесникова, Т. Ю. Роль фортепиано в камерно-инструментальной ансамблевой музыке Уральских композиторов : автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Т. Ю. Кадесникова. – Екатеринбург, 2021. – 22 с.

8. Мугалимова, А. В. Струнный квартет М. Смирнова в контексте образных исканий отечественной камерной музыки XIX–XX веков / А. В. Мугалимова // Вестник Чувашского университета. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strunnyy-kvartet-m-smirnova-v-kontekste-obraznyh-iskaniy-otechestvennoy-kamernoy-muzyki-xix-xx-vekov/viewer> (дата обращения 30.04.2025).

9. Синецкая, Т. М. Творчество композиторов Южного Урала в социокультурном пространстве региона / Т. М. Синецкая // Челябинский гуманитарий. – 2021. – № 2 (55). – С. 7–16.

10. Синецкая, Т. М. Творчество композиторов

Южного Урала второй половины XX века : монографическое исследование / Т. М. Синецкая. – Челябинск, 2021. – 288 с.

11. Земцовский, И. И. Фольклор и композитор. Теоретические этюды / И. И. Земцовский. – Л. ; М., 1978. – 176 с.

12. Д. Шостакович : статьи и материалы / сост. и ред. Г. М. Шнеерсон. – М. : Советский композитор, 1976. – 335 с.

13. Камерная музыка челябинских композиторов: для фортепиано, флейты, трубы, арфы, голоса и струнного квартета : для студентов и преподавателей высших музыкальных учебных заведений / Т. Ю. Шкербина ; сост. А. Д. Кривошей и др. ; вступ. статья Т. Ю. Шкербиной ; ред. Т. Ю. Шкербина. – Челябинск : Челябинский государственный институт культуры, 2020. – 95 с. – URL: <https://www.unioncomposers.ru/public/upload/1/ac4158b3de-skerbinakamerna-muzyka2020maket.pdf> (дата обращения: 12.05.2025).

14. Шкербина, Т. Квартет № 2 «In...» [Ноты] : в 2 ч. / Т. Шкербина. – Челябинск, 2014. – 52 с.

Соколова Наталья Леонидовна – кандидат искусствоведения, профессор, профессор кафедры оркестровых струнных инструментов, Магнитогорская государственная консерватория имени М. И. Глинки (Магнитогорск), e-mail: natnet2008@mail.ru. ORCID 0000-0001-9391-4474

Поступила в редакцию 3 сентября 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh250407

STRING QUARTETS BY COMPOSERS OF THE SOUTHERN URALS IN THE LIGHT OF SOME TENDENCIES OF GENRE DEVELOPMENT IN RUSSIAN MUSIC OF THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

N. L. Sokolova

Magnitogorsk State Conservatory (Academy), Magnitogorsk, Russian Federation

The article for the first time examines the quartet work of composers of the South Urals in the light of the trends characteristic of the development of the bow quartet genre in Russian music of the second half of the XX century. The author studies the features of the implementation of folklore principles in compositions for two violins, viola and cello, the specifics of attracting a verbal component, and also identifies the leading means of artistic expressiveness that contribute to the embodiment of author's concepts. Thus, folk song intonations formed the basis of the thematism of quartet cycles by E. G. Gudkov and M. D. Smimov. The introduction to the instrumental ensemble of the "words of the author" in the form of programmatic titles of works, in general terms revealing their figurative essence, as well as detailed explanations of the artistic concept of the opus and methods of its stage implementation, has become a characteristic feature of the quartet works of A. D. Krivoshey and T. Y. Shkerbina. At the same time, each of the quartets of T. Y. Shkerbina is an example of an individual author's idea and means of its implementation, where the search for a specific quartet phonosphere capable of embodying the composer's unique plan is carried out.

As a result, the author of the article comes to the conclusion that the quartet work of composers of the South Urals is a valuable layer of Russian music with a multifaceted figurative world, in which, despite the originality of ideas, searches and experiments in the field of writing techniques and instrumental means of expression, the traditional aesthetic interpretation of the genre is preserved as a sphere of deeply personal emotions and philosophical reflections of a modern artist expressed "in the first person".

Keywords: quartet creativity, composers of the Southern Urals, string quartet, domestic chamber-instrumental music of the second half of the XX century.

References

1. Istoriya sovremennoy otechestvennoy muzyki [History of Modern Russian Music]: uchebnoe posobie. Vyp. 3 / red.-sost. E. Dolinskaya. Moscow: Music. 2001. 656 p.
2. Istoriya otechestvennoy muzyki vtoroy poloviny XX veka [History of Russian Music of the Second Half of the XX century]: uchebnyk / otv. red. T.N. Levaya. Saint Petersburg: Composer, 2010. 556 p.
3. Kholopova V.N. Rossiyskaya akademicheskaya muzyka posledney treti XX – nachala XXI vekov (zhanry i stili) [Russian Academic Music of the Last Third of the XX – Early XXI centuries]. Moscow, 2015. 226 p.
4. Kholopova V.N. Sofiya Gubaydulina [Sofia Gubaidulina]: monografiya. Moscow: Composer, 2020. 444 p.
5. Khavtorin B.P. Muzykal'naya kul'tura Orenburga XX stoletiya [Musical Culture of Orenburg of the XX Century]. Orenburg: Orenburg Book Publishing House, 1999. 440 p.
6. Lebed' E.A. Traditsii otechestvennogo fol'klora i klassicheskogo muzykal'nogo iskusstva kak istochnik tvorchestva kompozitora Anatoliya Krivosheya [Traditions of Domestic Folklore and Classical Music art as a Source of Composer Anatoly Krivoshey's Work] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki»*. 2020. T. 20, № 2. P. 113–116.
7. Kadesnikova T.Y. Rol' fortepiano v kamerno-instrumental'noy ansamblevoy muzyke Ural'skikh kompozitorov [The Role of the Piano in Chamber-Instrumental Ensemble Music by Ural Composers]: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya. Ekaterinburg, 2021. 22 p.
8. Mugalimova A.V. Strunnyy kvartet M. Smirnova v kontekste obraznykh iskaniiy otechestvennoy kamernoy muzyki XIX–XX vekov [String Quartet by M. Smirnov in the Context of Imaginative Quest of Russian Chamber Music of the XIX–XX Centuries] // *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strunnyy-kvartet-m-smirnova-v-kontekste-obraznykh-iskaniy-otechestvennoy-kamernoy-muzyki-xix-xx-vekov/viewer> (date of accessed: 30.04.2025).
9. Sinetskaya T.M. Tvorchestvo kompozitorov Yuzhnogo Urala v sotsiokul'turnom prostranstve regiona [Creativity of Composers of the South Urals in the Socio-Cultural Space of the region] // *Chelyabinskiy gumanitarniy*. 2021. № 2 (55). P. 7–16.
10. Sinetskaya T.M. Tvorchestvo kompozitorov Yuzhnogo Urala vtoroy poloviny XX veka [Creativity of Composers of the Southern Urals of the Second Half of the XX century]: monograficheskoe issledovanie. Chelyabinsk, 2021. 288 p.
11. Zemtsovskiy I.I. Fol'klor i kompozitor. Teoreticheskie etyudy [Folklore and the Composer. Theoretical Etudes]. Leningrad; Moscow. 1978. 176 p.
12. D. Shostakovich: stat'i i materialy [D. Shostakovich: Articles and materials] / sost. i red. G.M. Shneerson. Moscow: Soviet composer, 1976. 335 p.
13. Kamernaya muzyka chelyabinskikh kompozitorov: dlya fortepiano, fleyty, truby, arfy, golosa i strunnogo kvarteta [Chamber Music by Chelyabinsk Composers: for Piano, Flute, Trumpet, Harp, Voice and String Quartet]: dlya studentov i prepodavateley vysshikh muzykal'nykh uchebnykh zavedeniy / T.Y. Shkerbina; sost. A.D. Krivoshey i dr.; vstup. stat'ya T.Y. Shkerbinoy; red. T.Y. Shkerbina. Chelyabinsk: CSIC, 2020. 95 p. URL: <https://www.unioncomposers.ru/public/upload/1/ac4158b3de-skerbinakamernaa-muzyka2020maket.pdf> (date of accessed: 12.05.2025).
14. Shkerbina T. Kvartet № 2 «In...» [Quartet No.2] [Note]: v 2 ch. Chelyabinsk, 2014. 52 p.

Natalia L. Sokolova – Cand. Sc. (Art History), Professor, Professor of the Orchestral String Instruments Department, Magnitogorsk State M. I. Glinka Conservatory (Magnitogorsk), e-mail: natnet2008@mail.ru

Received September 3, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Соколова, Н. Л. Струнные квартеты композиторов Южного Урала в свете некоторых тенденций развития жанра в отечественной музыке второй половины XX века / Н. Л. Соколова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 61–66. DOI: 10.14529/ssh250407

FOR CITATION

Sokolova N. L. String quartets by composers of the Southern Urals in the light of some tendencies of genre development in Russian music. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 61–66. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250407

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КОРПОРАТИВНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ: МУЛЬТИМЕДИА, КРОСС-МЕДИА И ТРАНСМЕДИА

М. В. Евсеев

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье рассмотрены особенности развития корпоративных коммуникаций в сетевом обществе и проведен сравнительный анализ сущности и подходов к организации медиапроизводства (мультимедиа, кросс-медиа и трансмедиа). Сравнительный анализ проводился на базе пяти ключевых элементов коммуникации: 1) коммуникатор; 2) сообщение; 3) канал коммуникации; 4) реципиент; 5) цель коммуникаций. Также при проведении сравнения подходов к организации коммуникаций были применены идеи М. Мориса и К. Огана, которые классифицировали формы цифровой коммуникации на основании: 1) временного режима; 2) характера взаимодействия; направления инициативы в коммуникации. Исследование проводилось на базе выборки медиатекстов (553 ед.) и системного подхода к изучению организации системы корпоративных коммуникаций двух промышленных корпораций, ведущих свою деятельность в Уральском федеральном округе. Полученные результаты позволили систематизировать существующие различия и уточнить границы между мультимедийным, кросс-медийным и трансмедийным подходами к организации медиапроизводства в корпоративных коммуникациях в условиях сетевого общества. Также определено, что наиболее актуальным способом организации медиапроизводства в рамках системы коммуникаций промышленных компаний на сегодняшний день является именно кросс-медийный подход.

Ключевые слова: корпоративные коммуникации, сетевое общество, мультимедиа, кросс-медиа, трансмедиа, организация медиапроизводства.

Введение

В условиях цифровой трансформации, роста числа каналов коммуникации и пересмотра привычной роли существующих медиаплатформ меняются и подходы к организации системы корпоративных коммуникаций, возникают новые медиастратегии.

Динамично развивающееся сетевое общество ставит перед корпорациями новые вызовы: адаптивность к постоянно меняющимся условиям, необходимость создания гибкой, многоуровневой медиасистемы, способной не просто быть источником информации, но и выстраивать с аудиторией долгосрочные, доверительные взаимоотношения, основанные на вовлеченности и регулярном взаимодействии. Так, согласно отчету Edelman Trust Barometer 2024, 81 % потребителей ожидают от брендов не только высокого качества продуктов, но и активного участия в общественном дискурсе через прозрачные и содержательные коммуникации [1]. В дополнение к этому в рамках исследования The Future of Corporate Communications, проводимого в 2023 году, выяснилось, что 68 % опрошенных компаний определяют переход к кросс- и трансмедийным стратегиям как приоритет на ближайшие годы [2].

Все это говорит о том, что современные компании уделяют все большее внимание работе по формированию и развитию корпоративных коммуникаций, вопросам их стратегии и структуры

организации. Команды, вовлеченные в создание корпоративных медиасистем, адаптируются к изменениям как самих каналов коммуникации, так и их функций – традиционные медиаплатформы с устойчивыми ролями (например, официальный сайт как основной и достаточный источник информации) уходят в прошлое, система дистрибуции контента усложняется, увеличивается количество каналов коммуникации, характер взаимодействия и направление инициативы внутри них. Однако в настоящее время отсутствует единый подход к рассмотрению сущности и специфики мультимедиа, кросс-медиа и трансмедиа как современных способов медиапроизводства. В связи с этим актуализируется задача упорядочивания терминологической базы и сравнительного анализа специфики их элементов, выявления сходства и различий. Целью данной работы является рассмотрение сущности и особенностей подходов к организации корпоративных коммуникаций в условиях сетевого общества (мультимедиа, кросс-медиа и трансмедиа).

Обзор литературы

Современный контекст взаимодействия медиа и общества, актуальные паттерны медиапотребления и восприятия информации аудиторией, динамичное развитие медиасреды и цифровых технологий сделали коммуникации фундаментальной основой функционирования современного общества. Согласно определению М. Кастельса, «сетевое общество – это общество, чья социальная стру-

ктура состоит из сетей, сформированных и поддерживаемых с помощью информационных и коммуникационных технологий» [3]. В таком обществе коммуникации играют важнейшую роль: они создают и поддерживают сетевые структуры, которые заменяют прежние иерархические и индивидуалистические формы организации. В этой структуре «критически важна не просто информация как таковая, а способы ее использования, передача, обработка и активация через коммуникации, что меняет социальную реальность, экономику и политику» [4].

Важным аспектом, принципиально меняющим саму суть коммуникаций, является такой феномен сетевого общества, как «массовая самокоммуникация»: благодаря сетевым технологиям и цифровым средствам любой человек или группа могут создавать и транслировать информацию широкой аудитории без посредничества традиционных СМИ [5]. К этой точке мы подходим, понимая процесс коммуникации как сложный, многогранный и нелинейный процесс. Однако так было не всегда, и эволюция теории коммуникации прошла долгий путь от линейных моделей передачи информации до сложных сетевых и кросс-медийных теорий, учитывающих нюансы взаимодействия между всеми участниками процесса, социокультурные контексты и технологические аспекты.

Свой вклад в развитие теории коммуникаций внесли такие исследователи, как Г. Лассуэл [6], К. Шеннон [7], У. Уивер [7], Дж. Гербнер [8], Т. Ньюкомб [9], Д. Берло [10], Л. Де Флер [11], Г. Малекс [12].

Если ранние модели рассматривали коммуникацию как «линейный процесс передачи информации от источника к получателю» [13], то современные исследователи описывают ее как «гибкий, открытый, многослойный и изменчивый процесс, посредством которого взаимодействующие стороны совместно строят социальный смысл и управляют им» [14].

Становление сетевого общества и новая роль коммуникаций в нем развивают эти тезисы и открывают возможности для новых форм социального влияния через информационные потоки. В частности, это актуально и применительно к корпоративным коммуникациям. Согласно определению словаря экономических терминов Financial Times Lexicon, корпоративные коммуникации – «управленческая функция, посвященная распространению информации среди ключевой аудитории, выполнению корпоративной стратегии и развитию сообщений как внутри организации, так и за ее пределами» [15]. Российский исследователь Дмитрий Евстафьев определяет корпоративные коммуникации как «коммуникации, осуществляемые коммерческими (корпоративными) структурами и их сотрудниками в процессе и для обеспечения производственной деятельности

и направленные на формирование наиболее благоприятных условий для ведения такой деятельности» [16]. Чарльз Фомбран также отмечал, что «правильно выстроенные коммуникации помогают защищать репутацию и поддерживать доверие к компании, повышают вероятность получить поддержку среди заинтересованных сторон (стейкхолдеров)» [17]. Отметим определение, которое дал исследователь Де ла Рей ван дер Вальдт, определивший корпоративные коммуникации как «совокупность всех коммуникаций, порождаемых внутри организации для того, чтобы добиться реализации целей компании» [18, с. 135].

В новых условиях корпоративные коммуникации не просто выполняют функцию передачи информации, а решают целый ряд новых задач: построение долгосрочных взаимоотношений со всеми стейкхолдерами, укрепление доверия, формирование корпоративной идентичности и др. Эти задачи формируют необходимость создания новых медиастратегий, основанных на эффективной конфигурации доступных каналов коммуникации, форматов контента и учитывающих генеральный нарратив, отвечающий интересам компании.

Таким образом, для эффективного функционирования в условиях сетевого общества корпоративным структурам необходимо переосмыслить принципы своей медиадеятельности и подходы к организации коммуникаций, адаптируя их к новым технологическим возможностям, стоящим перед ними вызовам и изменившимся ожиданиям аудитории. Стоит отметить, что актуальные подходы к процессу организации медиапроизводства размывают традиционные представления о структуре корпоративных коммуникаций. Эта тенденция была отмечена еще в 2014 году: по итогам большого исследования рынка корпоративных коммуникаций России был сформулирован вывод о том, что «корпоративные коммуникации всегда носят комплексный и интегрированный характер, даже если внутри самих компаний это формально не зафиксировано и зоны ответственности между различными подразделениями, вовлеченными в процесс коммуникации, разграничены недостаточно четко» [19].

Описывая актуальные практики в вопросах формирования медиастратегии, выбора медиаплатформ и других аспектов медиадеятельности, связанных с современным состоянием корпоративных коммуникаций, исследователи, в частности, оперируют такими терминами, как «мульти-медиа», «кросс-медиа» и «трансмедиа». Чтобы определить ключевые особенности каждого из подходов, зафиксировав следующие дефиниции: «*медиаплатформы* – цифровые или физические пространства, в которых создается, распространяется и потребляется контент, включая социальные сети, стриминговые сервисы и традиционные СМИ» [20]; «*форматы контента* – это различ-

ные типы материалов, которые могут быть созданы и распространены. К ним относятся текстовые материалы (например, статьи и блоги), изображения, видеоролики, инфографика, подкасты и презентации» [21].

Далее рассмотрим различия между подходами мультимедиа, кросс- и трансмедиа через призму возможных конфигураций медиаплатформ и форматов контента.

1. *Мультимедиа.* Термин «мультимедиа» возник еще до появления новых медиа и использовался применительно к образовательным, презентационным и рекламным технологиям, объединяющим различные формы подачи информации. Современная же наука определяет мультимедиа как «передачу контента с использованием комбинации текста, графики, изображений, звука, анимации, видео и гиперссылок, что в совокупности создает мультисенсорную и потенциально интерактивную коммуникацию» [22]. Таким образом, говоря о мультимедийности, мы фокусируемся именно на форматах контента – оценка роли медиаплатформы при данном подходе ограничивается ее техническими особенностями, позволяющими адаптировать контент под различные форматы.

2. *Кросс-медиа.* С появлением новых цифровых платформ и развитием процесса медиаконвергенции появился новый термин, отвечающий более сложной структуре организации медиатеатральности. Г. Хэйс определил кросс-медиа как «медиа-свойство, продукт, сервис, сюжет или опыт, распространяемый по разным платформам с использованием разнообразных форматов медиа» [23]. Он выделил 4 уровня развития кросс-медиа: 1.0 – одинаковый контент на разных медиаплатформах; 2.0 – контент различается в зависимости от медиаплатформ; 3.0 – контент структурируется для разных медиаплатформ с целью усиления воздействия на аудиторию, предполагается переход между площадками; 4.0 – многоуровневая система дистрибуции контента, большая роль инструментов автоматизации, персонализация контента под разные аудитории и конкретного пользователя. Таким образом, говоря о кросс-медийности, мы рассматриваем не только форматы контента, но и медиаплатформы, на которых он размещается. В зависимости от количества уровней дистрибуции и существующей взаимосвязи между медиаплатформами можно сделать вывод о степени развития и реализуемом потенциале применяемого подхода.

3. *Трансмедиа.* Впрочем, современные подходы к организации коммуникаций не всегда можно определить через описание конфигурации используемых медиаплатформ и форматов контента. Указывая на новые тенденции в развитии актуальных медиастратегий, исследователь Г. Дженкинс выделил 7 принципов, которые позволяют говорить о формировании нового подхода к медиатеатральности: расширение, неполнота, сериализация,

модульность, субъективизация, перформативность, миграция. Тогда же было сформулировано определение трансмедийного повествования – «это процесс, при котором элементы истории систематически распространяются по множеству медиаплатформ с целью создания унифицированного и скоординированного повествовательного опыта. Каждый отдельный медиаканал вносит свой уникальный вклад в развитие истории» [24]. Чтобы определить принципиальное различие между трансмедийным подходом и поздними уровнями развития кросс-медийного подхода, обратимся к тезису А. Филипс, которая развивала идеи Дженкинса и указывала на то, что «успешный трансмедийный проект строится вокруг единой истории (storyworld), которая развивается в различных форматах и каналах, а не рассчитывается на пересказ одной и той же информации через разные медиа» [25]. Таким образом, в концепции трансмедиа вводится понятие «единой истории» или «нарратива», который определяет задачи коммуникации и подчиняет себе выбор медиаплатформ и все многообразие доступных форматов контента.

Таким образом, понятия **мультимедиа**, **кросс-медиа** и **трансмедиа** представляют собой три различных подхода к организации системы корпоративных коммуникаций. Однако несмотря на то, что каждый из них существует в научном дискурсе уже долгое время, сохраняется неоднозначность их дифференциации как в академической среде, так и с точки зрения прикладных инструментов.

Методы исследования

В работе применялся комплекс методов, включающий: 1) контент-анализ, позволяющий систематически и объективно исследовать содержание медиатекстов и выявлять актуальные тенденции по темам и акцентам в рамках системы коммуникаций компаний; 2) сравнительный анализ, который позволил выявить сходства и различия между существующими подходами к организации медиапроизводства в рамках корпоративных коммуникаций; 3) анализ эмпирических данных, полученных из открытых аналитических отчетов и аналитических сервисов LiveDune и similarweb.

В ходе исследования были изучены подходы к организации корпоративных коммуникаций двух российских промышленных компаний, ведущих свою деятельность в Уральском федеральном округе. В выборку исследования вошли корпоративные ресурсы следующих промышленных корпораций: «Трубная Металлургическая Компания» (ТМК), «Русская Медная Компания» (РМК). Были изучены такие каналы коммуникаций, как: официальные сайты компаний, сообщества в социальных сетях, мобильные приложения, видеохостинги. Общий объем выборки исследования составил 553 медиатекста, опубликованных на различных медиаресурсах (VK, Telegram, Дзен, Одноклассники, официальный сайт, мобильное приложение).

Результаты и дискуссия

Для уточнения разницы в определении подходов к организации корпоративных коммуникаций и формирования единого подхода к рассмотрению сущности и специфики мультимедиа, кросс-медиа и трансмедиа как современных способов медиапроизводства в условиях сетевого общества, предлагаем рассмотреть данные подходы через призму одной из классических моделей коммуникаций, предложенной Г. Лассуэлом. Она опирается на 5 ключевых вопросов: Кто говорит? Что говорит? По какому каналу? Кому? С каким эффектом? [26]. На основе этих вопросов была разработана сравнительная таблица (табл. 1), включающая в себя 5 ключевых параметров дифференциации: 1) коммуникатор (кто говорит); 2) сообщение (что говорит); 3) каналы коммуникации (по какому каналу); 4) реципиент (кто получает информацию); 5) цель коммуникации (зачем инициируется).

Несмотря на устойчивую академическую и методологическую ценность классической модели коммуникации Г. Лассуэлла, она не может в полной мере отражать актуальную специфику цифрового медиаландшафта: в частности, она рассматривает коммуникацию как линейный и односторонний процесс, что ограничивает ее применимость в контексте современных подходов к организации коммуникаций, предполагающих сложную, децентрализованную структуру взаимодействия с аудиторией, многоканальность и высокую роль обратной связи. В связи с этим в рамках данного исследования в дополнение к коммуникационной модели Г. Лассуэлла мы также используем подход М. Мориса и К. Огана, классифицирующих формы цифровой коммуникации на основании: 1) временного режима; 2) характера взаимодействия; направления инициативы в коммуникации. Согласно данному подходу кросс-коммуникативное взаимодействие реализуется в четырех типах коммуникации: 1) асинхронная коммуникация «один на один»; 2) асинхронная коммуникация «многих ко многим»; 3) синхронная коммуникация «один на один», «один и несколько», «один с несколькими» строится вокруг какой-либо конкретной темы, например «чаты»; 4) асинхронная коммуникация, где обычно пользователь пытается найти сайт для получения определенной информации; здесь можно встретить коммуникацию «многие и один», «один на один», «один и многие» [27]. Рассмотрим, как меняется организация медиапроизводства по каждому из параметров при применении разных подходов.

1. Коммуникатор. При применении мультимедийного подхода имеет место коммуникация типа «один ко многим»: один источник информации, распространяющий контент через один канал к широкой аудитории. В кросс-медийном подходе возможны конфигурации асинхронной коммуникации: «один ко многим / один к нескольким»:

централизованный коммуникатор (например, редакция или коммуникационная команда) адаптирует одно и то же сообщение под разные каналы. В рамках трансмедийного подхода могут быть задействованы все типы коммуникации: синхронные и асинхронные – «многие ко многим / многие к нескольким / один к одному / один к нескольким». Коммуникатор здесь становится распределенным и включает в себя различные звенья экосистемы корпоративных коммуникаций: собственные медиаплатформы компании, партнеров, амбассадоров и даже аудиторию.

2. Сообщение. Мультимедийный подход предполагает, что коммуникация ограничена одной историей, транслируемой через один канал. Сообщение здесь – завершённый медиапродукт, который функционирует как самостоятельная единица коммуникации. Кросс-медийный подход также ориентирован на одну историю. Отличие в том, что она транслируется через несколько (от 2 до 9) каналов коммуникации. При этом контент адаптируется под специфику каждой медиаплатформы, дополняя и развивая сообщение посредством различных каналов коммуникации. Трансмедийный подход – это множество историй и множество каналов коммуникации, объединенных вокруг единого нарратива коммуникации и необязательно связанных друг с другом напрямую.

3. Канал коммуникации. Мультимедиа – 1 канал коммуникации. Кросс-медиа – от 2 до 9, при этом каналы связаны друг с другом, возможна ситуация, при которой контент нескольких каналов полностью идентичен или дополняет друг друга. Трансмедиа стремится транслировать «осколки» нарратива через максимально возможное количество каналов коммуникации, их количество не ограничивается.

4. Реципиент. Мультимедийный подход отводит аудитории роль пассивного потребителя, при этом сама аудитория рассматривается как массовая, а не как сегментированная. Кросс-медийный подход позволяет сегментировать аудиторию, используя различные каналы коммуникации для разных групп целевой аудитории. При этом уровень вовлеченности и обратной связи может различаться в зависимости от уровня развития системы коммуникаций: аудитория может быть как пассивным потребителем информации, так и активным участником коммуникации, имея возможность влиять на развитие истории. Трансмедийный подход – максимально активная роль аудитории: здесь также существует высокий уровень ее сегментации, при этом отдельные представители аудитории могут выступать в роли полноправных соавторов, а коммуникация ведет к созданию активного комьюнити, объединенного вокруг нарратива бренда. Важными аспектами при рассмотрении роли реципиента в коммуникации при различных подходах являются уровень сегментации, обратной связи и способности аудитории влиять на развитие истории.

5. Цель коммуникации. Цель мультимедийного подхода – донести сообщение с максимальной эффективностью, с учетом особенностей медиапотребления, кросс-медийного подхода – увеличить вероятность проникновения информации в инфополе аудитории путем использования нескольких каналов коммуникации. В основе трансмедийного подхода лежит стремление компании к формированию целостного нарратива через трансляцию его фрагментов на различных медиаплатформах, и формирование связанного пользовательского опыта и устойчивой вовлеченности является ключевым фактором, выделяющим трансмедийный подход на уровне целей коммуникации.

Для изучения наиболее актуальных способов организации медиапроизводства были рассмотрены системы корпоративных коммуникаций двух промышленных корпораций: Русской Медной Компании (РМК) и Трубной Металлургической Компании (ТМК) – ведущих свою деятельность в УрФО. Выборка исследования включала 553 медиатекста. Сравнительный анализ проводился на базе 5 ключевых элементов коммуникации: 1) коммуникатор; 2) сообщение; 3) канал коммуникации; 4) реципиент; 5) цель коммуникаций.

Исходя из данных табл. 2 можно сделать вывод о том, что по всем 5 ключевым элементам коммуникации система организации медиапроиз-

водства в компаниях РМК и ТМК соответствует критериям, применяемым к кросс-медийному подходу. Это объясняется спецификой задач, которые стоят перед промышленными корпорациями: создание целостного нарратива бренда и формирование комьюнити вокруг него не являются их первоочередными целями. Наиболее актуальными остаются задачи по диверсификации публикуемой информации по площадкам присутствия и доступным форматам в зависимости от целевой аудитории, на которую направлен тот или иной материал. Впрочем, рост конкуренции за внимание аудитории, тенденции к увеличению роли коммуникаций в контексте HR-задач и переход к сетевому обществу будут вынуждать промышленные корпорации к интеграции элементов трансмедийных моделей в организацию медиапроизводства.

Таким образом, сравнительный анализ сущности и подходов к организации медиапроизводства (мультимедиа, кросс-медиа и трансмедиа) позволил выявить их специфику на основе ключевых элементов системы корпоративных коммуникаций. Применение тезисов данного анализа к реальной практике коммуникаций показало, что для промышленных корпораций наиболее актуальным является кросс-медийный подход к организации медиапроизводства.

Таблица 1

Сравнительный анализ способов организации медиапроизводства в корпоративных коммуникациях:
мультимедиа, кросс-медиа и трансмедиа

Table 1

Comparative analysis of methods for organizing media production in corporate communications:
multimedia, cross-media, and trans-media

Элемент	Мультимедиа	Кросс-медиа	Трансмедиа
1. Коммуникатор (кто говорит)	Один ко многим	1 коммуникатор (централизованная редакция или команда), решающий задачу по адаптации контента под специфику разных каналов и координации между ними. Асинхронная коммуникация один ко многим / один к нескольким	Коллективный коммуникатор: сложная экосистема, включающая в себя корпоративные медиаплатформы, партнеров, амбассадоров и аудиторию как соавтора. Задействованы все типы коммуникации: синхронные и асинхронные – многие ко многим / многие к нескольким / один к одному / один к нескольким
2. Сообщение (что говорит)	1 история в рамках 1 канала коммуникации	1 история, которая распространяется через несколько каналов коммуникации	Множество историй через множество каналов коммуникации, объединенных вокруг 1 общего нарратива
3. Каналы коммуникации (по какому каналу)	1 канал	2–9 каналов: при этом публикуемый контент подчинен единой редакционной логике, между каналами прослеживается связь	10+ каналов: контент на них публикуется независимо, прямой связи между каналами может не быть – образуются «осколки» единого сюжетного мира, объединенного вокруг нарратива
4. Реципиент (кто получает информацию)	Массовая аудитория, потребляющая информацию пассивно	Сегментированная аудитория, формирующаяся в зависимости от канала. При разных уровнях развития может как потреблять информацию пассивно, так и влиять на развитие истории	Сегментированная аудитория – активный участник, соавтор, часть комьюнити
5. Цель коммуникации (зачем инициируется)	Передача информации в наглядной и доступной форме через разнообразные форматы контента	Расширение охвата и адаптация сообщения под особенности разных каналов и аудиторий	Формирование целостного нарратива через трансляцию его фрагментов на различных медиаплатформах и формирование связанного пользовательского опыта и устойчивой вовлеченности

Сравнительный анализ способов организации медиапроизводства в системе коммуникаций компаний ТМК и РМК

Table 2

Comparative analysis of methods for organizing media production in the communications system of TMK and RMK companies

Элемент	ТМК	РМК
1. Коммуникатор	1 коммуникатор (централизованная редакция или команда), которая решает задачу по адаптации контента под специфику разных каналов и координации между ними. Преимущественно асинхронная коммуникация один ко многим	1 коммуникатор (централизованная редакция или команда), которая решает задачу по адаптации контента под специфику разных каналов и координации между ними. Преимущественно асинхронная коммуникация один ко многим
2. Сообщение	1 история, которая распространяется через несколько каналов коммуникации, видоизменяется и дополняется в зависимости от канала коммуникации	1 история, которая распространяется через несколько каналов коммуникации, при этом контент в рамках каждого из каналов уникален
3. Каналы коммуникации	8 каналов коммуникации (ВК, TG, Дзен, Рутуб, ОК, корпоративный сайт, информационно-аналитическая платформа «Трубник Online», мобильное приложение)	5 каналов коммуникации (ВК, TG, Рутуб, ОК, корпоративный сайт)
4. Реципиент	Сегментация аудитории в зависимости от каналов. Пользователи имеют возможность получать новые фрагменты истории на разных медиаплатформах, но не вовлечены в создание контента	Сегментация аудитории в зависимости от каналов. Пользователи имеют возможность получать новые фрагменты истории на разных медиаплатформах, а также ее уникальные элементы, но не вовлечены в создание контента
5. Цель коммуникации	Расширение охвата и адаптация сообщения под особенности разных каналов и аудиторий: контент на разных медиаплатформах предназначен для разных групп ЦА, меняются акценты коммуникации	Расширение охвата и адаптация сообщения под особенности разных каналов и аудиторий: контент на разных медиаплатформах предназначен для разных групп ЦА, меняются акценты коммуникации

Выводы

Результаты исследования позволили систематизировать и уточнить существенные различия между мультимедийным, кросс-медийным и трансмедийным подходами к организации корпоративных коммуникаций в условиях сетевого общества. Был проведен сравнительный анализ способов организации медиапроизводства в корпоративных коммуникациях, основанный на эмпирическом материале и теоретических моделях (Г. Лассуэла, М. Мориса и К. Огана). В результате мультимедийный, кросс-медийный и трансмедийный подходы были сопоставлены друг с другом по пяти ключевым параметрам: 1) коммуникатор; 2) сообщение; 3) канал коммуникации; 4) реципиент; 5) цель коммуникации.

Выявлено, что мультимедийный подход фокусируется на многоформатной передаче информации в рамках одного канала коммуникации и предполагает ее пассивное восприятие массовой аудиторией. Кросс-медийный подход ориентирован на использование нескольких каналов коммуникации с целью максимизации охвата и учета различных сценариев медиапотребления, а также сегментации аудитории, которой может отводиться роль как пассивного потребителя, так и активного участника коммуникации. Трансмедийный подход являет собой наиболее сложную систему организации медиапроизводства, ориентированную на формирование единого нарратива коммуникации, путем распространения его фрагментов через множество не связанных друг с другом каналов коммуникации. При этом он вводит понятие «коллективного коммуникатора», предполагает активную роль аудитории как соавтора и формирует устойчивое комьюнити вокруг бренда.

Также исследование позволило определить, что наиболее актуальным способом организации медиапроизводства в рамках системы коммуникаций промышленных компаний на сегодняшний день является именно кросс-медиа.

Литература

1. Edelman. Trust Barometer 2024. – URL: <https://www.edelman.com/trust-barometer> (дата обращения: 20.07.2025).
2. Edelman. The Future of Corporate Communications. Study 2023. – URL: <https://www.edelman.com/future-corpcomms> (дата обращения: 20.07.2025).
3. Castells, M. The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture / M. Castells. – Oxford ; Malden, MA : Blackwell, 2000. – 594 p.
4. Кибакин, М. В. Концепция власти коммуникации Мануэля Кастельса в научном дискурсе цифровой социологии / М. В. Кибакин, М. М. Крюкова // Цифровая социология. – 2020. – № 3 (3). – С. 4–11. – URL: <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2020-3-3-4-11> (дата обращения: 20.07.2025).
5. Бобова Л. А. Мануэль Кастельс: влияние сетевого общества на характер социальных коммуникаций / Л. А. Бобова // Вестник МГИМО. – 2013. – № 5 (32). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manuel-kastels-vliyanie-setevogo-obschestva-na-harakter-sotsialnyh-kommunikatsiy> (дата обращения: 27.07.2025).
6. Lasswell, H. D. The Structure and Function of Communication in Society / H. D. Lasswell // The Communication of Ideas ; L. Bryson (ed.). – New York : The Institute for Religious and Social Studies, 1948. – P. 84–99. – URL: https://sipa.jlu.edu.cn/_local/E/39/71/4CE63D3C04A10B5795

F0108EBE6_A7BC17AA_34AAE.pdf (дата обращения: 09.08.2025).

7. Shannon, C. E. The Mathematical Theory of Communication / C. E. Shannon, W. Weaver. – Urbana : University of Illinois Press, 1949 (Tenth printing, 1964). – URL: https://pure.mpg.de/rest/items/item_2383164_3/component/file_2383163/content (дата обращения: 09.08.2025).

8. Gerbner, G. Cultivation Analysis: An Overview / G. Gerbner. – URL: <https://cultivationanalysisrvtv173.pbworks.com/f/GerbnerJS.pdf> (дата обращения: 09.08.2025).

9. Newcomb Model // Scribd. – 1953 (date of model's origin, if relevant). – URL: <https://ru.scribd.com/document/516313300/Newcomb-Model> (дата обращения: 09.08.2025).

10. Berlo, D. K. The Process of Communication / D. K. Berlo. – New York ; Chicago ; San Francisco ; Toronto ; London : Holt, Rinehart and Winston, 1960. – URL: <https://archive.org/details/dli.ernet.235577> (дата обращения: 09.08.2025).

11. ДеФлер, М. Л. Теории массовой коммуникации / М. Л. ДеФлер, С. Болл-Рокич. – 4-е изд. – Нью-Йорк : Лонгман, 1982. – 348 с. – URL: <https://www.worldradiohistory.com/BOOKSHELF-ARH/Commentary/Theories-of-Mass-Communication-4th-De-Fleur-Ball-1982.pdf> (дата обращения: 09.08.2025).

12. Ioniță, M. Gerhard Maletzke's Model of Mass Communication from the Social Communication Perspective / M. Ioniță, V. Păstaie // Bulletin of "Carol I" National Defence University. – 2017. – Vol. 6, № 1. – P. 48–53. – URL: <https://revista.unap.ro/index.php/bulletin/article/view/48-53/472> (дата обращения: 09.08.2025).

13. Shannon, C. E. The Mathematical Theory of Communication / C. E. Shannon, W. Weaver. – University of Illinois Press, 1949.

14. Pearce, W. B. Coordinated Management of Meaning (CMM) / W. B. Pearce, V. E. Cronen // Encyclopedia of Communication Theory ; ed. by S. W. Littlejohn, K. A. Foss. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2009. – P. 201–203.

15. Financial Times Lexicon. – URL: <http://lexicon.ft.com/Term?term=corporate-communication> (дата обращения: 26.08.2025).

16. Евстафьев, Д. В. Корпоративные коммуникации: стратегии и тактики / Д. В. Евстафьев. – М. : Аспект Пресс, 2013. – 287 с.

17. Fombrun, C. J. Reputation: Realizing Value from the Corporate Image / C. J. Fombrun. – Boston, MA : Harvard Business School Press, 1996. – 441 p.

18. Van der Waltd, D. L. R. Towards Corporate Communication Excellence in a Changing Environment / D. L. R. Van der Waltd // Problems and Perspectives in Management. – 2004. – Vol. 2, № 3. – P. 134–143.

19. Корпоративные коммуникации в России. Анализ рынка по результатам исследования TOP-COMM 2014. – М. : АКМР, 2015. – 158 с.

20. Медиаисследования: образование и теории. 2024. – URL: <https://www.studysmarter.co.uk/explanations/media-studies/broadcast-media/media-platforms/> (дата обращения: 09.08.2025).

21. Alooba. Understanding Content Formats. – URL: <https://www.alooba.com/skills/concepts/content-optimization-257/content-formats/> (дата обращения: 12.06.2025).

22. Teaching Digital Multimedia as a Component of Business Education. – URL: <https://digitalcommons.bryant.edu/ciswork/4/> (дата обращения: 12.06.2025).

23. Cross-media: definición // EpiReality. – 23.09.2014. – URL: <https://epireality.wordpress.com/2014/09/23/cross-media-definicion/> (дата обращения: 13.06.2025).

24. Jenkins, H. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide / H. Jenkins. – New York : NYU Press, 2006. – 336 p.

25. Phillips, A. A Creator's Guide to Transmedia Storytelling: How to Captivate and Engage Audiences Across Multiple Platforms / A. Phillips. – New York : McGraw-Hill, 2012. – URL: <https://www.bookee.app/book/a-creator%27s-guide-to-transmedia-storytelling> (дата обращения: 13.06.2025).

26. Кирия, И. В. Модель Лассуэлла. Большая российская энциклопедия / И. В. Кирия. – URL: <https://bigenc.ru/c/model-lassuella-6233fd/?v=3914213> (дата обращения: 03.06.2022).

27. Morris, M. The Internet as Mass Medium / M. Morris, C. Ogan // Journal of Communication. – 1996. – Vol. 46. – P. 39–50.

Евсеев Максим Вадимович – аспирант кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет. (Челябинск), e-mail: makevs@yandex.ru. ORCID 0009-0009-1828-0323

Поступила в редакцию 27 августа 2025 г.

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF CORPORATE COMMUNICATIONS IN THE NETWORK SOCIETY: MULTIMEDIA, CROSS-MEDIA, AND TRANSMEDIA**M. V. Evseev***South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation*

This article examines the development of corporate communications in the network society and provides a comparative analysis of the essence and approaches to organizing media production (multimedia, cross-media, and transmedia). The comparative analysis is based on the five key elements of communication: 1) communicator; 2) message; 3) communication channel; 4) recipient; 5) communication goal. When comparing approaches to the organization of communications, the author also applies the ideas of M. Morris and C. Ogan to classify forms of digital communication by: 1) temporal mode; 2) the nature of interaction; and 3) the direction of initiative in communication. The study was carried out on a sample of 553 media texts using a systemic approach to analyzing the organization of corporate communication systems in two industrial corporations operating in the Ural Federal District. The obtained results allowed systematizing the existing differences and clarifying the boundaries between multimedia, cross-media, and transmedia approaches to organizing media production in corporate communications within the network society. The author also determined that the cross-media approach is the most relevant method of organizing media production within the communication system of industrial companies.

Keywords: corporate communications, network society, multimedia, cross-media, transmedia, media production organization.

References

1. Edelman. Trust Barometer 2024. URL: <https://www.edelman.com/trust-barometer> (date of accessed: 20.07.2025).
2. Edelman. The Future of Corporate Communications. Study 2023. URL: <https://www.edelman.com/future-corporcomms> (date of accessed: 20.07.2025).
3. Castells M. The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture. 2nd ed. Oxford; Malden, MA: Blackwell, 2000. 594 p.
4. Kibakin M.V., Kryukova M.M. Kontseptsiya vlasti kommunikatsii Manuela Kastel'sa v nauchnom diskurse tsifrovoy sotsiologii [The Concept of Manuel Castells' Communication Power in the Scientific Discourse of Digital Sociology] // *Tsifrovaya Sotsiologiya*. 2020. Vol. 3, № 3. P. 4–11. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2020-3-3-4-11> (date of accessed: 20.07.2025).
5. Bobova L.A. Manuel' Kastel's: vliyaniye setevogo obshchestva na kharakter sotsial'nykh kommunikatsii [Manuel Castells: The Influence of the Network Society on the Nature of Social Communications] // *Vestnik MGIMO*. 2013. № 5 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manuel-kastels-vliyaniye-setevogo-obshchestva-na-harakter-sotsialnyh-kommunikatsiy> (date of accessed: 27.07.2025).
6. Lasswell H.D. The Structure and Function of Communication in Society // *The Communication of Ideas*; Bryson L. (ed.). New York: The Institute for Religious and Social Studies, 1948. P. 84–99. URL: https://sipa.jlu.edu.cn/_local/E/39/71/4CE63D3C04A10B5795F0108EBE6_A7BC17AA_34AAE.pdf (date of accessed: 9.08.2025).
7. Shannon C.E., Weaver W. The Mathematical Theory of Communication. Urbana: University of Illinois Press, 1949 (Tenth printing, 1964). URL: https://pure.mpg.de/rest/items/item_2383164_3/component/file_2383163/content (date of accessed: 9.08.2025).
8. Gerbner G. Cultivation Analysis: An Overview. URL: <https://cultivationanalysisrvtf173.pbworks.com/f/GerbnerJS.pdf> (date of accessed: 9.08.2025).
9. Newcomb Model. Scribd. 1953. URL: <https://ru.scribd.com/document/516313300/Newcomb-Model> (date of accessed: 9.08.2025).
10. Berlo D.K. The Process of Communication. New York; Chicago; San Francisco; Toronto; London: Holt, Rinehart and Winston, 1960. URL: <https://archive.org/details/dli.ernet.235577> (date of accessed: 9.08.2025).
11. De Fleur M.L., Ball-Rokeach S. Theories of Mass Communication. 4th ed. New York: Longman, 1982. 348 p. URL: <https://www.worldradiohistory.com/BOOKSHELF-ARH/Commentary/Theories-of-Mass-Communication-4th-De-Fleur-Ball-1982.pdf> (date of accessed: 9.08.2025).

12. Ioniță M., Păstaie V. Gerhard Maletzke's Model of Mass Communication from the Social Communication Perspective // *Bulletin of "Carol I" National Defence University*. 2017. Vol. 6, № 1. P. 48–53. URL: <https://revista.unap.ro/index.php/bulletin/article/view/48-53/472> (date of accessed: 9.08.2025).
13. Shannon C.E., Weaver W. *The Mathematical Theory of Communication*. Urbana: University of Illinois Press, 1949.
14. Pearce W.B., Cronen V.E. Coordinated Management of Meaning (CMM) // *Encyclopedia of Communication Theory*; S.W. Littlejohn, K.A. Foss (eds.). Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2009. P. 201–203.
15. Financial Times Lexicon. URL: <http://lexicon.ft.com/Term?term=corporate-communication> (date of accessed: 13.08.2025).
16. Evstaf'ev D.V. *Korporativnye kommunikatsii: strategii i taktiki* [Corporate Communications: Strategies and Tactics]. Moscow: Aspekt Press, 2013. 287 p.
17. Fombrun C.J. *Reputation: Realizing Value from the Corporate Image*. Boston, MA: Harvard Business School Press, 1996. 441 p.
18. Van der Waltd D.L.R. Towards Corporate Communication Excellence in a Changing Environment // *Problems and Perspectives in Management*. 2004. Vol. 2, № 3. P. 134–143.
19. *Korporativnye kommunikatsii v Rossii. Analiz rynka po rezul'tatam issledovaniya TOP-COMM 2014* [Corporate Communications in Russia: Market Analysis According to the Results of TOP-COMM 2014 Study]. Moscow: AKMR, 2015. 158 p.
20. *Mediaissledovaniya: obrazovanie i teorii* [Media Studies: Education and Theories]. 2024. URL: <https://www.studysmarter.co.uk/explanations/media-studies/broadcast-media/media-platforms/> (date of accessed: 9.08.2025).
21. Alooba. Understanding Content Formats. URL: <https://www.alooba.com/skills/concepts/content-optimization-257/content-formats/> (date of accessed: 12.06.2025).
22. Teaching Digital Multimedia as a Component of Business Education. URL: <https://digitalcommons.bryant.edu/ciswork/4/> (date of accessed: 12.06.2025).
23. Cross-media: definición // *Epireality*. 23 September 2014. URL: <https://epireality.wordpress.com/2014/09/23/cross-media-definicion/> (date of accessed: 13.06.2025).
24. Jenkins H. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York: NYU Press, 2006. 336 p.
25. Phillips A. *A Creator's Guide to Transmedia Storytelling: How to Captivate and Engage Audiences Across Multiple Platforms*. New York: McGraw-Hill, 2012. URL: <https://www.bookekey.app/book/a-creator%27s-guide-to-transmedia-storytelling> (date of accessed: 13.06.2025).
26. Kiriya I.V. Model' Lassuella [Lasswell's Model] // *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya*. URL: <https://bigenc.ru/c/model-lassuella-6233fd/?v=3914213> (date of accessed: 2.06.2025).
27. Morris M., Ogan C. The Internet as Mass Medium // *Journal of Communication*. 1996. Vol. 46. P. 39–50.

Maksim V. Evseev – Postgraduate Student of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: makevs@yandex.ru

Received August 27, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Евсеев, М. В. Особенности развития корпоративных коммуникаций в сетевом обществе: мультимедиа, кросс-медиа и трансмедиа / М. В. Евсеев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 67–75. DOI: 10.14529/ssh250408

FOR CITATION

Evseev M. V. Features of the development of corporate communications in the network society: multimedia, cross-media, and transmedia. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 67–75. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250408

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ИМИДЖЕВОЙ СТРУКТУРЫ ПРОМЫШЛЕННОГО РЕГИОНА

Л. Н. Корнилова, Л. К. Лободенко, А. А. Чуйдук

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Статья посвящена рассмотрению влияния экологической информационной повестки дня на формирование имиджа региона. Проблема изучения технологии создания регионального имиджа с помощью средств массовой информации является одним из актуальных направлений современной журналистики. Обзор научной литературы позволяет в качестве базового выдвинуть тезис о том, что материалы современных средств массовой информации, в том числе посвященные экологическим проблемам той или иной территории, можно рассматривать как одну из составляющих в общем представлении региона. Цель исследования – доказать этот тезис, опираясь на результаты анализа экологической информационной повестки дня региональных средств массовой информации и социальных медиа. В статье на тематическом и атрибутивном уровне представлено описание результатов исследования медиатекстов, посвященных вопросам экологии. Показано, что медиainформация, влияя на общественное сознание, формирует представление о регионе, создавая его образ. Стоит отметить, что экологическая информационная повестка дня, в свою очередь, обусловлена теми территориальными, культурными, климатическими, историческими особенностями, которые характерны для определенного региона. Так, результаты анализа медиаматериала, посвященного экологическим вопросам, позволили среди 10 общих категорий атрибутов выделить наиболее представленные в медиатекстах двух регионов (Челябинск и Челябинская область – с одной стороны, Екатеринбург и Свердловская область – с другой). Использование когнитивно-матричного анализа категорий и атрибутов при исследовании элементов экологической информационной повестки дня дало возможность прийти к выводу о важности роли информационной повестки в создании имиджа региона.

Ключевые слова: СМИ, социальные медиа, информационная повестка дня, экология, имидж региона, атрибуты, когнитивно-матричный анализ.

Введение

Существует более десятка определений термина «имидж» в различных словарях, начиная с толковых и заканчивая финансовыми и даже иллюстративными. Толкования во всех словарях апеллируют к языку-источнику, из которого слово было заимствовано русским языком: *англ. image* – образ, изображение. Следовательно, когда говорят об имидже региона, то имеют в виду образ этого региона, который складывается в представлениях и тех, кто проживает на данной территории, и тех, кто слышит, читает об этом регионе.

Так как регион – это определенная область какой-либо территории Земли [1], то понятия «регион» и «территория» закономерно использовать в качестве синонимов. Поэтому, описывая имидж региона, мы вправе рассматривать имидж территории, который складывается из объединения эмоциональных и рациональных представлений человека на основе личного опыта, информации, влияющей на создание определенного образа, а также анализа разнообразных признаков этой территории [2, с. 53]. Приведенное определение имиджа территории говорит о многогранности, многоаспектности, сложной структуре данного понятия. Структурная интерпретация понятия «имидж территории» («имидж региона») предполагает сочетание личных и коллективных представлений

субъектов, причем коллективные представления основываются на общественном мнении о регионе, освещении в средствах массовой информации (СМИ) его особенностей и проблем. Анализ медиатекстов как источник материала для реконструирования имиджа региона – одно из ключевых направлений современных научных работ, посвященных региональному имиджмейкингу [3].

Сегодня медиапространство не только огромный информационный ресурс, но и мощная сила, формирующая образ региона, территории. Одним из элементов имиджевой структуры территории следует считать экологию как жизненно необходимый для человека фактор. Вопросам экологии посвящены медиатексты, ставшие источником анализа представленного исследования, цель которого – определение роли экологической информационной повестки дня в создании имиджа региона и обусловленности связи имиджевой структуры региона с его медиаобразом и территориальным фактором.

Обзор литературы

Определение позиции региона в современной жизни, его образа, представления о нем в сознании как его жителей, так и тех, кто получает информацию о нем через различные источники сообщения, является предметом изучения разных отраслей науки: экономики, политологии, социологии,

культурологии, лингвистики, журналистики и др. Поскольку регион – это сложное явление, включающее в свою содержательную структуру и территориальные, и экономические, и психологические, и культурные составляющие, то и образ его, что вполне очевидно, представляет собой разветвленную систему элементов. Данный тезис находит подтверждение в определениях имиджа региона в исследованиях разных ученых.

Так, например, В. Кирдин считает, что «имидж региона – это символически выраженное представление о своеобразии и специфике территории, ее репутации, сформировавшейся в общественном мнении» [4]. В этом определении отмечается коллективная составляющая в создании образа региона, которая базируется на общественном мнении, формируемом в большой степени СМИ.

В. Пакрухин, ссылаясь на документы Всемирной туристской организации (ЮНВТО), пишет об имидже региона (территории) «как совокупности эмоциональных и рациональных представлений, вытекающих из сопоставления всех признаков территории, собственного опыта людей и слухов, влияющих на создание определенного образа» [2]. Приведенное толкование обращает внимание на то, что представление о регионе (территории) складывается из личного опыта и окружающего информационного пространства.

Имидж территории в определении И. С. Важениной и С. Г. Важенина предстает набором ощущений и образных, эмоционально окрашенных человеческих представлений, связанных с климатическими особенностями территории, ее историей, характером этнографии, политики и экономики социума, который существует в данном локусе [5, с. 96]. Акцент в формировании образа территории сделан на тех ощущениях, которые возникают у человека в результате знакомства с определенной территорией.

Территориальный имидж, по заключению Д. Замятина, – это «совокупность образов (геокультурных, геополитических и т. д.), которые находятся по отношению друг к другу в определенной зависимости» [6, с. 9]. Ученый подразумевает под имиджем региона некую систему взаимосвязанных и взаимозависимых элементов.

По мнению Ф. Котлера, имидж территории – это сумма убеждений, представлений и впечатлений людей о территории [7, с. 15]. Из такого определения следует, что представления разных людей об одном и том же регионе могут различаться, а это свидетельствует о субъективности восприятия имиджа территории.

Обобщая приведенные определения, можно выделить следующие направления изучения имиджа региона:

- исследование структурной организации имиджа, представляющего собой совокупность

большого количества взаимовлияющих и взаимообусловленных элементов политики, культуры, географии, истории и т. п.;

- комплексный анализ восприятия региона внутренней и внешней аудиторией;

- работа с медиатекстом и анкетирование (субъективное представление людей о регионе) [3].

Большинство исследователей отмечают, что имидж региона создается на основе не только личного восприятия, но и общественного мнения. Общественное мнение, как известно, зависит от того, что и как освещают СМИ. Поэтому логично, что СМИ и социальные медиа играют большую роль в формировании образа территории. Журналисты отбирают наиболее актуальные вопросы информационной повестки дня. Под повесткой дня понимают «наиболее важные вопросы, значимость которых установлена и подтверждена всеми либо большинством акторов» [8].

Сегодня актуальной среди прочих стала проблема экологии, а вместе с ней и экологическая информационная повестка дня. Повестка дня по вопросам экологии включает в себя два уровня: тематический и атрибутивный [9–11]. Как отмечают М. F. Alkazemi, W. Wanta, первый уровень определяет значимость вопроса и важность темы, второй – атрибуты и аспекты проблемы новостной темы, освещаемой в СМИ. Выбранные атрибуты влияют на восприятие темы аудиторией [12]. Атрибуты экологической повестки дня – это характеристики объектов, с которыми связаны экологические проблемы. Эти характеристики используются для оценки экологической ситуации и работают на формирование экологического имиджа региона.

Методы исследования

В ходе работы был использован комплекс научных методов: описательного, сопоставительного, контент-анализа, когнитивно-матричного анализа.

Исследование содержит описание категориальной и атрибутивной структуры повестки дня, посвященной вопросам экологии. Для подтверждения тезиса о специфике атрибутивной представленности информационной повестки дня в зависимости от региона было проведено сопоставление результатов анализа медиатекстов Челябинского региона (включая область) и Екатеринбургского региона (включая Свердловскую область).

В процессе рассмотрения атрибутивной репрезентации медиатекстов экологической тематики был использован метод количественного контент-анализа. Атрибутивная значимость информационной повестки дня определяется частотностью использования атрибутов [13].

Метод когнитивно-матричного анализа послужил основой рассмотрения матрицы экологической информационной повестки дня, представляющей собой систему «взаимосвязанных когнитивных контекстов или областей концептуализации объекта» [14], то есть категорий и атрибутов.

Результаты и дискуссия

В соответствии с целью исследования был проведен сопоставительный анализ атрибутивного представления экологической информационной повестки дня в СМИ и социальных медиа Челябинска (Челябинской области) и Екатеринбурга (Свердловской области). Материалом для исследования послужили медиатексты 22 сетевых средств массовой информации и 7 сообществ социальной сети «ВКонтакте».

Формирование общественного мнения – одна из основных задач журналистики, являющейся посредником между государством (властью) и обществом (в том числе отдельными гражданами) [15]. Журналисты информируют граждан о событиях, происходящих и в мире, и в стране, и в конкретном регионе, комментируют и оценивают эти события, тем самым влияя на сознание населения и создавая в обществе определенные представления о ситуациях и определенное отношение к ним. Таким образом журналистика влияет на формирование картины мира, на создание имиджа той или иной территории, включая в образ территории остро обозначенную в современной общественной жизни экологическую составляющую. Поэтому экологическую информационную повестку дня можно рассматривать как один из элементов имиджа региона.

В научных работах, посвященных изучению массмедиа, отмечено, что средства массовой коммуникации, описывая экологическую картину региона, отмечают проблемы, связанные с экологией, в информационной повестке дня [16], тем самым организуют структуру повестки дня, устанавливая тематические и атрибутивные составляющие. Так как любой текст, в том числе и текст массмедиа, представляет собой вербальное оформление, то в качестве атрибутов, формирующих повестку дня, выступают языковые единицы (слова, словосочетания). Из материалов региональных СМИ и социальных медиа были выделены языковые репрезентанты экологической информационной повестки дня в количестве 21 917 единиц.

Применение когнитивно-матричного анализа позволило определить 10 категорий атрибутов информационной повестки дня по экологии как для региона Челябинска и Челябинской области, так и для региона Екатеринбурга и Свердловской области: 1) географические объекты; 2) среда обитания; 3) флора и фауна; 4) экологические проблемы; 5) способы решения экологических проблем; 6) субъекты экологического процесса; 7) экологические проекты, программы, мероприятия, гранты; 8) финансирование экологических проектов; 9) экологический рейтинг / антирейтинг; 10) юридическая ответственность в области экологии.

Создавая экологический образ Уральского региона, журналисты и участники соцсетей обеих

территорий в большей степени обращают внимание на следующие характеристики: указание объектов, расположенных на территории; обозначение проблем, связанных с экологией; описание среды обитания и субъектов экологического процесса (эти факторы напрямую связаны с экологической ситуацией); освещение мероприятий, которые могут помочь в решении экологических вопросов; представление растительности и животного мира (существование растений и животных зависит от деятельности человека).

Проекты, связанные с решением экологических вопросов, ответственность перед законом в области экологии, финансовая поддержка решения проблем экологии, рейтинг предприятий как результат мониторинга их воздействия на окружающую среду имеют меньшую атрибутивную репрезентативность в СМИ и соцсетях.

В экологическом имидже регионов Челябинска (Челябинской области) и Екатеринбурга (Свердловской области) экологическая информационная повестка дня высвечивает важность выявления экологических проблем и предложение способов их решения конкретными субъектами на конкретных территориях. Тем не менее в экологическом образе каждого из регионов медиатексты, формирующие повестку дня, расставляют разные акценты. Из 21 917 примеров 14 534 единицы представляют экологическую повестку дня в СМИ и соцмедиа Челябинска (и Челябинской области), 7 383 единицы – в СМИ и соцмедиа Екатеринбурга (и Свердловской области).

Так, СМИ и социальные медиа Челябинска (и Челябинской области) из шести наиболее представленных категорий на первое место выводят категорию *географический объект* (наименование населенных пунктов, административных единиц – 4 084 единицы из 14 534, 28,1 % от общего числа употреблений), в то время как СМИ и соцмедиа Екатеринбурга (и Свердловской области) выделяют категорию *экологические проблемы* (загрязнение окружающей среды, стихийные бедствия и др. – 2 003 единицы из 7 383, 27 % от числа употреблений). Названные категории по материалам исследования занимают две первые позиции и в региональных медиатекстах, но в текстах СМИ Челябинска (Челябинской области) атрибутивная частотность категории *географический объект* преобладает над частотой репрезентации атрибутов категории *экологические проблемы*, тогда как в медиатекстах Екатеринбурга (и Свердловской области) мы видим обратную картину.

Следует обратить внимание на тот факт, что категория *экологические проблемы* в СМИ и соцмедиа Челябинска (и областных) реализуется в основном атрибутами *режим НМУ (неблагоприятные метеорологические условия), выбросы, смог, мусор, отходы, свалка и др.* Это создает экологический имидж региона, где важными являют-

ся проблема загрязнения воздуха в результате работы промышленных предприятий и проблема утилизации отходов. Эта же категория матрицы экологической информационной повестки дня в СМИ и соцмедиа Екатеринбурга (и областных) представлена такими атрибутами, как *пожар (лесной, природный, торфяной, огонь, костер), мусор, отходы, свалка, смог, запахи (газы, газа), дым и др.* Экологический имидж региона в качестве важных характеристик содержит проблемы, связанные с ежегодными пожарами (следствием которых является смог, загрязняющий атмосферу) и утилизацией отходов.

Следующей по представленности атрибутов в экологической повестке дня медиатекстов челябинских СМИ и соцсетей будет категория *среда обитания* (2 105 единиц из 14 534, 14,2 % от количества примеров). Для описания локальных условий региона особое внимание уделяется таким лексическим атрибутам, как *экология, природа, окружающая среда*. Эта категория по степени репрезентации в медиатексте екатеринбургских СМИ и соцсетей занимает лишь четвертое место (836 единиц из 7 383, 11 % от числа употреблений), уступая категории *субъекты экологического процесса* и категории *флора и фауна*. Тем не менее лексическая репрезентативность екатеринбургских медиатекстов такая же, как челябинских: *экология, природа, окружающая среда*. В экологическом имидже региона Челябинска существенной является характеристика среды обитания, в то время как в имидже Екатеринбурга эта характеристика второстепенна.

Когнитивно-матричный анализ информационной повестки дня по экологии показал, что для экологического образа Екатеринбурга (и области) более важной оказалась характеристика субъектов экологического процесса. Категория *субъекты экологического процесса* (926 единиц из 7 383, 13 % от числа примеров) двучастна. Атрибуты, ее представляющие, объединяются в две группы: 1) физические лица (наименования лиц по территориальным, социальным и другим признакам) и 2) юридические лица (названия предприятий и других организаций). Количество употреблений лексических атрибутов первой группы преобладает над количеством употреблений атрибутов второй группы (процентное соотношение – 60 и 40 соответственно). Числовое соотношение говорит о том, что в СМИ Екатеринбурга при освещении экологической информационной повестки дня ответственность за рассматриваемые ситуации в большей степени ложится на жителей региона.

В описании экологического образа Челябинска эта категория также важна, но занимает четвертую позицию. Числовая соотнесенность групп категории по атрибутивной представленности в медиатекстах отражает незначительное превосходство первой группы (1 группа – 53 %, 2 группа –

47 %). Этот факт говорит о том, что в СМИ Челябинска при освещении экологической информационной повестки дня ответственность за рассматриваемые ситуации распределяется между всеми субъектами государства практически в равной степени.

Для имиджа Челябинска (и Челябинской области), отражающего проблемы экологии, важная категория – это *способы решения экологических проблем*. Категория занимает пятую позицию в системе информационной повестки дня по экологии. В экологической имиджевой структуре Екатеринбурга (и Свердловской области) более значимой оказалась категория *флора и фауна*. Эта категория вытесняет предыдущую на шестое место в системе экологической информационной повестки дня.

При сопоставительном анализе названных категорий повестки дня, освещающих экологические вопросы двух территорий (Челябинска и области, Екатеринбурга и области), мы увидим выделение разных характеристик, которые репрезентируют образ того или иного региона.

Так, категория *способы решения экологических проблем* на челябинском материале представлена главным образом атрибутивной лексикой, связанной с вопросами управления отходами, охраной растительного мира и охраной водных объектов. На первое место в этой тройке характеристик выходит репрезентация решений, связанных с проблемой управления отходами. Екатеринбургский материал показал в названной категории важность проблем, связанных с охраной растительного мира и управлением отходами в равной степени. Проблема охраны водных объектов по количеству атрибутивной лексики менее часто обсуждается в медиатекстах. Таким образом, в экологическом образе региона характеристика способов решения экологических проблем на территории Челябинска (включая область) в большей степени связана с освещением вопросов управления отходами, а также охраной растений и водной среды. На территории Екатеринбурга (включая область) создается имидж региона с акцентом в названной характеристике на решении вопросов управления отходами и охраны растений.

Следующая важная характеристика экологического имиджа регионов, входящая в структуру экологической информационной повестки дня, – это категория *флора и фауна*. Эта категория представлена атрибутами, которые связаны с описанием животного и растительного мира. Чаще в текстах различных медиа как Челябинска (и области), так и Екатеринбурга (и области) отражаются проблемы, связанные с растительным миром.

Факторы, влияющие на имидж региона, можно условно разделить на социально не обусловленные характеристики территории и социально обусловленные [17].

Этот тезис подтверждается результатом анализа, представленным в таблице, где дана сравнительная характеристика экологической имиджевой структуры территорий Челябинска (и области) и Екатеринбурга (и области) с учетом атрибутивной репрезентативности категорий повестки дня. К социально не обусловленным характеристикам относятся географическое положение, климат, природные достопримечательности региона, которые определили приоритетные позиции категории *географические объекты*. В категории *экологические проблемы* социально не обусловленные характеристики определили лексическую репрезентативность атрибута *режим НМУ (неблагоприятных метеорологических условий)* в экологическом имидже Челябинска и частотность лексического атрибута *пожар (лесной,*

природный, торфяной) в экологическом имидже Екатеринбурга.

Социально обусловленные признаки региона включают в себя культурные и социально-экономические особенности. Социально обусловленные особенности территорий Челябинска (включая область) и Екатеринбурга (включая область), такие как наличие крупных промышленных предприятий, определили частотность использования лексических атрибутов *отходы, свалка, мусор, смог* в экологическом имидже обоих регионов.

Таким образом, экологическая информационная повестка дня, которую представляют медиатексты, может рассматриваться как один из элементов имиджевой структуры региона.

Таблица

Атрибутивная репрезентативность категорий повестки дня по экологии челябинских и екатеринбургских медиатекстов

Table

Attributive representativeness of environmental agenda categories in media texts of Chelyabinsk and Yekaterinburg

Категории атрибутов	Челябинск, Челябинская область		Екатеринбург, Свердловская область	
	Кол-во употреблений	Процент	Кол-во употреблений	Процент
1. Географические объекты	4 084	28,1 %	1 785	24 %
2. Экологические проблемы	3 658	25,2 %	2 003	27 %
3. Среда обитания	2 105	14,2 %	836	11 %
4. Субъекты экологического процесса	1 827	12,6 %	926	13 %
5. Способы решения экологических проблем	1 142	8 %	626	8,5 %
6. Флора и фауна	1 036	7,13 %	871	12 %
7. Экологические проекты	351	2,42 %	149	2 %
8. Юридическая ответственность	213	1,5 %	77	1 %
9. Финансирование экологических проектов	82	0,6 %	82	1,1 %
10. Экологический рейтинг	36	0,25 %	28	0,4 %
Итого	14 534	100 %	7 383	100 %

Выводы

Итак, очевидно, что большое значение в формировании имиджа региона имеет то, как СМИ и социальные медиа представляют этот регион. Описание образа региона связано с той информационной повесткой дня, которую создают и транслируют журналисты. Экологический имидж региона поэтому напрямую зависит от освещения экологической информационной повестки дня.

Когнитивно-матричный анализ экологической информационной повестки дня дал возможность выделить основные категории, отражающие вопросы экологии в медиапространстве. Категории экологической повестки дня организуют свои когнитивно-матричные системы, обусловленные определенным набором атрибутов с той или иной частотой употребления. Именно частотность атрибутов в текстах СМИ и соцмедиа формирует образ территории, региона.

Контент-анализ материалов региональных медиа показал, что наиболее представленной

в атрибутивном выражении стала категория, отмечающая экологические проблемы, и в меньшей степени отражена информация об экологических проектах, их финансировании, экологическом рейтинге. Такая тенденция прослеживается в СМИ и соцмедиа и Челябинска, и Екатеринбурга, что создает определенный экологический имидж территорий.

Таким образом, информационная повестка дня по экологии играет существенную роль в представлении образа региона и в формировании у населения положительного или отрицательного отношения к этому образу.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 23–18–20090, <https://rscf.ru/project/23-18-20090/>) «Исследование воздействия материалов СМИ, социальных медиа по экологии и медиаэффектов на молодежную аудиторию, проживающую на территории региона экологического риска».

Литература

1. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – М., 2000. – 1536 с.
2. Панкрухин, А. П. Маркетинг территорий : учебное пособие / А. П. Панкрухин. – СПб. : Питер. – 2006. – 416 с.
3. Терских, М. В. Имидж региона: теоретический аспект (Российский и зарубежный опыт) / М. В. Терских, Е. Д. Маленова // Политическая лингвистика. – 2015. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-regiona-teoreticheskiy-aspekt-rossiyskiy-i-zarubezhnyy-opyt> (дата обращения: 10.07.2025).
4. Кирдин, В. Имидж регионов: базовые определения / В. Кирдин // Publicity. – 2016. – № 1. – С. 12–15.
5. Важенина, И. С. Имидж и репутация как стратегические составляющие нематериальных активов территории / И. С. Важенина, С. Г. Важенин // Экономика региона. – 2015. – № 3. – С. 95–103.
6. Замятин, Д. Н. Географическое пространство и ментальность: генезис и модификации географических образов / Д. Н. Замятин // Независимая газета. – 2015. – № 210. – С. 9–19.
7. Котлер, Ф. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы / Ф. Котлер, К. Асплунд, И. Рейн, Д. Хайдер / СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2015. – 390 с.
8. Лушанкин, С. С. Категория «повестка дня» в структуре политического процесса: понятие «политической повестки дня» и модели ее формирования / С. С. Лушанкин // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2017. – Т. 1. – № 4.
9. Weaver, D. H. Thoughts on Agenda Setting, Framing, and Priming / D. H. Weaver // Journal of Communication. – 2007. – № 57 (1). – P. 142–147.
10. Son, Y. J. Another Look at What Moves Public Opinion: Media Agenda Setting and Polls in the 2000 U.S. Election / Y. J. Son, D. H. Weaver // International Journal of Public Opinion Research. – 2005. – № 18 (2). – P. 174–197.
11. Каминченко, Д. И. Взаимодействие средств массовой информации и общества: анализ информационных повесток дня / Д. И. Каминченко // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2020. – № 39 (4). – С. 533–544.
12. Alkazemi, M. F. The Effect of Oil Prices on the Media Agenda: A Model of Agenda Building / M. F. Alkazemi, W. Wanta // Newspaper Research Journal. – 2018. – № 39 (2). – P. 232–244.
13. Scheufele, D. A. Agenda-setting, priming, and framing revisited: Another look at cognitive effects of political communication / D. A. Scheufele // Mass Communication and Society. – V. 3. – P. 297–316.
14. Болдырев, Н. Н. Концептуальная основа языка / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – 2009. – Вып. 4. – С. 25–78.
15. Межданова, Г. Роль журналистики в формировании общественного мнения и решении социальных проблем / Г. Межданова, Д. Бабаева, Я. Бабаева // Вестник науки. – 2023. – № 10 (67). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-zhurnalistiki-v-formirovanii-obschestvennogo-mneniya-i-reshenii-sotsialnyh-problem> (дата обращения: 13.07.2025).
16. Östman, J. The Influence of Media Use on Environmental Engagement: A Political Socialization Approach / J. Östman // Environmental Communication. – 2014. – № 8 (1). – P. 92–109.
17. Переладова, Е. С. Имидж региона: структура и факторы / Е. С. Переладова // Молодой ученый. – 2019. – № 30 (268). – С. 82–83. – URL: <https://moluch.ru/archive/268/61776/>.

Корнилова Лариса Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: kornilovaln@susu.ru. ORCID 0000-0002-0316-5965

Лободенко Лидия Камилловна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: lobodenkolk@susu.ru. ORCID 0000-0002-0809-1686

Чуйдук Анастасия Андреевна – преподаватель кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: bevzaa@susu.ru. ORCID 0009-0003-2900-8970

Поступила в редакцию 5 сентября 2025 г.

ENVIRONMENTAL INFORMATION AGENDA AS AN ELEMENT OF THE IMAGE STRUCTURE OF AN INDUSTRIAL REGION**L. N. Kornilova, L. K. Lobodenko, A. A. Chuiduk***South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation*

The article discusses the influence of the environmental information agenda on shaping the image of a region. The issue of exploring the techniques for constructing a regional image through mass media is a current area of modern journalism. A review of scholarly literature allows considering as a fundamental premise that materials from contemporary media, including those addressing environmental concerns of a specific area, can be viewed as one component in the overall presentation of a region. The goal of this study is to substantiate this thesis based on the results of the analysis of the environmental information agenda of regional media and social networks. The article describes the results of the study of environmental media texts at the thematic and attributive levels. It demonstrates that media information influences public consciousness to form the perception of a region, thus shaping its image. Notably, the environmental information agenda is determined by the territorial, cultural, climatic, and historical features of a particular region. The results of the analysis of environmental media materials allowed identifying features most represented both in Chelyabinsk and the Chelyabinsk region, as well as Yekaterinburg and the Sverdlovsk region among ten general categories of features. The use of the cognitive-matrix analysis of categories and attributes in the study of elements in the environmental information agenda allowed concluding about the important role of the information agenda in shaping the image of the region.

Keywords: mass media, social media, information agenda, ecology, image of the region, attributes, cognitive-matrix analysis.

References

1. Kuznecov S.A. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 2000. 1536 p.
2. Pankruhin A.P. Marketing territorij [Territorial Marketing]: uchebnoe posobie. Saint Petersburg: Piter, 2006. 416 p.
3. Terskih M.V., Malenova E.D. Imidzh regiona: teoreticheskij aspekt (Rossijskij i zarubezhnyj opyt) [Image of the Region: Theoretical Aspect (Russian and Foreign Experience)] // *Politicheskaya lingvistika*. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-regiona-teoreticheskij-aspekt-rossijskij-i-zarubezhnyj-opyt> (date of accessed: 10.07.2025).
4. Kirdin V. Imidzh regionov: bazovye opredeleniya [Image of Regions: Basic Definitions] // *Publicity*. 2016. № 1. P. 12–15.
5. Vazhenina I.S., Vazhenin S.G. Imidzh i reputaciya kak strategicheskie sostavlyayushchie nematerial'nyh aktivov territorij [Image and Reputation as Strategic Components of Intangible Assets of the Territory] // *Ekonomika regiona*. 2015. № 3. P. 95–103.
6. Zamyatin D.N. Geograficheskoe prostranstvo i mental'nost': genezis i modifikacii geograficheskikh obrazov [Geographical Space and Mentality: Genesis and Modifications of Geographical Images] // *Nezavisimaya gazeta*. 2015. № 210. P. 9–19.
7. Kotler F., Asplund K., Rejn I., Hajder D. Marketing mest. Privlechenie investicij, predpriyatij i turistov v goroda, kommuny, regiony i strany Evropy [Marketing of Territory. Attracting Investments, Enterprises and Tourists to Cities, Communes, Regions and Countries in Europe]. Saint Petersburg: Stockholm School of Economics in St. Petersburg. 2015. 390 p.
8. Lushankin S.S. Kategoriya "povestka dnya" v strukture politicheskogo processa: ponyatie "politicheskoy povestki dnya" i modeli ego formirovaniya [The Category of "Agenda" in the Structure of the Political Process: the Concept of "Political Agenda" and Models of its Formation] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2017. T. 1, № 4.
9. Weaver D.H. Thoughts on Agenda Setting, Framing, and Priming // *Journal of Communication*. 2007. № 57 (1). P. 142–147.
10. Son Y.J., Weaver D.H. Another Look at What Moves Public Opinion: Media Agenda Setting and Polls in the 2000 U.S. Election // *International Journal of Public Opinion Research*. 2005. № 18 (2). P. 174–197.

11. Kaminchenko D.I. Vzaimodejstvie sredstv massovoj informacii i obshchestva: analiz informacionnyh povestok dnya [Interaction between the Media and Society: Analysis of Information Agendas] // *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya*. 2020. № 39 (4). P. 533–544.
12. Alkazemi M.F., Wanta W. The Effect of Oil Prices on the Media Agenda: A Model of Agenda Building // *Newspaper Research Journal*. 2018. № 39 (2). P. 232–244.
13. Scheufele D.A. Agenda-setting, priming, and framing revisited: Another look at cognitive effects of political communication // *Mass Communication and Society*. Vol. 3. P. 297–316.
14. Boldyrev N.N. Konceptual'naya osnova yazyka [Conceptual Basis of Language] // *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. M.; Tambov, 2009. Vyp. 4. P. 25–78.
15. Mezhdanova G., Babaeva D., Babaeva Y.A. Rol' zhurnalistiki v formirovanii obshchestvennogo mneniya i reshenii social'nyh problem [The Role of Journalism in Shaping Public Opinion and Solving Social Problems] // *Vestnik nauki*. 2023. № 10 (67). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-zhurnalistiki-v-formirovanii-obshchestvennogo-mneniya-i-reshenii-sotsialnyh-problem> (date of accessed: 13.07.2025).
16. Östman J. The Influence of Media Use on Environmental Engagement: A Political Socialization Approach // *Environmental Communication*. 2014. № 8 (1). P. 92–109.
17. Pereladova E.S. Imidzh regiona: struktura i factory [Image of the Region: Structure and Factors] // *Molodoy uchenyy*. 2019. № 30 (268). P. 82–83. URL: <https://moluch.ru/archive/268/61776/> (date of accessed: 13.07.2025).

Larisa N. Kornilova – Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: kornilovaln@susu.ru

Lidiya K. Lobodenko – D. Sc. (Philology), Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: lobodenkolk@susu.ru

Anastasia A. Chuiduk – Lecturer of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: bevzaa@susu.ru

Received September 5, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Корнилова, Л. Н. Экологическая информационная повестка дня как элемент имиджевой структуры промышленного региона / Л. Н. Корнилова, Л. К. Лободенко, А. А. Чуйдук // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 76–83. DOI: 10.14529/ssh250409

FOR CITATION

Kornilova L. N., Lobodenko L. K., Chuiduk A. A. Environmental information agenda as an element of the image structure of an industrial region. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 76–83. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250409

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ПЕРЕДАЧА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ЛЕКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОВЕСТИ АННЫ ЧЕРВИНСКОЙ-РЫДЕЛЬ «МОЯ БАБУШКА ЛЮБИТ ШОПЕНА»: ОПЫТ ПЕРЕВОДА

Д. А. Пелихов

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье рассматриваются переводческие трансформации в художественном прозаическом тексте, в частности некоторые лексические особенности повести Анны Червинской-Рыдель «Моя бабушка любит Шопена» и способы их передачи на русский язык.

Анализ научной литературы, посвященной вопросам переводческих трансформаций и передачи языковой игры при переводе художественного произведения с одного языка на другой, позволил заключить, что создание эквивалентного художественного перевода предполагает учет различных факторов, таких как национальная, историческая и жанровая специфика произведения, а также творческая индивидуальность автора. При создании тождественного оригиналу текста перевода неизбежны потери и такие преобразования, которые позволяют сохранить верность оригиналу на уровне целого текста.

Целью статьи стало рассмотрение того, как использование некоторых видов переводческих трансформаций позволяет передать своеобразие оригинального художественного текста, в том числе адаптировать для читателя перевода некоторые культурные реалии, упоминаемые в произведении, а также сохранить элемент языковой игры, основанной на фонетической близости слов.

Трудности, возникающие перед переводчиком художественного текста, могут быть вызваны причинами различного характера. На примере перевода повести Анны Червинской-Рыдель «Моя бабушка любит Шопена» в статье показано, как использование переводческих трансформаций позволяет адаптировать для русскоязычных читателей некоторые реалии польской культуры, а также передать словесную игру средствами переводящего языка.

Ключевые слова: художественный перевод, лексические трансформации, языковая игра, Анна Червинская-Рыдель.

Введение

Все своеобразие и лексические особенности художественного текста, созданного на одном языке, невозможно в полной мере передать при переводе данного текста на другой, в том числе и родственный язык. В таком случае практически неизбежно будут происходить различного рода лексические трансформации. Очевидно, что наиболее существенные трансформации в таком случае будут происходить при переложении поэтических текстов. Это обусловливается прежде всего требованием соблюдения в переводном тексте ритмического рисунка оригинала, а также необходимостью поиска рифм. Однако и при переводе прозаических произведений также могут возникать трансформации. Наиболее ощутимыми они становятся тогда, когда перед переводчиком стоит задача адаптировать для читателя оригинала определенные сведения, относящиеся к локальным и культурным пресуппозициям (фоновым знаниям, не требующим комментария для читателей оригинального произведения, но вызывающим трудности при восприятии переводного текста), а также когда перед переводчиком встает задача передачи различных видов словесной игры, таких как каламбур, паронимия и проч., служащих зачастую средством создания в художественном произведении комического эффекта.

Обзор литературы

Одной из наиболее существенных проблем художественного перевода был и остается вопрос о степени сохранения содержания оригинала в переводном тексте, что предполагает учет целого ряда факторов: характерных черт эпохи, отраженной в произведении, его национальной и социальной специфики, творческой индивидуальности автора, особенностей жанра переводимого текста, единства содержания и формы, соблюдения соотношения частей и целого. Согласно методологии реалистического подхода, именно эти черты являются существенными и требуют сохранения при переводе. Конечной целью художественного перевода становится достижение тождественного оригиналу художественного впечатления в целом, а также верная передача общей интонации произведения. При создании перевода, отвечающего требованиям эквивалентности и адекватности, неизбежны потери, которые будут тем заметнее, чем важнее для произведения его формальная сторона. Однако существуют такие преобразования, которые позволяют сохранить адекватность перевода на уровне целого текста. Такие преобразования называются трансформациями [1, с. 143].

Термин «переводческая трансформация» широко используется многими специалистами в области переводоведения, однако разные ученые

вкладывают в данное понятие несколько различного содержания. Так, Р. К. Миньяр-Белоручев понимает суть трансформации как «изменение формальных (лексические и грамматические трансформации) или семантических (семантические трансформации) компонентов исходного текста при сохранении информации, предназначенной для передачи» [2, с. 201]. Л. С. Бархударов называет переводческими трансформациями те многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования, которые должен осуществить переводчик, с тем чтобы текст перевода с максимально возможной полнотой передавал всю информацию, заключенную в исходном тексте, при строгом соблюдении норм переводящего языка [3, с. 190].

В. Н. Комиссаров считает, что переводческие трансформации – это преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода. При этом, по мнению исследователя, в силу того что переводческие трансформации осуществляются с языковыми единицами, обладающими и планом содержания, и планом выражения, то и сами они носят формально-семантический характер и преобразуют как форму, так и значение исходных единиц [4, с. 172]. А. Д. Швейцер утверждает, что термин «трансформация» в переводоведении следует понимать в метафорическом смысле и что в действительности речь идет об отношении между исходными и конечными языковыми выражениями, то есть о замене в процессе перевода одной формы выражения другой [5, с. 118].

Очевидно, что, несмотря на разницу трактовок этого термина, большинство исследователей сходится на том, что определяют понятие «переводческая трансформация» через отношение между исходным текстом и текстом перевода. Так, по мнению Л. С. Бархударова, переводчик, имея исходный текст и применяя к нему определенные операции (переводческие трансформации), создает текст перевода, который находится в определенных закономерных отношениях с исходным текстом [3, с. 6]. При этом, как отмечает К. В. Кулемина, одни переводческие трансформации, обусловленные определенными различиями в языковых системах, носят вынужденный характер, другие же, не будучи обоснованы такими различиями, оказываются необходимыми для сохранения коммуникативно-функциональных свойств текста. Характер трансформаций, по мнению исследователя, позволяет применительно к каждому отдельному случаю раскрыть условия, делающие необходимым отход от буквализма [1, с. 144].

В силу расхождения трактовок термина «переводческая трансформация» выделяют и разные их виды. В настоящей работе мы будем опираться на типологию Л. С. Бархударова, который различает такие переводческие трансформации, как *пе-*

рестановки, замены (замены форм слова, замены частей речи, замены членов предложения, синтаксические замены в сложных предложениях, лексические замены, антонимический перевод, компенсация), *добавления* и *опущения* [3, с. 190–231].

При переводе прозаических художественных произведений наиболее ощутимыми переводческие трансформации становятся, на наш взгляд, тогда, когда перед переводчиком встает нетривиальная задача передать такое содержание оригинального текста, которое относится к локальным и культурным пресуппозициям (а потому требует пояснения для адресата перевода), а также в случае необходимости воссоздать средствами родного языка различные виды языковой игры, нередко выступающей приемом художественной выразительности в произведении.

Впервые термин «языковая игра» был употреблен Людвигом Витгенштейном в работе «Философские исследования». Философ утверждает, что вся человеческая коммуникация представляет собой совокупность языковых игр, а сама языковая игра трактуется как целое, состоящее из языка и тех видов деятельности, с которыми он сплетен [6, с. 82]. Однако в российской лингвистике этот термин приобрел более узкую трактовку. Так, в работе Е. А. Земской, М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой «Русская разговорная речь» (1981) языковая игра связывается с эстетически мотивированным игровым поведением: сознательным нарушением норм для создания шуток, каламбуров, метафор или пародий [7]. Б. Ю. Норман также рассматривает языковую игру как нарушение речевой нормы для создания комического эффекта. В понимании исследователя языковая игра – это «использование языка для достижения надъязыкового, эстетического, художественного (чаще всего – комического) эффекта» [8, с. 79]. Таким образом, явление языковой игры эволюционировало от философской категории до инструмента художественной выразительности. К языковым средствам и формам, в которых используется язык для достижения эстетического, художественного эффекта относятся остроты, каламбуры, парадоксы, разложение и обновление фразеологизмов, искажение орфографии, произношения слов и проч. [9, с. 166]. В настоящей статье термин «языковая игра» будет пониматься именно в узком, лингвистическом значении, то есть как инструмент создания комического в художественном произведении, а также отражения в нем процесса освоения и восприятия ребенком родного языка.

Методы исследования

В настоящей работе были использованы приемы описательного метода исследования художественного произведения, такие как наблюдение, анализ и синтез, описание. При выявлении лексических особенностей анализируемой повести и способов их передачи на русский язык применялись приемы сравнительного метода языкознания.

Результаты и дискуссия

Наиболее ощутимые переводческие трансформации при переводе прозаических произведений наблюдаются в том случае, когда перед переводчиком возникает первостепенная задача передать своеобразие формы художественного текста, а не только его содержание. На материале повести «Моя бабушка любит Шопена», посвященной жизнеописанию всемирно известного польского композитора, рассмотрим языковые особенности прозаического произведения для детей, а также способы их передачи и вызванные ими трансформации в выполненном нами переводе этой повести на русский язык.

Автор анализируемой биографической повести «Моя бабушка любит Шопена» – польская писательница, член Союза польских писателей, педагог и музыкант Анна Червинская-Рыдель. Она является автором многих книг для детей и юношества на музыкальную, историческую тематику, а также автором серии биографических повестей об Исааке Ньютоне, Альберте Эйнштейне и многих других выдающихся личностях [10].

Повесть «Моя бабушка любит Шопена», состоящая из семи небольших главок, построена в форме рассказа шестилетней девочки Майи о своей бабушке и о том, как та обучает ее игре на рояле. На протяжении произведения главная героиня узнает факты из биографии польского композитора Ф. Шопена и делится ими с читателями. Впервые эта книга была опубликована в варшавском издательстве Wydawnictwo Sióstr Loretanek в 2010 году к 200-летию композитора [11] и переиздана в 2020 году в лодзинском издательстве Wydawnictwo Literatura [12]. В текст второго издания внесены незначительные правки, а кроме того, из повести исключен эпилог, присутствующий в первом издании произведения. Как в первом, так и во втором издании книги значительное пространство страниц занимают иллюстрации – Дороты Лоскот-Цихоцкой (2010) и Магдалены Пильх (2020). В текст повести органично включена также музыка: каждая глава содержит упоминание музыкальных произведений Ф. Шопена, которые читатель может послушать на диске, прилагающемся к книге.

Прежде чем говорить о трудностях, с которыми мы столкнулись при переводе повести на русский язык, следует сказать, что эти трудности могут быть вызваны разными причинами. В связи с этим их условно можно разделить на **объективные** и **субъективные**. К первым принадлежат те, которые связаны с различием лексических и грамматических систем переводящего языка и языка оригинала (в данном случае русского и польского языков). К этому же роду сложностей следует отнести своеобразие и традиции перевода некоторых культурных реалий, названий географических объектов, личных имен и проч. Это все то, что дей-

ствительно вызывает объективные трудности при переводе и не связано с идиостилем писателя. К субъективным трудностям следует отнести те особенности произведения, которые вызваны спецификой его стиля, присущим ему индивидуально-авторским слогом (нетипичным построением фраз, окказиональной лексикой, использованием элементов языковой игры и иными отличительными чертами).

Рассмотрим трудности первого рода, вызванные объективными причинами. Уже самое начало повести вызывает затруднения при переводе названия одной культурной реалии:

Moja babcia ma na imię Wanda. Nie jest zwyczajną babcią z kociem białych włosów, która siedzi w fotelu bujanym i robi na drutach skarpetki. Kiedyś zapytałam ją, dlaczego nie jest taka, jak na przykład babcia Moniki, która piecze pyszną szarlotkę lub murzynka. Mniem! Uwielbiam murzynka!

Здесь мы встречаемся со словом **murzynek**, которое на русский язык переводится как **негритенок**. Разумеется, в том контексте, когда речь идет о шарлотке и кулинарных способностях бабушки главной героини, под этим словом имеется в виду определенная выпечка. Перед переводчиком встает вопрос, как поступить с этим словом: оставить слово **негритенок**, сопроводив его комментарием в сноске или пояснением в самом тексте произведения (поскольку адресат этой повести – ребенок, который может не сразу понять, о чем говорится в этом предложении), или подыскать для него какую-нибудь подходящую замену. В результате изучения этого вопроса мы пришли к выводу о незначительной популярности названия «Негритенок» в российской кулинарной традиции и решению заменить данную выпечку более известным в России кондитерским изделием. В качестве более популярной выпечки нами был выбран торт муравейник. Вот как выглядит наш вариант перевода этого фрагмента текста с использованием приема **лексической замены**:

Мою бабушку зовут Ванда. Она вовсе не похожа на обычных бабушек с пучком волос на голове, которые сидят в кресле и вяжут носки. Однажды я спросила ее, почему она не такая, как, например, бабушка Моника, которая печет вкусную шарлотку и муравейник. М-м-м! Обожаю муравейник!

Объективную трудность вызывает также передача на русский язык еще одного названия выпечки, которая упоминается в последней главе повести и ее заглавии – «Мазурка ко дню рождения». Однако в этом случае трудность снималась в значительной мере благодаря авторскому тексту:

– Babciu – zapytałam, bo nie mogłam uwierzyć, że to może być prawda – czy to pachnie ciasto?

– A tak, Maju, upiekłam dziś wyjątkowe ciasto – babcia tajemniczo się uśmiechnęła. – Z okazji waszego przyjścia i urodzin Chopina, oczywiście. To ciasto nazywa się...

– **Mazurek!** – krzyknął tata, bo babcia właśnie wniosła do pokoju okrągły placek z różową masą na wierzchu, na której czerwonym lukrem narysowane było wielkie serce.

В этом фрагменте мы вновь встречаемся с названием пирога – **mazurek** (т. е. мазурка), и при переводе этого фрагмента нами был использован прием калькирования, поскольку название пирога в этом фрагменте неслучайно: бабушка Майи печет мазурку ко дню рождения Шопена, и в следующем эпизоде они в четыре руки играют на рояле одну из мазурок Шопена. Наш перевод приведенного выше фрагмента выглядит таким образом:

– Бабушка, – спросила я, потому что это показалось мне невероятным, – у тебя пахнет пирогом?

– Да-да, Майя. Я испекла сегодня особенный пирог, – бабушка Ванда загадочно улыбнулась, – к вашему приходу и в честь дня рождения Шопена, конечно. Этот пирог называется...

– **Мазурка!** – воскликнул папа, когда бабушка внесла в комнату круглый пирог, покрытый розовым кремом, на котором красной глазурью было нарисовано большое сердце.

И здесь мы без какого бы то ни было комментария понимаем, что речь идет о выпечке, поскольку во фрагменте приводится не только название этого пирога, характерного для польской кулинарной традиции, но и подробное описание его внешнего вида.

При переводе текста мы столкнулись также и с трудностями субъективного характера, которые связаны прежде всего с используемой автором языковой игрой, построенной на паронимии, то есть обыгрывании фонетической близости слов польского языка. Обратимся к анализу некоторых фрагментов повести, построенных на этом лингвистическом приеме.

Первый такой фрагмент нам удалось перевести на русский язык прежде всего благодаря родству языков. В анализируемом фрагменте главная героиня рассуждает о том, что железная воля Шопена, позволившая ему стать выдающимся композитором, каким-то образом связана с Желязовой Волей – деревней, где родился композитор:

To dworek niedaleko Warszawy, nazywa się **Żelazowa Wola**. Dziwna nazwa... Babcia często powtarza, że do grania na fortepianie potrzebna jest

żelazna wola. Pomyślałam więc sobie, że może, Chopin dlatego został największym polskim pianistą i kompozytorem, że urodził się w **Żelazowej Woli**? Zapytałam o to babcię, ale ona tylko zaśmiała się i obiecała, że opowie mi o nim już niedługo.

Созвучие и родство прилагательных **железная** и **Желязова** вполне ощущается носителями русского языка, и они без труда узнают в названии польской деревни исторический корень, который представлен во фразеологизме «железная воля», поэтому наш перевод этого фрагмента выглядит следующим образом:

Местечко это находится недалеко от Варшавы и называется **Желязова Воля**. Странное название... Бабушка часто говорит, что для занятий музыкой нужна **железная воля**. Может, Шопен потому и стал выдающимся пианистом и композитором, что родился в **Желязовой Воле**? Я спросила об этом бабушку, но она только засмеялась и пообещала, что скоро я обо всем узнаю.

Следующий эпизод повести вызвал, пожалуй, наибольшую сложность, поскольку в нем также обыгрывается созвучие двух слов польского языка, пренебрегать которым было никак нельзя, ибо на этом созвучии выстроены два абзаца. В этом фрагменте произведения Майя едет с бабушкой в варшавский парк Лазенки, где установлен памятник Шопену и где летом проводятся концерты пианистов. Главная героиня не знакома с названием Лазенки, но знает другое значение этого слова: в современном польском языке слово **łazienka** (**лазенка**) имеет значение 'ванная'. В связи с этим главная героиня так выражает свое удивление:

Wszystko to wydaje mi się trochę dziwne... Te nazwy – Chopin urodził się w Żelazowej Woli, a teraz pianiści grają jego utwory w **łazienkach**... Zawsze myślałam, że koncerty odbywają się w specjalnych salach, a **łazienka** służy, no... wiecie, do czego.

Kiedy przyjechałam z babcią na miejsce i zobaczyłam, że w **Łazienkach** Królewskich nie ma ani prysznicza, ani umywalki, ani nawet żadnego kranu, który można by odkręcić i chociaż umyć ręce, byłam naprawdę zaskoczona.

Данную языковую игру нельзя было опускать, поскольку автору важно в этом фрагменте показать сознание ребенка, который не только узнает факты из биографии Шопена и осваивает гаммы, но и ближе знакомится с родным языком, с культурно-историческими реалиями своей страны. Пытаться найти созвучие и каким-либо образом связывать в языковую игру слова **ванная** и **Лазенки**, конечно, не имеет никакого смысла, поэтому за основу языковой игры нами был выбран со-

звучный названию Лазенки русский глагол *лазять*. Наш перевод, жидущийся на приеме компенсации, звучит следующим образом:

Мне все это кажется немного странным... Эти названия... Шопен родился в Желязовой Воле, а сейчас пианисты играют его произведения в Лазенках... Я всегда думала, что концерты устраиваются в специальных залах, а Лазенки нужны... Ну, вероятно, для того, чтобы по ним лазять.

Когда мы наконец добрались до места, то я была очень удивлена. Оказывается, в Лазенках никто никуда не лазает, просто так называется самый большой парк в Варшаве, в котором когда-то была королевская резиденция.

В конце последнего предложения в русский перевод была введена также придаточная часть, которой не было в авторском варианте. Это позволило не только сообщить читателю о том, что такое Лазенки, но и пояснить, почему этот парк столь важен для Варшавы и в целом для Польши.

Рассмотрим еще один фрагмент текста, в котором также содержится языковая игра, основанная на паронимии, которой пришлось пожертвовать в переводе. В нем обыгрывается созвучие слов *oficina* (флигель) и *oficjalny* (официальный):

– A ten domek, w którym urodził się Chopin? Ten, do którego nas nie wpuścili w Żelazowej Woli, pamiętasz, babciu? Opowiedz coś o nim...

– Ten «domek», jak mówisz, był oficina dworu hrabiego Skarbka. Wiesz, co to jest oficina, Maju?

– Takie oficjalne miejsce w domu? – zapytałam.

– Wręcz przeciwnie. Oficina to był niewielki budynek, w którym znajdowały się kuchnia, pralnia, piekarnia, składziki na narzędzia, mieszkali tam zarządcy dworu i na przykład guwerner...

В этом фрагменте снова показано, как ребенок через наивную этимологию пытается понять и истолковать значение незнакомых ему слов: героине знакомо слово *oficjalny*, и через созвучие с ним она старается интерпретировать слово *oficina*.

Попытки найти слова, созвучные слову флигель и имеющие значение 'официальный', не увенчались успехом, поэтому было решено при переводе опустить этот языковой нюанс и заменить словосочетание **официальное место** выражением **маленький замок**, поскольку замок можно в какой-то мере считать «официальным помещением»:

– A тот домишко, в котором родился Шопен? Тот, куда нас не пустили в Желязовой Воле, помнишь, бабушка? Расскажи что-нибудь о нем.

– Этот, как ты говоришь, «домишко» был флигелем в имении графа Скарбека. Ты знаешь, что такое флигель, Майя?

– Маленький замок? – предположила я.

– Не совсем. Флигелем называлась небольшая постройка, в которой находилась кухня, прачечная, кладовая, там жила прислуга, в том числе и гувернер...

Выводы

Анализ переводоведческой литературы показывает, что важнейшей проблемой художественного перевода остается сохранение содержания исходного текста, его художественного своеобразия, специфики жанра и формы, национальных черт и особенностей изображаемой в нем эпохи – всего, что в ряде работ именуется духом оригинала. При создании такого перевода, который бы максимально полно передавал своеобразие исходного текста, неизбежны потери и связанные с ними переводческие трансформации – преобразования, позволяющие сохранить адекватность перевода на уровне целого текста. К таким трансформациям относятся перестановки, замены, добавления и опущения.

Трудности, которые встают перед переводчиком художественной литературы, могут быть вызваны причинами как объективного характера (различие набора грамматических категорий переводимого и переводящего языков, передача географических наименований, личных имен, адаптация культурных реалий и т. п.), так и субъективного свойства (стилевое своеобразие и графическое оформление переводимого произведения, наличие окказионализмов, использование приемов языковой игры). Совершенно очевидно, что наиболее существенными переводческие трансформации будут в тех случаях, когда при переводе на первый план выходит необходимость передачи формальной стороны произведения.

Авторы произведения для детей нередко обращаются к различным средствам языковой выразительности, позволяющим изобразить внутренний мир и фантазию ребенка. Нередко в качестве художественного приема выступают и элементы языковой игры, то есть такое использование языка, которое необходимо для достижения эстетического, зачастую комического эффекта. Передача этих особенностей средствами другого языка требует поиска оптимального переводческого решения. Так, при переводе повести Анны Червинской-Рыдель «Моя бабушка любит Шопена» мы столкнулись с необходимостью использовать прием лексической замены, а также калькирования при передаче таких культурных реалий, как названия кулинарных изделий, а прием компенсации позволил сохранить языковую игру, основанную на обыгрывании фонетической близости слов, без дополнительных пояснений к тексту произведения.

Литература

1. Кулемина, К. В. Основные виды переводческих трансформаций / К. В. Кулемина // Вестник АГТУ. – 2007. – № 5 (40). – С. 143–146.
2. Миньяр-Белоручев, Р. К. Общая теория

перевода и устный перевод / Р. К. Миньяр-Белоручев. – М. : Воениздат, 1980. – 238 с.

3. Бархударов, Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М. : Международные отношения, 1975. – 240 с.

4. Комиссаров, В. Н. Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М. : Высшая школа, 1990. – 254 с.

5. Швейцер, А. Д. Теория перевода / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1988. – 216 с.

6. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 79–128.

7. Земская, Е. А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М. : Наука, 1981.

8. Норман, Б. Ю. Грамматика говорящего / Б. Ю. Норман. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1994. – 228 с.

9. Нухов, С. Ж. Языковая игра: возможные подходы и трактовки явления / С. Ж. Нухов // Вестник Башкирского университета. – 2017. – Т. 1. – С. 165–170.

10. Anna Czerwińska-Rydel // Wydawnictwo Literatura : autorzy. – URL: www.wydawnictwoliteratura.pl/autorzy/anna-czerwinska-rydel/ (дата обращения: 24.08.2025).

11. Czerwińska-Rydel, A. *Moja babcia kocha Chopina* / A. Czerwińska-Rydel. – Warszawa : Wydawnictwo Sióstr Loretanek, 2010. – 62 s.

12. Czerwińska-Rydel, A. *Moja babcia kocha Chopina* / A. Czerwińska-Rydel. – Łódź : Wydawnictwo Literatura, 2020. – 56 s.

Пелихов Денис Александрович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: pelikhovda@susu.ru. ORCID 0000-0003-0052-9492

Поступила в редакцию 19 сентября 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh250410

TRANSLATION TRANSFORMATIONS AND RENDERING LEXICAL FEATURES INTO RUSSIAN IN ANNA CZERWINSKA-RYDEL'S NOVELLA *MY GRANDMA LOVES CHOPIN*: TRANSLATION EXPERIENCE

D. A. Pelikhov

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

This article explores translation transformations in literary prose, specifically focusing on the unique lexical features found in Anna Czerwinska-Rydel's novel *My Grandma Loves Chopin* and the strategies employed to convey these features in the Russian translation.

An analysis of scholarly literature on translation transformations and the rendering of linguistic play in literary translation has led to the conclusion that creating an equivalent literary translation provides for considering various factors. These factors include the work's national, historical, and genre-specific particularities, as well as the author's creative identity. When producing a target text identical in spirit to the original, certain losses and modifications are inevitable; these are necessary to maintain fidelity to the original on the level of the entire text.

The article aims to demonstrate how the application of specific types of translation transformations helps convey the unique character of the original literary text, including adapting certain cultural realities mentioned in the work for the target reader and preserving elements of linguistic play based on the phonetic similarities between words.

The challenges that a literary translator faces can arise from various sources. The article uses the translation of Anna Czerwinska-Rydel's *My Grandma Loves Chopin* as a case study to illustrate how translation transformations can adapt certain elements of Polish culture for Russian-speaking readers and recreate verbal play through the use of the target language resources.

Keywords: literary translation, lexical transformations, linguistic play, Anna Czerwinska-Rydel.

References

1. Kulemina K.V. Osnovnie vidy perevodcheskikh transformatsii [The Main Types of Translation Transformations] // Vestnik AGTU. 2007. № 5 (40). P. 143–146.
2. Minyar-Beloruchev R.K. Obshchaya teoriya perevoda i ustnoi perevod [General Translation Theory and Interpreting]. Moscow: Voenizdat, 1980. 238 p.
3. Barkhudarov L.S. Yazik i perevod [Language and Translation]. Moscow: International Relations, 1975. 240 p.
4. Komissarov V.N. Teoriya perevoda [Translation theory]. Moscow: High School, 1990. 254 p.
5. Shveitser A.D. Teoriya perevoda [Translation Theory]. Moscow: Science, 1988. 216 p.
6. Vitgenshtein L. Filosofskie issledovaniya [Philosophical Investigations] // *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Moscow: Progress, 1985. Vyp. 16. P. 79–128.
7. Zemskaya Y.A., Kitaigorodskaya M.V., Shiryaev Y.N. Russkaya razgovornaya rech. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis [Russian Colloquial Speech. General Questions. Word Formation. Syntax]. Moscow: Science, 1981.
8. Norman B.Y. Grammatika govoryashchego [Speaker's Grammar]. Saint Petersburg: St. Petersburg University Publishing House, 1994. 228 p.
9. Nukhov S.Z. Yazikovaya igra: vozmozhnye podkhody i traktovki yavleniya [Language Game: Possible Approaches and Interpretations of the Phenomenon] // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2017. T. 1. P. 165–170.
10. Anna Czerwińska-Rydel [Anna Czerwińska-Rydel'] // *Wydawnictwo Literatura: autorzy*. URL: www.wydawnictwoliteratura.pl/autorzy/anna-czerwinska-rydel/ (date of accessed: 24.08.2025).
11. Czerwinska-Rydel' A. Moja babcia kocha Chopina [My grandma Loves Chopin]. Warszawa: Wydawnictwo Siostr Loretanek, 2010. 62 p.
12. Czerwinska-Rydel' A. Moja babcia kocha Chopina [My grandma Loves Chopin]. Łódź: Wydawnictwo Literatura, 2020. 56 p.

Denis A. Pelikhov – Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: pelikhovda@susu.ru

Received September 19, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Пелихов, Д. А. Переводческие трансформации и передача на русский язык лексических особенностей повести Анны Червинской-Рыдель «Моя бабушка любит Шопена»: опыт перевода / Д. А. Пелихов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 84–90. DOI: 10.14529/ssh250410

FOR CITATION

Pelikhov D. A. Translation transformations and rendering lexical features into Russian in Anna Czerwinska-Rydel's novella *My Grandma Loves Chopin*: translation experience. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 84–90. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250410

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ СМИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ИМИДЖА РЕГИОНА

А. А. Чуйдук

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Сегодня в качестве одного из основных драйверов формирования экологического имиджа территории выступает коммуникативная стратегия СМИ. Данная статья посвящена изучению коммуникативных стратегий на примере СМИ одного из крупнейших промышленных центров страны – г. Челябинска. Эмпирической базой послужили более 150 публикаций с информационной повесткой по экологии в ведущих сетевых изданиях региона за 2023 г.: сетевом издании региона «74.ru» и информагентстве «Первое областное» (1obl.ru). В ходе исследования выборка медиатекстов изучалась с использованием элементов контент-анализа согласно трем коммуникативным стратегиям: 1) дискредитирование действий, наносящих вред природе и окружающей среде; 2) популяризация действий, направленных на бережное отношение к природе и окружающей среде; 3) продвижение действий, направленных на представление экологического развития. В ходе изучения регионального медиаконтента по экологии было установлено, что три коммуникативные стратегии в разной степени представлены в анализируемых СМИ. При этом лидирующие позиции имеют стратегии: «дискредитирование действий» – в сетевом издании «74.ru» (81,48 % медиатекстов); «продвижение действий» – в сетевом издании «Первое областное» (1obl.ru – 51,87 % медиатекстов).

Ключевые слова: СМИ, коммуникативная стратегия, информационная повестка, медиатекст, экологический имидж.

Введение

Использование новостных СМИ не только повышает осведомленность населения об экологической обстановке и способствует консолидации граждан в решении экологических проблем, но и напрямую влияет на формирование экологического имиджа территории. По мнению экспертов Лаборатории репутационных исследований РАСО¹, современная медийная повестка работает на рост тревожности, а жителям регионов недостаточно информации для сравнения собственной экологической обстановки с обстановкой других территорий, что сказывается как на драматизации своего положения, так и на негативном восприятии образа региона в целом. Так, социологические данные, представленные ВЦИОМ² в 2020 году, показывают, что население склонно пессимистически оценивать развитие экологической ситуации на всех уровнях ее осмысления – глобальном, страновом, локальном, однако ухудшение в большей мере видят на тех уровнях, где картина формируется через медийные источники. Поскольку в регионах с высоко развитым промышленным сектором, таких как Челябинская область, вопросы стратегического развития и экологии являются приоритетными, создание у аудитории представления об экологической составляющей имиджа региона становится остроактуальным и требует дальнейшего осмысления. Цель исследования заключается в необходимости изучения особенностей коммуни-

кативных стратегий СМИ в контексте формирования экологического имиджа Челябинской области.

Обзор литературы

При изучении современного состояния экологического дискурса в промышленном регионе необходимо определить содержание понятий «имидж территории», «экологический имидж», «коммуникативная стратегия». Освещение экологических проблем в соответствии с выбранной коммуникативной стратегией имеет решающее значение для того, как может восприниматься эта проблема аудиторией [1, с. 96]. Более того, коммуникативные стратегии не только формируют представление аудитории о текущей экологической ситуации, но и влияют на формирование определенного имиджа территории, что особенно остро звучит в регионах повышенного экологического риска [2, с. 634].

В настоящем исследовании мы опирались на отечественный и зарубежный научный опыт в изучении имиджа территории и коммуникативных стратегий СМИ. В научном поле существует множество теоретических подходов к определению термина «имидж территории». В отечественной науке концептуальными аспектами и вопросами формирования имиджа территории занимались А. П. Панкрухин [3], Д. П. Гавра и А. Савицкая [4], И. С. Важенина [5], М. Л. Бачерикова и И. М. Романова [6], А. Н. Чумиков [7] и др. Среди зарубежных ученых, исследовавших имидж территории, выделяют подходы Мохана Пишароди и Рави Парамесуарана [8], Барбары Дженес [9], Ингеборга Клеппе и Лены Моссберг [10].

¹ Российская ассоциация по связям с общественностью.

² Всероссийский центр изучения общественного мнения.

Наиболее функциональное определение имиджа территории, на наш взгляд, предложено исследователем А. П. Панкрухиным: «...имидж территории – это совокупность эмоциональных и рациональных представлений, вытекающих из сопоставления всех признаков территории, собственно опыта людей и слухов, влияющих на создание определенного образа» [3].

Отдельным вектором в изучении имиджа территории является его экологический компонент. В этом ключе рассмотрены труды М. А. Беляевой [11], В. А. Столбова и Е. Ю. Тежиковой, Л. К. Лободенко и А. Б. Чердняковой [12]. Экологический имидж в широком смысле – это общее впечатление, отражающее в сознании людей экологическую безопасность какого-либо предмета, деятельности или процесса. Под «экологическим имиджем региона» следует понимать имидж субъекта с точки зрения экологической безопасности и привлекательности его территории.

В модели экологического имиджа промышленного региона, предложенной исследователями Л. К. Лободенко и А. Б. Чердняковой, очевидно влияние на формирование экологического имиджа как внешних, так и внутренних факторов. Особняком стоит коммуникационный фактор [13], что становится очевидным при подробном рассмотрении вопроса о коммуникативных стратегиях СМИ.

Фундаментальные труды, посвященные коммуникативным стратегиям, в отечественной науке принадлежат О. С. Григорьевой, О. Н. Паршиной [14, 15]; коммуникативным стратегиям СМИ – Д. П. Гавре, И. В. Ерофеевой, А. Н. Кудиновой, К. Р. Нигматуллиной и др. Зарубежная научная школа в области коммуникативных стратегий базируется на трудах Т. А. ван Дейка, Б. ван Рулера [16] и ряда других исследователей. Т. А. ван Дейк определяет «коммуникативную стратегию» как определенный набор когнитивных операций, которые связаны с восприятием дискурса и являются стратегией понимания и интерпретации смысла.

Одной из первых типологий коммуникативных стратегий, ставшей классической, выступает типология, разработанная Б. ван Рулером. Согласно его подходу стратегии необходимо разделять на четыре группы: информирования, убеждения, диалога и формирования согласия [16].

Коммуникативным стратегиям экологического дискурса в России посвящены труды Т. А. Филипповой [17], Е. В. Пановой [14], А. В. Зайцевой и др. В рамках настоящего исследования для анализа регионального экологического имиджа, формируемого посредством СМИ, в качестве структурной опоры нами была выбрана типология коммуникативных стратегий экологического дискурса, сформулированная А. В. Зайцевой [18, с. 246–248]. Данная типология включает в себя две коммуникативные стратегии, каждая из которых достигается посредством определенной тактики:

1) стратегия дискредитирования действий, наносящих вред природе и окружающей среде.

Стратегия содержит шесть тактик: а) тактика критической оценки сегодняшнего состояния окружающей среды; б) тактика подтверждения конкретных фактов или выявления конкретных виновников загрязнения окружающей среды; в) тактика апелляции к мнению ведущих ученых или разных реципиентов; г) тактика критики безответственного отношения к природе; д) тактика сравнения; е) тактика прогнозирования возможных рисков и опасности для жизни людей. Для данной стратегии характерна негативная тональность;

2) стратегия популяризации действий, направленных на бережное отношение к природе и окружающей среде.

Эта коммуникативная стратегия, напротив, обладает позитивной тональностью и включает в себя такие тактики: а) тактика рациональной аргументации в пользу защиты окружающей среды; б) тактика сравнения; в) тактика пропаганды восстановления равновесия и гармонии человека и природы; д) тактика формирования положительного отношения к природе и закрепления норм «экологически безопасного» и «экологически грамотного поведения».

Данная типология была сформулирована исследователем А. В. Зайцевой в ходе анализа различных типов текстов экологического дискурса Федеративной Республики Германии. При этом, на наш взгляд, данная типология не в полной мере отражает особенности медиатекстов по экологии региона. В связи с этим нам видится необходимым дополнить типологию еще одной стратегией – «Продвижение действий, направленных на представление экологического развития», – отражающей аспект решения конкретных проблем окружающей среды региона в СМИ. Указанная стратегия отличается нейтральной тональностью и включает в себя две коммуникативные тактики: а) тактика формирования положительного отношения к принимаемым на государственном и региональном уровнях мерам по охране окружающей среды; б) тактика акцентирования внимания на особенностях финансирования проектов (технологий) экологии.

Настоящее исследование показало, что использование расширенной типологии коммуникативных стратегий для анализа информационной экоповестки региона оправданно. Во-первых, в регионах экологического риска важно освещать реальную экологическую обстановку, апеллируя к конкретным данным (фактам, цифрам, именам) и нивелируя тем самым рост тревожности среди местного населения. Во-вторых, важно говорить о решениях и мерах, принимаемых в регионе и направленных на улучшение состояния окружающей среды, как в контексте формирования экологического ими-

джа, так и для более объективного его восприятия внутренней и внешней аудиториями.

Методы исследования

Достоверность настоящего исследования подтверждается обширным эмпирическим материалом и теоретико-методологическим основанием его изучения. В ходе данного исследования использовался комплексный подход, включающий в себя системный метод, метод сравнительного анализа, метод анализа материалов с элементами контент-анализа и сопоставительный метод.

В качестве эмпирической базы выступили медиатексты информационных повесток ведущих сетевых СМИ города Челябинска: «74.ru» (54 ед.) и 101.ru (106 ед.). Выбор региональных СМИ обоснован медиарейтингом (топ-10) автоматической системы мониторинга и анализа СМИ «Медиадиагностика»³.

Хронологические рамки исследования: 01 января – 31 декабря 2023 года. В ходе исследования были отобраны и проанализированы публикации (160 ед.), представленные в виде базы данных «МЭР: Медиатексты по экологии региона» (свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024620918).

Выборка медиатекстов изучалась с использованием элементов контент-анализа в контексте трех представленных коммуникативных стратегий: 1) стратегия дискредитирования действий, наносящих вред природе и окружающей среде; 2) стратегия популяризации действий, направленных на бережное отношение к природе и окружающей среде; 3) стратегия продвижения действий, направленных на представление экологического развития.

Результаты и дискуссия

Уровень экологической тревожности среди населения промышленных регионов растет во многом за счет современной медиакартинки. Поскольку экологический медиаконтент в большей степени апеллирует к восприятию информации аудиторией через чувства, посредством эмоционально окрашенных (чаще всего негативных) медиатекстов, представление об имидже региона экологического риска чаще носит отрицательный характер. Отношение аудитории к экологической обстановке, освещаемой региональными СМИ, формируется благодаря той или иной коммуникативной стратегии.

В таблице представлены результаты анализа трех коммуникативных стратегий и их тактик, реализуемых в медиатекстах по экологии среди ведущих сетевых изданий Челябинской области в 2023 году.

На основе полученной выборки в процессе исследования установлено, что за 2023 год наи-

большее количество публикаций экологической направленности (106 ед.) принадлежит сетевому изданию 101.ru. Контент-анализ медиатекстов издания показал, что в качестве приоритетной коммуникативной стратегии данное СМИ использует стратегию продвижения действий, направленных на представление экологического развития. Она реализуется в издании на 51,87 % (55 ед.). В данной стратегии предпочтение отдано тактике формирования положительного отношения к принимаемым на государственном и региональном уровнях мерам по охране окружающей среды – 47,16 % (50 ед.) и в основном это публикации о муниципальных и региональных инициативах по рекультивации свалок в различных городах региона, новациях в области очистных сооружений на промышленных предприятиях, рейтинге Челябинска в федеральном проекте по снижению выбросов «Чистый воздух» и об экоаудите водно-охраняемых территорий. Тактика акцентирования внимания на особенностях финансирования проектов (технологий) по охране экологии также отражается в медиаконтенте издания – 4,71 % (5 ед.). Здесь новостные материалы также освещают решения региональных властей, направленные на улучшение экологической обстановки, оперируя при этом конкретными цифрами, например, «На очистку реки Миасс в центре Челябинска направят 14 млн рублей» от 10.03.2023, «На рекультивацию свалки в Магнитогорске направят 2 млрд рублей» от 21.04.2023, «В Челябинской области на реконструкцию 47 очистных сооружений требуется 30 млрд рублей» от 13.10.2023 и др.

Интересно, что заголовки и заголовочные комплексы публикаций, как и само их содержание, выдержаны в нейтральной тональности, что апеллирует к объективизации действительности освещаемых событий или ситуаций. Такие новости выполняют ключевую функцию СМИ – информационную – и не создают эмоциональной нагрузки или эмоционального давления на аудиторию. Однако несмотря на превалирование данной коммуникативной стратегии, в 101.ru все же реализуются и остальные стратегии, распределившиеся следующим образом: стратегия дискредитирования действий, наносящих вред природе и окружающей среде, на втором месте – 32 ед. (30,18 %) и стратегия популяризации действий, направленных на бережное отношение к природе и окружающей среде, на третьем месте – 19 ед. (17,92 %).

Стоит отметить, что для реализации стратегии дискредитирования действий, наносящих вред природе и окружающей среде, данное сетевое издание использует в основном первые две тактики (критической оценки сегодняшнего состояния окружающей среды и подтверждения конкретных фактов или выявления конкретных виновников загрязнения окружающей среды – 11,32 % и 12,26 % соответственно). В достижении коммуникативной

³ Медиадиагностика – разработчик автоматической системы мониторинга и анализа СМИ и соцмедиа в режиме реального времени <https://www.mlg.ru/>.

стратегии по популяризации действий, направленных на бережное отношение к природе и окружающей среде, в данном СМИ ключевая роль отводится тактике формирования положительного отношения к природе и закрепления норм «экологически безопасного» и «экологически грамотного поведения» – 9,43 %. Как правило, это статьи, посвященные восстановлению природы после стихийных бедствий или пренебрежительного отношения людей, а также новости, освещающие деятельность волонтеров по очистке и охране территорий.

Таким образом, в сетевом издании 1obl.ru медиаконтент по экологии построен преимущественно с использованием коммуникативной стратегии «Продвижение действий, направленных на представление экологического развития», что в свою очередь способствует формированию положительного экологического имиджа региона.

Меньшее количество публикаций по экологии за 2023 год (54 ед. медиатекстов) принадлежит сетевому изданию «74.ru». В данном СМИ применение коммуникативных стратегий выглядит следующим образом: лидирующую позицию занимает коммуникативная стратегия по дискредитированию действий, наносящих вред природе и окружающей среде (44 ед. медиатекстов – 81,48 %), далее в СМИ реализуется коммуникативная стратегия по популяризации действий, направленных на бережное отношение к природе и окружающей среде (8 ед. медиатекстов – 14,81 %), и наименее используемой является коммуникативная стратегия по продвижению действий, направленных на представление экологического развития (2 ед. – 3,70 %).

Первая коммуникативная стратегия достигается в основном за счет использования трех тактик: критической оценки сегодняшнего состояния окружающей среды (23 ед.), апелляции к мнению ведущих ученых или разных реципиентов (7 ед.) и подтверждения конкретных фактов или выявления конкретных виновников загрязнения окружающей среды (6 ед.). Ключевой тактикой в реализации второй коммуникативной стратегии является тактика рациональной аргументации в пользу защиты окружающей среды (5 ед.). Последняя коммуникативная стратегия «Продвижение действий, направленных на представление экологического развития» в данном СМИ реализуется посредством использования тактики формирования положительного отношения к принимаемым на государственном и региональном уровнях мерам по охране окружающей среды – две публикации.

Коммуникативная стратегия «Дискредитирование действий, наносящих вред природе и окружающей среде» представлена наиболее полно и разнообразно. К этой группе публикаций относятся медиатексты о неблагоприятных метеорологических условиях в регионе, превышении допустимого уровня загрязнений со стороны промыш-

ленных предприятий и комплексов, а также материалы о пожарах по вине человека и пренебрежительном отношении к водоемам и национальным паркам. Отметим, что в большинстве медиаматериалов инструментом тактик выступают негативные коннотации. Приведем некоторые из них: «“Ну почему травят людей-то?”»: жители Челябинска пожаловались на выбросы» от 02.02.2023; «“Доживем до понедельника?”»: в Челябинске зафиксировали превышение концентрации сероводорода в воздухе» от 04.02.2023; «“Как будто в луже моешься”»: жители Челябинска возмущены коричневой водой из-под крана и пишут губернатору от 27.02.2023; «“Вонь стоит невозможная”»: в Челябинске второй день подряд в воздухе превышены концентрации сероводорода» от 05.02.2023; «“Чем нас травят на этот раз?”»: челябинцы пожаловались на смог и неприятный запах в городе» от 02.06.2023; «“Возможно, это уже экологическая катастрофа”»: челябинцев обеспокоили зловонные лужи на “путинском” пляже» от 18.05.2023.

Важно сказать, что в большинстве публикаций данного сетевого издания используются кликейтные заголовки, построенные на отрицательном оценочном нарративе, что не способствует формированию у читателя положительного представления о регионе. Прием драматизации в заголовочных комплексах и употребление сниженной лексики отражаются также в материалах, освещающих события, не требующие оценки. Таким образом нивелируется принцип объективизации действительности. Более того, используемые в заголовках такие лексемы, как «бедствие» вместо «происшествие», «катастрофа» вместо «проблема», «вонь» вместо «неприятный запах», «отравы» вместо «выбросы», вызывают негативные эмоции, что способствует росту экологической тревожности и даже экофобии среди населения.

Особое внимание обращает на себя тот факт, что коммуникативные стратегии «Популяризация действий, направленных на бережное отношение к природе и окружающей среде» и «Продвижение действий, направленных на представление экологического развития» в данном СМИ на фоне дискредитирования действий, наносящих вред природе, репрезентованы гораздо слабее – 8 ед. и 2 ед. за 2023 г. соответственно. В основном это материалы со ссылкой на синоптиков, экспертов в сфере экологии, а также освещение деятельности волонтеров по охране водных объектов и высадке деревьев, выделении денежных средств на содержание закрытой городской свалки. Таким образом, экологическая медиаповестка, отражаемая в публикациях сетевого издания «74.ru», способствует формированию отрицательного экологического имиджа региона.

В целом необходимо сказать, что воздействующий потенциал каждой из коммуникативных стратегий очевиден: в зависимости от приоритета

той или иной коммуникативной стратегии в СМИ, а соответственно, от выбора тактики и ее инстру-

ментов, формируются экологическая медиакартина и экологический имидж региона.

Таблица

Коммуникативные стратегии СМИ по экологии

Table

Communication strategies of environmental media

№ п/п	Коммуникативная стратегия	СМИ	
		«74.ru»	1obl.ru
1	Дискредитирование действий, наносящих вред природе и окружающей среде		
	а) тактика критической оценки сегодняшнего состояния окружающей среды	23 42,59 %	12 11,32 %
	б) тактика подтверждения конкретных фактов или выявления конкретных виновников загрязнения окружающей среды	6 11,11 %	13 12,26 %
	в) тактика апелляции к мнению ведущих ученых или разных реципиентов	7 12,96 %	3 2,83 %
	г) тактика критики безответственного отношения к природе	5 9,25 %	1 0,94 %
	д) тактика сравнения	0	1 0,94 %
	е) тактика прогнозирования возможных рисков и опасности для жизни людей	3 5,55 %	2 1,9 %
Итого		44 (81,48 %)	32 (30,18 %)
2	Популяризация действий, направленных на бережное отношение к природе и окружающей среде		
	а) тактика рациональной аргументации в пользу защиты окружающей среды	5 9,25 %	2 1,9 %
	б) тактика сравнения	0	0
	в) тактика пропаганды восстановления равновесия и гармонии человека и природы	0	7 6,6 %
	д) тактика формирования положительного отношения к природе и закрепления норм «экологически безопасного» и «экологически грамотного поведения»	3 5,55 %	10 9,43 %
Итого		8 (14,81 %)	19 (17,92 %)
3	Продвижение действий, направленных на представление экологического развития		
	а) тактика формирования положительного отношения к принимаемым на государственном и региональном уровнях мерам по охране окружающей среды	2 3,7 %	50 47,16 %
	б) тактика акцентирования внимания на особенностях финансирования проектов (технологий) экологии	0	5 4,71 %
Итого		2 (3,70 %)	55 (51,87 %)
ВСЕГО		54 (100 %)	106 (100 %)

Выводы

Подводя итог исследования медиаконтента по экологии, необходимо подчеркнуть особую роль коммуникативной стратегии при формировании экологического имиджа региона. В ходе изучения регионального медиаконтента по экологии было установлено, что все три стратегии в разной степени представлены в анализируемых СМИ.

Так, коммуникативная стратегия «Дискредитирование действий, наносящих вред природе и окружающей среде» реализуется в сетевых изданиях от 30,18 % до 81,48 %. Данная коммуникативная стратегия используется в качестве приоритетной в сетевом издании «74.ru» и достигается зачастую кликбейтными заголовками с негативной коннотацией.

Коммуникативная стратегия «Популяризация действий, направленных на бережное отношение к природе и окружающей среде» не используется в качестве приоритетной ни в одном из представ-

ленных СМИ, реализуясь в них практически одинаково – от 14,81 % до 17,92 %. К этой группе медиатекстов относятся публикации, в основном освещающие деятельность волонтеров по охране и защите окружающей среды, а также материалы, транслирующие вопросы экопросвещения.

И, наконец, коммуникативная стратегия «Продвижение действий, направленных на представление экологического развития», сформулированная в ходе исследования, реализуется в медиатекстах региональных СМИ от 3,70 % до 51,87 %. Данная коммуникативная стратегия используется в качестве приоритетной в сетевом издании 1obl.ru, что позволяет говорить об освещении экологической обстановки в СМИ с позитивной стороны.

Таким образом, результаты настоящего исследования подтверждают, что коммуникативная стратегия СМИ обладает мощнейшим потенциалом для формирования экологического имиджа

региона. В связи с этим территориям повышенного экологического риска, таким как Челябинская область, особенно важно учитывать данный факт при освещении вопросов экологической направленности.

Исследование выполнено за счет гранта РФ (проект № 23–18–20090, <https://rscf.ru/project/23-18-20090/>) «Исследование воздействия материалов СМИ, социальных медиа по экологии и медиаэффектов на молодежную аудиторию, проживающую на территории региона экологического риска».

Литература

1. Молявина, Е. А. Коммуникативная стратегия: природа, классификация и прагматика / Е. А. Молявина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. – Вып. 7 (862). – С. 94–99.
2. Панова, Е. В. Экологические коммуникации: основные типы и характеристики / Е. В. Панова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2024. – Т. 13, № 4. – С. 628–642.
3. Панкрухин, А. П. Маркетинг территорий: маркетинг региона / А. П. Панкрухин // Маркетинг в России и за рубежом. – 2004. – № 2. – С. 9–11.
4. Гавра, Д. П. Структурная модель имиджа государства / региона для внешних и внутренних аудиторий / Д. П. Гавра, А. С. Савицкая. – 2008. – URL: http://www.statebrand.ru/rabochie_materialy (дата обращения: 18.06.2025).
5. Важенина, И. С. Имидж и репутация / И. С. Важенина // Региональная экономика: стратегия и практика. – 2010. – С. 2–11.
6. Бачерикова, М. Л. Имидж территории: понятийно-терминологическая систематизация / М. Л. Бачерикова, И. М. Романова // Региональная экономика и управление. – 2017. – № 1 (49). – URL: <https://eeregion.ru/article/4934/> (дата обращения: 12.06.2025).
7. Чумиков, А. Н. Территориальный маркетинг и брендинг: теоретические основания, страновой и региональный опыт для России / А. Н. Чумиков. – URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Chumikov_Territor_marketing.pdf (дата обращения: 14.06.2025).
8. Smillie, L. A model for developing risk communication strategy / L. Smillie, A. Blissett // Journal of Risk Research. – 2010. – Vol. 13, № 1. – P. 123–140.
9. Jenes, B. Reconsidering the measurement of country image – theory and practice / B. Jenes // FIKUSZ 2008 Business Sciences – Symposium for Young Researchers: Proceedings / Óbuda University, Keleti Faculty of Business and Management. – 2008. – P. 65–80.
10. Kleppe, I. A. Country Image: a Reflection of the Significance of the Other / I. A. Kleppe, L. Mossberg // Advances in Consumer Research ; eds. Geeta Menon and Akshay R. Rao. – Duluth, MN : Association for Consumer Research, 2005. – Vol. 32. – P. 295–301.
11. Беляева, М. А. Азы имиджелогии: имидж личности, организации, территории : учебное пособие для вузов / М. А. Беляева, В. А. Самкова. – Екатеринбург, 2016. – 184 с.
12. Лободенко, Л. К. Экологический имидж региона и атрибуты информационной повестки по экологии в контексте коммуникационной стратегии / Л. К. Лободенко, А. Б. Черднякова // Медиа в современном мире. 63 петербургские чтения. – СПб., 2024. – С. 194–196.
13. Черднякова, А. Б. Феномен региональной эко тревожности: исследование проблемы влияния эко контента на молодежную аудиторию / А. Б. Черднякова, Л. К. Лободенко // Высшее образование для стратегических коммуникаций: вызовы цифровизации. – М., 2024. – С. 194–201.
14. Панова, Е. В. Место и роль экологической коммуникации в современной экологической политике / Е. В. Панова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2023. – Т. 12, № 4. – С. 763–783.
15. Ровинская, Т. Л. Механизмы участия средств массовой информации в экологической политике / Т. Л. Ровинская // Политическая наука. – 2010. – № 2. – С. 177–202.
16. Lundgren, R. E. Risk communication: a handbook for communicating environmental, safety, and health risks / R. E. Lundgren, A. H. McMakin. – New Jersey : John Wiley & Sons, Inc., 2009. – 453 p.
17. Филиппова, Т. А. Понятие и основные характеристики экологического дискурса (на материале англоязычных СМИ) / Т. А. Филиппова // Известия ВГПУ. – 2018. – № 2 (125). – С. 97–101.
18. Зайцева, А. В. Коммуникативные стратегии экологического дискурса ФРГ / А. В. Зайцева // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2013. – Т. 7, № 2. – С. 244–250.
19. Chen, Y. S. The driver of green innovation and green image – green core competence / Y. S. Chen // Journal of Business Ethics. – 2008. – Vol. 81, № 3. – P. 543–558.
20. Lasswell, H. D. Structure and Function of Communication in Society / H. D. Lasswell // Mass Communication ; ed. by W. Schramm. – Urban, 1960. – P. 11–35.
21. Важенина, И. С. Имидж и репутация территории как основа продвижения в конкурентной среде / И. С. Важенина // Маркетинг в России и за рубежом. – 2006. – № 6. – С. 49–57.
22. Вольская, Н. Н. Кликбейт как средство создания ложной информации в интернет-коммуникации лингвистов / Н. Н. Вольская // Медиаскоп. – 2018. – Вып. 2. – URL: <http://www.media scope.ru/2450> (дата обращения: 31.05.2025).

23. Перова, А. Е. Роль СМИ в освещении «новых» экологических катастроф: нарративы и риски / А. Е. Перова // *Коммуникология*. – 2023. – Т. 5, № 5. – С. 48–58.

24. Харитонова, О. Ю. Контент-анализ интернет-СМИ по экологической тематике: региональный аспект / О. Ю. Харитонова, О. В. Пер-

востова // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки*. – 2022. – Т. 22, № 2. – С. 102–109.

25. Шаркова, Е. А. Коммуникация в условиях экологического риска / Е. А. Шаркова // *Вестник СПбГУ*. – 2011. – Т. 9, № 4. – С. 239–243.

Чуйдук Анастасия Андреевна – преподаватель кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: bevzaa@susu.ru. ORCID 0009-0003-2900-8970

Поступила в редакцию 3 сентября 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh250411

FEATURES OF MEDIA COMMUNICATION STRATEGIES IN THE CONTEXT OF FRAMING THE ENVIRONMENTAL IMAGE OF A REGION

A. A. Chuiduk

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

Media communication strategies act as one of the main drivers of framing the environmental image of territories. This article studies communication strategies through the lens of one of Russia's largest industrial centers, Chelyabinsk, using the example of its media outlets. The empirical basis consists of more than 150 articles with an ecological agenda published in leading online media outlets in the region for 2023, including the regional online newspaper "74.ru" and the news agency "First Regional" (1obl.ru). During the study, a sample of media texts was analyzed using content analysis elements according to three communication strategies: 1) discrediting actions that harm nature and the environment; 2) popularizing actions that promote a careful attitude to nature and the environment; 3) promoting actions aimed at environmental development. During the study of regional media coverage on ecology, we found that the three communication strategies were represented to varying degrees in the analyzed media. The most prominent strategies were "discrediting actions" in the online publication "74.ru" (81.48 % of media texts) and "promoting actions" in "First Regional" (1obl.ru – 51.87 % of media texts).

Keywords: media, communication strategy, information agenda, media text, environmental image.

References

1. Molyavina E.A. Kommunikativnaya strategiya: priroda, klassifikatsiya i pragmatika [Communication Strategy: Nature, Classification, and Pragmatics] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2022. Vyp. 7 (862). P. 94–99.
2. Panova E.V. Ekologicheskie kommunikatsii: osnovnye tipy i kharakteristiki [Environmental Communications: Main Types and Characteristics] // *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2024. T. 13, № 4. P. 628–642.
3. Pankrukhin A.P. Marketing territoriy: marketing regiona [Territory Marketing: Marketing of the Region] // *Marketing v Rossii i za rubezhom*. 2004. № 2. P. 9–11.
4. Gavra D.P., Savitskaya A.S. Strukturnaya model' imidzha gosudarstva / regiona dlya vneshnikh i vnutrennikh auditoriy [A Structural Model of a State / Region's Image for External and Internal Audiences]. 2008. URL: http://www.statebrand.ru/rabochie_materialy (date of accessed: 18.06.2025).
5. Vazhenina I.S. Imidzh i reputatsiya [Image and Reputation] // *Regional'naya ekonomika: strategiya i praktika*. 2010. P. 2–11.
6. Bacherikova M.L., Romanova I.M. Imidzh territorii: ponyatiyno-terminologicheskaya sistematizatsiya [Territory Image: Conceptual and Terminological Systematization] // *Regional'naya ekonomika i upravlenie*. 2017. № 1 (49). URL: <https://eeeregion.ru/article/4934/> (date of accessed: 12.06.2025).

7. Chumikov A.N. Territorial'nyy marketing i brending: teoreticheskie osnovaniya, stranovoy i regional'nyy opyt dlya Rossii [Territorial Marketing and Branding: Theoretical Foundations, Country and Regional Experience for Russia]. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Chumikov_Territor_marketing.pdf (date of accessed: 14.06.2025).
8. Smillie L., Blissett A. A Model for Developing Risk Communication Strategy // *Journal of Risk Research*. 2010. Vol. 13, № 1. P. 123–140.
9. Jenes B. Reconsidering the measurement of country image – theory and practice // *FIKUSZ 2008 Business Sciences – Symposium for Young Researchers: Proceedings*. Óbuda University, Keleti Faculty of Business and Management, 2008. P. 65–80.
10. Kleppe I.A., Mossberg L. Country Image: a Reflection of the Significance of the Other // *Advances in Consumer Research*. 2005. Vol. 32; eds. Geeta Menon and Akshay R. Rao. Duluth, MN: Association for Consumer Research. P. 295–301.
11. Belyaeva M.A., Samkova V.A. Azy imidzhologii: imidzh lichnosti, organizatsii, territorii: uchebnoe posobie dlya vuzov [Fundamentals of Imageology: The Image of an Individual, an Organization, or a Territory]. Ekaterinburg, 2016. 184 p.
12. Lobodenko L.K., Cherednyakova A.B. Ekologicheskii imidzh regiona i atributy informatsionnoy povestki po ekologii v kontekste kommunikatsionnoy strategii [The Environmental Image of the Region and the Attributes of the Environmental Agenda in the Context of the Communication Strategy] // *Media v sovremenom mire*. 63 peterburgskie chteniya. Saint Petersburg, 2024. P. 194–196.
13. Cherednyakova A. B., Lobodenko L. K. Fenomen regional'noy eko trevozhnosti: issledovanie problemy vliyaniya eko kontenta na molodezhnuyu auditoriyu [The Phenomenon of Regional Eco Anxiety: A Study of the Impact of Eco Content on Young Audiences] // *Vysshee obrazovanie dlya strategicheskikh kommunikatsiy: vyzovy tsifrovizatsii*. Moscow, 2024. P. 194–201.
14. Panova E.V. Mesto i rol' ekologicheskoy kommunikatsii v sovremennoy ekologicheskoy politike [The Place and Role of Environmental Communication in Modern Environmental Policy] // *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2023. T. 12, № 4. P. 763–783.
15. Rovinskaya T.L. Mekhanizmy uchastiya sredstv massovoy informatsii v ekologicheskoy politike [Mechanisms for Media Participation in Environmental Policy] // *Politicheskaya nauka*. 2010. № 2. P. 177–202.
16. Lundgren R.E., McMakin A.H. Risk Communication: a Handbook for Communicating Environmental, Safety, and Health Risks. New Jersey: John Wiley & Sons, Inc., 2009. 453 p.
17. Filippova T.A. Ponyatie i osnovnye kharakteristiki ekologicheskogo diskursa (na materiale angloyazychnykh SMI) [The Concept and Main Characteristics of Environmental Discourse (based on the English-Language Media)] // *Izvestiya VGPU*. 2018. № 2 (125). P. 97–101.
18. Zaytseva A.V. Kommunikativnye strategii ekologicheskogo diskursa FRG [Communicative Strategies of the Ecological Discourse of Germany] // *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2013. T. 7, № 2. P. 244–250.
19. Chen Y.S. The Driver of Green Innovation and Green Image – Green Core Competence // *Journal of Business Ethics*. 2008. Vol. 81, № 3. P. 543–558.
20. Lasswell H.D. Structure and Function of Communication in Society // *Mass Communication*; ed. by Schramm W. Urban, 1960. P. 11–35.
21. Vazhenina I.S. Imidzh i reputatsiya territorii kak osnova prodvizheniya v konkurentnoy srede [Territory Image and Reputation as the Basis for Promotion in a Competitive Environment] // *Marketing v Rossii i za rubezhom*. 2006. № 6. P. 49–57.
22. Vol'skaya N.N. Klikbeyt kak sredstvo sozdaniya lozhnoy informatsii v internet-kommunikatsii lingvistov [Clickbait as a Means of Creating False Information in Online Communication among Linguists] // *Mediascope*. 2018. Vyp. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/2450> (date of accessed: 31.05.2025).
23. Perova A.E. Rol' SMI v osveshchenii "novykh" ekologicheskikh katastrof: narrativy i riski [The Role of the Media in Covering "New" Environmental Disasters: Narratives and Risks] // *Kommunikologiya*. 2023. T. 5, № 5. P. 48–58.
24. Kharitonova O.Y., Perevozova O.V. Kontent-analiz internet-SMI po ekologicheskoy tematike: regional'nyy aspekt [Content Analysis of Online Media on Environmental Issues: A Regional Perspective] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Sotsial'no-gumanitarnye nauki"*. 2022. T. 22, № 2. P. 102–109.
25. Sharkova E.A. Kommunikatsiya v usloviyakh ekologicheskogo riska [Communication in an Environment of Environmental Risk] // *Vestnik SPbGU*. 2011. T. 9, № 4. P. 239–243.

Anastasia A. Chuiduk – Lecturer of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: bevzaa@susu.ru

Received September 3, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Чуйдук, А. А. Особенности коммуникативных стратегий СМИ в контексте формирования экологического имиджа региона / А. А. Чуйдук // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 91–99. DOI: 10.14529/ssh250411

FOR CITATION

Chuiduk A. A. Features of media communication strategies in the context of framing the environmental image of a region. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 91–99. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250411

ПЛАТОНОВСКИЙ ДИАЛОГ В «МОНОЛОГАХ СТАРОГО ЭНТУЗИАСТА» АКИМА ВОЛЫНСКОГО

О. В. Шалыгина

*Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых,
г. Владимир, Российская Федерация*

Статья посвящена исследованию поэтики литературного критика и философа Акима Волынского, который в своих критических и искусствоведческих статьях использует прием платоновского диалога. Научная проблема состоит в том, что Акима Волынского рассматривают в основном как критика, а не как философа, поэтому диалогическое начало в его повествовании игнорируется, что приводит к искажению смысла. Основные протагонисты идей, которые будут разрабатываться им на протяжении всей жизни, впервые вводятся им в «Монологах Старого Энтузиаста». Актуально рассмотрение функционирования персонажей протагонистов в различных произведениях Волынского и наблюдение за сохранением исходных смыслов либо их трансформация под давлением иных идей. В результате проведенного анализа можно выделить стабильное, неизменное ядро идей, представленных в диалогической форме, в произведениях Волынского на протяжении тридцати лет. Так, например, в зарубежном литературоведении утвердилось мнение о Волынском, прежде всего, как о еврейском писателе. Однако его приверженность идеям раннего возрождения (так называемому византизму) приводит его к сложному диалогу с православием, анализу темы «повреждения» души европейского человека и различных форм искусства, связанных с этим процессом.

Ключевые слова: Аким Волынский, платоновский диалог, Византизм, Леонардо да Винчи, Достоевский.

Введение

Аким Волынский – один из известных деятелей русской культуры конца XIX – начала XX века – будучи сначала критиком, а потом и главным редактором журнала «Северный вестник», выводил в люди многих деятелей литературы, ставших потом всемирно известными. Значимость его литературной и философской позиции была велика, но литературная репутация испорчена по причине его резкого отказа от бывших соратников. В конце века после посещения Афона он резко меняет вектор своего духовного развития и кроме занятий итальянским Ренессансом начинает значительное время уделять профессиональному филологическому исследованию Достоевского, в 1910-х годах еще раз круто меняет вектор своих интересов и начинает заниматься балетом. Весь этот странный путь с внешней сменой интересов на самом деле был продиктован внутренним развитием одной идеи, имеющей цивилизационное значение. Сначала он вывел на сцену декадентов, потом начал искать зерно их уязвленности в идеалах европейского Ренессанса, апофеозом этого духовного движения видя Ставрогина, а затем попытался найти духовный противовес в мечтах и даже практике русского классического балета.

Обзор литературы

При жизни Волынского о нем уже писали в учебном пособии по истории русской литературы [1]. Посмертно вышел очень хороший сборник статей о Волынском его современников разных политических и философских взглядов, тем не менее оценивших значительный его вклад в рус-

скую и мировую культуру [2]. В последние десятилетия одной из наиболее известных и популярных монографий о творчестве и личности Акима Волынского является работа израильского исследователя Елены Толстой «Бедный рыцарь. Интеллектуальное странствие Акима Волынского» [3], переведенная на несколько языков. Российский исследователь В. А. Котельников в книге «Русский Агасфер: Аким Волынский как мыслитель и критик культуры» [4] дополняет его литературный портрет философскими красками. Другую грань духовного стремления Волынского к идеальному удалось замечательно выразить советскому и российскому театральному и литературному критику, балетоведу и педагогу В. М. Гаевскому в предисловии и комментариях к переизданной изданной им в 1992 году последней книге А. Волынского «Книга ликований: Азбука классического танца» (1925) [5].

Методы исследования

В процессе исследования были использованы методы филологического и философского анализа, историко-литературный и биографический методы.

Результаты и дискуссия.

Вопрос о методе мышления – один из важнейших для Акима Волынского. «Он не умел говорить о простых вещах, для него не было простых вещей. Он был до мозга костей человек принципиальный. В мельчайшем вопросе он отыскивал принципиальную сторону, и мельчайший вопрос вырастал у него в проблему. Ум его не умел обращаться с малым предметом, он требовал громоздких абстракций», – писал о нем Константин

Федин [2, с. 29–30]. Методология исследования и научные интересы сформировались у него в годы обучения на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Мирозрение Волынского складывалось на основе овладения им историко-генетического метода и задач цивилистики. Объектом осмысления были для него характерные особенности «духа» эпох, народов, цивилизаций. «Чтобы быть философом, – считал он, – надо уметь мыслить подобиями вещей и отношений. Тогда и осознается та невещественная лента идей и понятий, которою опоясан реальный мир» [5, с. 174]. Будучи молодым критиком, Волынский со своим «эстетическим микроскопом» выделяет Константина Фофанова и Семена Фруга среди молодых поэтов начала 80-х годов, в художественной организации которых видит «такие болезни, которые каждый день могут принять роковые размеры»: «Стих Фофанова нередко сбивается в какой-то бессмысленный бред, вызывающий одну только улыбку сожаления. <...> У Фруга два заметных и опасных недостатка: внутренний – отсутствие меры, внешний – преизобильный пиитический гардероб. <...> Фруг, чуть ли не в каждом своем стихотворении, предстает перед нами в несколько комическом виде человека, облекшего во все свои лучшие одежды и совсем не принявшего в расчет, что пестрота граничит с безобразием и что истинная красота только в простоте» [6, с. 83–84]. Проблемы творчества Минского Волынский описывает как *типические*, обусловленные интересами, чувствами и думами современного поэту общества: «не вина поэта, что ничто глубокое, захватывающее не владеет этим обществом, что поверхностность мысли и жалкая пустота чувства – самые типические черты текущей современности» [7, с. 73–74]. Собственно, анализ характерных для его современности идей становится предметом исследования Волынского. Причины духовной деградации он исследует на материале творчества Леонардо да Винчи и произведений Ф. М. Достоевского. Противостояние «русской идеи» европейскому мирозерцанию станет одной из главных тем его анализа и в художественном, и в философском смысле. За решением этих вопросов он отправится на Афон и в путешествие по Европе. Впервые персонажи-протагонисты появятся в рассказе «В купе», напечатанном в сентябрьском номере журнала «Северный вестник» за 1897 год.

При изучении творчества Достоевского Волынский намечает главный узел противоречий между «декадентством» и «византизмом». И та, и другая характеристики вовсе не очевидны, и требуют значительных пояснений. Под термином «византизм» у Волынского лежит глубокий пласт индивидуальных значений, без раскрытия которых не совсем ясны его оценки творчества как Достоевского, так и Леонардо да Винчи.

В «Книге Великого гнева» (1904) Волынский ставит фигуру Достоевского в центр развития литературы XX века, считая ее «самой влиятельной фигурой не только в русской, но и в мировой литературе» [8, с. LXIII]. Достоевский через разверстые им бездны человеческой личности представляется Волынскому предтечей декаданта. Однако, в силу изображения Достоевским борющихся между собой идей, Волынский противопоставляет «карамазовщину» как проявление декаданта, изображение Достоевским «других людей, других отношений в особенностях православной иконографии» [8, с. LXIV].

Смешение поэзиса и диэгеизиса – характерная черта поэтики Волынского, которая часто вводила в недоумение его современников и исследователей. В сентябрьском номере журнала «Северный вестник» за 1897 год редактор и литературный критик Аким Волынский неожиданно предстает перед публикой в новом амплуа. В этом номере было опубликовано сразу три его художественных произведения. В соответствии с нумерацией Первого раздела журнала, это № I – рассказ «Амог. Романтический набросок Лу Андреас-Саломэ и А. Волынского», № XI – рассказ «В купе» без указания автора и № XII – рассказ «В поисках за Леонардо да Винчи» с подписью А. Волынского.

Рассказ «Амог» в соавторстве с Лу Саломэ содержит предисловие «От авторов» с распределением их ролей в процессе написания рассказа и определением цели: «...передать в повествовательной форме летучие настроения, сопутствующие некоторым тяжелым жизненным драмам. Один из них тут же стал слагать в небольшую цельную вещь отдельные подробности намеченной темы, которые, казалось, могли быть допущены в неприязнительном беллетристическом произведении. Другой передавал на бумаге возникающие черты рассказа. Так написались эти несколько страниц, которые – в черновом виде – подверглись тщательной обработке» [9, с. 1]. По форме – это декадентское произведение для декадентского журнала, которое редактор ставит на первое место в выпуске, и наличие такого соавтора, как Лу Саломэ, вполне позволяет ему это сделать. Хотя, начиная работать в декадентской манере анализа мимолетных чувств и настроений, Волынский либо в процессе правки, либо в самой провокации совместного письма и разработки «жизненной драмы», формирует образ того рассказчика-повествователя – Романтика, – который станет основным в его собственных прозаических сочинениях. Этот рассказ так и останется журнальной публикацией «Северного вестника» времени редакторства в нем Акима Волынского, а следующий рассказ ждала совсем иная судьба.

Следующий рассказ «В купе» будет переходить из книги в книгу, меняя названия, обрастая предисловиями, предшествуя в композиции сбор-

ников его критическим и философским статьям. Сюжет его выстраивается вокруг беседы в вагоне поезда европейца и русского путешественников о Достоевском и отторжения европейским сознанием покаянного жеста Раскольникова с его целованием грязной земли. Русский путешественник видит в этом непонимании и раздражении главную проблему цивилизационного раскола: «Вы коснулись банальности не одного только Достоевского. Это банальность всего русского народа, всей России, – не той полуинтеллигентной России, которая шумит газетными статьями, но той России, которая хранит глубокое молчание. Да, мне кажется, вы коснулись большого нерва всего человечества, потому что эта банальность неискоренима из человеческого сердца» [10, с. 175].

Иногда, не признавая за Волынским художественных обобщений, ассоциируя его творчество исключительно с критическим амплуа, трактуя этот рассказ, даже опытные исследователи видят в одном из персонажей самого автора и его прямое слово. Например, Елена Толстая считает, что «критик противопоставляет своего русского рассказчика его случайному дорожному собеседнику, условному немцу – попутчику по дороге в Куфштейн; известно, что Волынский туда ездил с Лу. Этот попутчик (то есть на самом деле Лу) вначале выражает нищенский восторг, радостно провидя в мятежном герое приметы грядущего сверхчеловечества...» [11].

Однако мы полагаем, что это далеко не так. Форма диалогического повествования позволяет автору отойти на задний план, предоставляя свободу слова своим персонажам. Волынский использует художественный способ объективизации борьбы идей, генетически восходящий к платоновским диалогам, литературно ориентированный на поэтику как Достоевского, так и Чехова. Одной из таких диалогических позиций является ответ на вопрос: «Знаете ли, что сделала для культурного человечества Россия?». Ответ на этот коренной вопрос сформулирован относительно фигуры Достоевского: но Достоевский, действительно, типичен, потому что в нем живы оба вкуса – в его душе боролись все противоречия: Бог и мир. Достоевский типичен потому, что он скорее принял бы какое угодно страдание, чем отказаться от самого себя или ограничивать свою душу в том или другом направлении» [11].

В книге А. Волынского «Борьба за идеализм» (1900) этот рассказ уже авторизован и расположен вслед за предисловием под новым названием «Достоевский (В купе)», датирован октябрём 1897 года. К нему примыкает еще один рассказ «Раскольников», датированный ноябрём того же года. Ранее этот рассказ также был напечатан в журнале «Северный Вестник» в 10 номере за 1897 год в разделе «Литературные заметки» с подзаголовком «У Палкина». В этом рассказе, написанном

Волынским в той же диалогической манере, обсуждается вопрос о душе Раскольникова. Один из персонажей говорит: «Он героем хотел сделаться, – понимаете, не подвижником-протестантом, а героем, в самоновейшем смысле этого слова. Тут, за много лет, теориями Ницше веет, а не тургеневской “Новью”. Достоевский, как никто другой, опередил свою эпоху и дал образчик чистейшего русского демонизма, который он измерил до глубины» [12, с. 182–183]. Позднее оба эти рассказа будут еще несколько раз занимать главенствующее положение в книгах статей А. Волынского.

В книге «Достоевский» (издания 1906, 1909 гг.) оба рассказа составят отдельный раздел «Преступление и наказание» [13] и будут предшествовать критическим статьям. В книге А. Волынского «Жизнь Леонардо да Винчи» [14] такими вставными новеллами являются «Монологи Старого Энтузиаста», «Кошмары», «Письмо Старого Энтузиаста». Прием смешения здесь художественного и дидактического (научно-биографического, эстетического) повествования оказывается сплошной нумерацией глав. Две первых новеллы объединены в раздел «Интермеццо» и обозначены как третья и четвертая главы в общем содержании книги. «Письмо Старого Энтузиаста» вошло в главу «Демоническое искусство» и обозначено как девятая глава. В ранее опубликованном журнальном варианте глава «Монологи Старого Энтузиаста» открывала цикл статей о Леонардо да Винчи и была напечатана сразу после рассказа «В купе». Первоначально она называлась «В поисках за Леонардо да Винчи» [10]. На границе двух новелл находилось значимое упоминание цели русского путешественника: «Он ехал в Вену, чтобы оттуда проехать в малокультурную, бесправную провинцию, через Киев, где он хотел видеть борьбу византийских и простонародных начал в церковной живописи талантливых русских художников» [10, с. 178]. Истинное значение этой фразы мы узнаем из книги «Что такое идеализм?» (1922), для которой Волынский отредактировал свою статью, написанную в ноябре 1902 года, и снабдил ее предисловием под названием «Оранта», в котором отметил, что в немецком издании этой книги ее обложка украшена репродукцией Оранты из абсиды Киево-Софийского собора, и сокрушался, что нет возможности сделать такую же обложку в условиях современной русской жизни: «Символическая Богоматерь, предстательница перед трибуналом Всевышнего, с простертыми вверх руками, возносит молитву о спасении человечества от маразма гниения на скорбном пути его истории» [15, с. 4].

Первая новелла «В поисках за Леонардо да Винчи» (Монологи Старого Энтузиаста), как мы уже отмечали, создает впечатление беллетристического повествования, хотя характерные черты персонажей в ней намечены. Во второй новелле

«В поисках за Леонардо да Винчи. набросок второй» (Кошмары) индивидуальные черты персонажей: юноши и старика – уподобляются рисунку Пьетро Перуджино «Шесть апостолов», формируя художественный эффект ожившей картины:

«Но вот эти черты уже покрываются легким дымом, теряют краски, юноша приобретает подвижность и оживление, как в горячей беседе. Он повернул голову и, убеждая стоящего рядом с ним старика, мечтательно простер и раскрыл правую руку, а левою поддерживает мягкие складки верхнего плаща. Он стоит в группе молодых людей, но лицо его, тихое и покорное, обращено только к старику, который слушает его с доверием, в устойчивой позе, передающей сильную энергетическую натуру. Кажется, что думают они различно, но старик постигает душевную правоту и красоту своего собеседника. <...> Юноша и старик ведут разговор духом, и каждый из них, по-своему, оправдывает свои слова ценою всей жизни. И при этом никакого кричащего контраста или банально-исступленного вдохновения» [16, с. 199].

И если в первой и второй части «В поисках за Леонардо да Винчи» автором выстраиваются оппозиции: «Возрождение» – «Предвозрождение», «демонический идеал» – «старое богопонимание, близкое человеческой душе», то буквально через два года ситуация радикально изменится. После поездки Волинского на Афон в 1900 году эта оппозиция пройдет по Рубикону реалистических форм европейского Возрождения и духовности византийской иконописи.

Итак, в художественных рассказах Волинского, внешне напоминающих беллетристику с элементами научно-критической работы, на самом деле мы имеем дело с диалогами идей, подобных платоновским диалогам, в которых речь идет о поиске идеала красоты. Следовательно, обращаясь к этим текстам, мы не можем слово одного из персонажей приписывать автору, и даже известная маска «Старый Энтузиаст», которую Волинский будет примерять еще неоднократно в течение жизни, должна вызывать у исследователей настороженность, не попадаем ли мы в ловушки его мистификаций.

Влияние византийских идей на развитие новейшей русской литературы оказывается в центре внимания Волинского не только как литературного критика, но и как цивилиста, продолжившего свои исследования на материале искусства и литературы. Волинский пристально, как под микроскопом, изучает корни идей, которые вступают между собой в столкновение в романах Достоевского и приходит к выводу, что часть их них это не современные идеи, и даже не совсем русские. «Эти идеи – византийские идеи» [8, с. LXV]. Носителем этих идей выступает Зосима. «Особое напряжение» этих идей Волинский переносит на «литературную личность» самого Достоевского и делает

обобщающий вывод: «На византийской почве русский человек, даже самый сильный и величайший, всегда кажется напряженным» [8, с. LXV]. Эти характеристики, на первый взгляд, экстравагантные, не были легковесными красивыми словами. На поверхности критической статьи оказалась видимой только часть огромного айсберга научных поисков и художественных интуиций Волинского, его личных драм, которые еще только предстоит собрать воедино. В статье «Что такое идеализм?» Волинский уравнивает понятия идеального подобия и иконографического подобия. В истории европейской живописи он выделяет «две могучих, совершенно различных струи. С одной стороны, великое и совершенное в своих реальных формах искусство итальянского ренессанса – искусство, типичное в известной эпохе для целой Европы, – с другой стороны, так называемая византийская иконография, с изумительными мозаиками Равенны, Константинополя, Рима, Сицилии, Синая, с особым отделом ее на Афоне, с поблекшею, но все еще вдохновенною живописью гениального Панселина, с дивными миниатюрами Россанского Евангелия, греческих Четвы-Миней Василия II, Симеона Метафраста и прочих, наконец, с поразительным вариантом греко-византийского творчества в области русской иконописи. Обе эти струи в своем историческом развитии дошли до последних вершин своего художественного выражения, и сопоставление их окончательно выясняет нам, чем может быть и чем должно быть настоящее идеалистическое искусство» [8, с. XXXI].

Великую разрушительно-обновительную силу Волинский видит в византийском изображении «Тайной Вечери», с реалистической точки зрения наивной, но в символическом отношении превосходной. Для него важен идеальный огонь в изображении этого первого причастия евхаристическим хлебом и вином. По сравнению с этим огнем светская концепция «Тайной Вечери» намного слабее: «Христос Леонардо да Винчи пассивен, бессилён в своей душевности, Христос в византийских «Вечерях» воплощает собой деятельный религиозный пафос обновляющегося человечества» [8, с. XXXI].

Признавая значение основного принципа византийского искусства – изображать мир в его метафизических подобиях, – Волинский видит его принципиальный изъян, не позволяющий ему сделаться благодатною силою жизни, называя его мертвящим началом: это «сплав христианской идеологии и греко-римского обожания всякой земной силы и мощи. Это юриспруденция императорского Рима, перенесенная в область религиозно-метафизических идей. Это система неподвижных и непреклонных канонов» [8, с. XXXIX].

Волинский считает, что развернутые в византийской иконографии идеальные подобия человечества были «заражены духом державности, за-

стыли в каком-то напряжении, которое мешало и мешает им войти оплодотворяющей силою в живую работу европейского творчества» [8, с. XL]. Именно к этому качеству византийских идей апеллирует Волынский, говоря о Достоевском, который при всей силе своего гения и при всей силе своего национального русского письма, «не побеждает в читателе, в свободном читателе, ощущения контраста между русскою духовностью и тою метафизически-сложною византийскою духовностью, влиянию которой он сам подпал и которую он, Достоевский, так страстно хотел бы претворить в русскую жизнь» [8, с. LXV].

Тем не менее, Волынский считает, что Достоевский – при всем величии его – только предтеча будущего искусства: «Но русская жизнь, призванная к своим задачам, великая в своих народных чертах и национальных возможностях, всегда стремилась и будет стремиться принять свой собственный иконографический пошиб, вознестись к Богу в формах своей собственной индивидуальности» [8, с. LXIII].

Многие из данных тезисов (значение идеального огня и отторжение канона) не могут быть поняты без одного из значимых глубоко интимных текстов Акима Волынского, который принято называть письмом митрополиту Антонию Вадковскому [17, с. 2]. В этом письме, позже опубликованном в качестве статьи, Волынский писал: «...окружающие меня монахи, которым угодно было заглядывать в мою душу и беседовать со мною на разные богословские темы, не переставали говорить мне, что хотя я духом крещен, но все-таки я еврей, а не христианин, потому что не крещен водою. Даже в последнюю незабвенную для меня ночь, которую я должен был провести на пристани Дафна, сопровождавший меня монах в течение нескольких часов старался доказать мне, что все мои искания, волнения и томления, все мое внутреннее, сердечное касание к Христу и христианству должны пропасть даром, потому что я не могу и не хочу принять крещения. Я спорил с этим благодушным монахом чуть не до слез, приводил все возможные доводы в защиту того, что дело не во внешнем обряде, что все дело в строе души, мыслей и верований, но он был непреклонен и не пролил в мою душу ни одного теплого слова. Он бил меня догматами, которые, при ограниченности его собственных логических средств и узкости кругозора, превращались в какие-то камни» [18]. Эта обида Волынского лежит в подтексте его рассуждений о византийских идеях, их сложности и напряженности для русского сознания.

Выводы

У Волынского под термином «византизм» скрывается глубокий пласт индивидуальных значений, без раскрытия которых, его оценки произведений как Достоевского, так и Леонардо да Винчи не могут быть поняты в полном объеме. Срав-

нивая болезни общества, которые Достоевский отразил в литературе, с духовными проблемами европейской цивилизации в целом, выраженные Леонардо да Винчи, Волынский пытается найти ответ в рассмотрении противоречий между Ренессансом и Предренессансом, ища в глубине веков ресурс для исцеления «поврежденной души».

В своих беллетристических произведениях Волынский использует художественный способ объективации борьбы идей, генетически восходящий к философским платоновским диалогам и литературно ориентированный на поэтику как Достоевского, так и Чехова. Основные его герои, протагонисты сталкивающихся идей русского «византизма» и европейской поствозрожденческой культуры, оказываются не столько непримиримыми, сколько слабо различимыми, малодифференцированными позициями внутри декадентского пути развития русской литературы и культуры. Однако Волынский делает вывод о корне «повреждения» европейской души, и видит ее в позиции Леонардо да Винчи и европейского ренессанса, внесшего «человеческое» в сферу сакрального, духовного. Значение культурологического, цивилизационного анализа усиливается в наше время, когда деградация европейской культуры, более пятисот лет идущей по пути гипертрофии «поврежденной души», сталкивается в очередной раз с почти чужими, тяжелыми для русского сознания, но неизбежно воскресающими в нем, идеями «византизма».

Литература

1. Русская литература XX века. 1890–1910 ; под ред. проф. С. Венгерова. – М. : Мир, 1914.
2. Памяти Акима Львовича Волынского : сборник / под ред. П. Н. Медведева. – Л. : ВСП, 1928. – 93 с.
3. Толстая, Е. Д. Бедный рыцарь. Интеллектуальное странствие Акима Волынского / Е. Д. Толстая. – М. : Мосты культуры, 2013.
4. Котельников, В. А. Русский Агасфер: Аким Волынский как мыслитель и критик культуры / В. А. Котельников. – М. : Владимир Даль, 2023.
5. Волынский, А. Л. Книга ликований : азбука классического танца / А. Л. Волынский ; подг. текста, вступ. ст. и коммент. В. Гаевского. – М. : Артист. Режиссер. Театр, 1992. – 297 с.
6. Волынский, А. Л. Библия в русской поэзии / А. Л. Волынский // Восход. – 1887. – № 7. – С. 34–48.
7. Волынский, А. Л. Библия в русской поэзии / А. Л. Волынский // Восход. – 1887. – № 8. – С. 31–47.
8. Волынский, А. ... «Книга великого гнева»: Критические статьи. Заметки. Полемика / А. Волынский. – СПб. : Труд, 1904. – VIII, LXXVIII. – 524 с.

9. Андерс-Саломэ, Лу. Амор. Романтический набросок / Лу Андерс-Саломэ, А. Волынский // Северный вестник. – 1897. – № 9. – С. 1–6.
10. Волынский, А. В купе / А. Волынский // Северный вестник. – 1897. – № 9. – С. 174–178.
11. Толстая, Е. Мирпослеконца : работа о русской литературе XX в. / Е. Толстая. – М. : РГГУ, 2002. – 509 с.
12. Волынский, А. У Палкина / А. Волынский // Северный вестник. – 1897. – № 10. – С. 182–183.
13. Волынский, А. Достоевский (Преступление и наказание. Красота. Трагедия красоты («Идиот»). Настасья Филипповна. Князь Мышкин и проч.) / А. Волынский. – СПб. : Энергия, 1906. – 501 с.
14. Волынский, А. Л. Леонардо-да-Винчи / А. Л. Волынский. – Киев. тип. С. В. Кульженко, 1909. – XIV; 498 с.
15. Волынский, А. Л. Что такое идеализм / А. Л. Волынский. – Петербург : Парфенон, 1922. – 64 с.
16. Волынский, А. В поисках за Леонардо да Винчи. Набросок второй / А. Волынский // Северный Вестник. – 1897. – № 10. – С. 193–225.
17. «Еврейство и христианство». Письмо писателя А. Л. Волынского к митрополиту Антонию // Свободное слово (Вильно). – 1906. – № 69. – 8 августа. – С. 2.
18. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 95. Волынский (Флексер) Аким Львович, оп. 1, дело № 174 «Письмо писателя А.Л. Волынского к митрополиту Антонию».

Шалыгина Ольга Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры второго иностранного языка и методики преподавания иностранных языков, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых (Владимир), e-mail: shalygina@imli.ru. ORCID 0000-0001-5386-007X

Поступила в редакцию 5 сентября 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh250412

PLATONIC DIALOGUE IN THE MONOLOGUES OF AN OLD ENTHUSIAST BY AKIM VOLYNSKY

O. V. Shalygina

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation

This article studies the poetics of the literary critic and philosopher Akim Volynsky, who employs the technique of Platonic dialogue in his critical and artistic criticism articles. The scholarly issue is that Volynsky is primarily regarded as a critic rather than a philosopher, thus the dialogical element in his writing is overlooked, leading to the misinterpretation of meaning. The main protagonists of the ideas that he will develop throughout his life are first introduced in his *Monologues of an Old Enthusiast*. It is crucial to consider how these characters of protagonists evolve in various writings of Volynsky and how they maintain their original meanings or undergo transformation under the influence of other ideas. The analysis helps identify a durable, unchanging core of ideas presented in a dialogical form in Volynsky's works over a thirty-year period. For example, the standpoint of Volynsky, as a Jewish writer, has been established in foreign literary studies. His commitment to the ideas of the early Renaissance (the so-called Byzantism), however, leads him to a complex dialogue with Orthodoxy and an analysis of the theme of the "damage" to the soul of European man, as well as various art forms associated with this process.

Keywords: Akim Volynsky, Platonic dialogue, Byzantism, Leonardo da Vinci, Dostoevsky.

References

1. Russkaya literatura XX veka. 1890–1910 [Russian Literature of the 20th Century. 1890–1910]; pod red. prof. S. Vengerova. Moscow: World, 1914.
2. Pamyati Akima L'vovicha Volynskogo [In Memory of A.L. Volynsky Collection]; pod red. P.N. Medvedeva. Leningrad: All-Russian Union of Writers, Leningrad branch publishing, 1928. 93 p.

3. Tolstaya E.D. Bednyy rytsar'. Intellektual'noe stranstvie Akima Volynskogo [Poor Knight. Akim Volynsky's Intellectual Journey]. Moscow: Bridges of cultures, 2013.
4. Kotel'nikov V.A. Russkiy Agasfer: Akim Volynskiy kak myslitel' i kritik kul'tury [Russian Agasfer: Akim Volynsky as a Thinker and Critic of Culture]. Moscow: Vladimir Dal, 2023.
5. Volynskiy A.L. Kniga likovaniy: Azbuka klassicheskogo tantsa [The Book of Exultation: The Alphabet of classical dance]; podg. teksta, vst. statya i kom. V. Gaevsky. Moscow: Artist. Director. Theatre, 1992. 297 p.
6. Volynskiy A.L. Bibliya v russkoy poezii [The Bible in Russian poetry] // *Voskhod*. 1887. № 7. P. 34–48.
7. Volynskiy A.L. Bibliya v russkoy poezii [The Bible in Russian poetry] // *Voskhod*. 1887. № 8. P. 31–47.
8. Volynskiy A. ... "Kniga velikogo gneva": Kriticheskie stat'ya. Zametki. Polemika ["The Book of Great Wrath": Critical Articles. Notes. The Controversy]. Saint Petersburg: Trud, 1904. VIII, LXXVIII. 524 p.
9. Anders-Salome Lu, Volynskiy A. Amor. Romanticheskij nabrosok [Amor. A romantic sketch] // *Severnny vestnik*. 1897. № 9. P. 1–6.
10. Volynskiy A.V kupe [In Abteil] // *Severnny vestnik*. 1897. № 9. P. 174–178.
11. Tolstaya E. Mirposlekontsa: rabota o russkoy literature XX v. [TheWorldAftertheEnd: A Work on Twentieth-Century Russian Literature]. Moscow: RSHU publishing, 2002. 509 p.
12. Volynskiy A. U Palkina [At the Palkin] // *Severnny vestnik*. 1897. № 10. P. 182–183.
13. Volynskiy A. Dostoevskiy (Prestuplenie i nakazanie. Krasota. Tragediya krasoty ("Idiot"). Nastas'ya Filippovna. Knyaz' Myshkin i proch.) [Dostoevsky ("Crime and punishment". Beauty. The tragedy of beauty ("Idiot"). Nastasia Filippovna. Prince Myshkin, etc.)]. Saint Petersburg: Energy, 1906. 501 p.
14. Volynskiy A.L. Leonardo-da-Vinchi [Leonardo da Vinci]. Kiev: S.V. Kul'zhenko publishing, 1909. P. XIV. 498.
15. Volynskiy A.L. Chto takoe idealism? [What is Idealism?]. Peterburg: Parfenon, 1922. 64 p.
16. Volynskiy A. V poiskakh za Leonardo da Vinchi. Nabrosok vtoroy [In Search of Leonardo da Vinci. The Second Sketch] // *Severnny vestnik*. 1897. № 10. P. 193–225.
17. "Evreystvo i khristianstvo". Pis'mo pisatelya A.L. Volynskogo k mitropolitu Antoniuyu ["Judaism and Christianity". A Letter from the Writer A.L. Volynsky to Metropolitan Anthony] // *Svobodnoe slovo (Vil'no)*. 1906. № 69. August 8. P. 2.
18. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva (RGALI) [Russian State Archive of Literature and Art (RSALA)]. F. 95 Volynskiy (Flekser) Akim L'vovich, reg. 1, case no 174 Pis'mo pisatelya A.L. Volynskogo k mitropolitu Antoniuyu [Letter of the Writer A.L. Volynsky to Metropolitan Anthony].

Olga V. Shalygina – D. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Second Foreign Language and Methods of Teaching Foreign Languages, Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs (Vladimir), e-mail: shalygina@imli.ru

Received September 5, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Шалыгина, О. В. Платоновский диалог в «Монологам старого энтузиаста» Акима Вольнского / О. В. Шалыгина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 100–106. DOI: 10.14529/ssh250412

FOR CITATION

Shalygina O. V. Platonic dialogue in the *Monologues of an Old Enthusiast* by Akim Volynskiy. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 100–106. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250412

Рецензии

УДК 016

DOI: 10.14529/ssh250413

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «ЗАПАРИЙ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ. БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК» (ЕКАТЕРИНБУРГ, 2023)

М. И. Мирошниченко¹, В. А. Журавлева², Н. П. Палецких³

¹Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

²Южно-Уральский государственный университет, филиал в г. Златоусте, Российская Федерация

³Южно-Уральский государственный аграрный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Рецензия написана на монобиблиографическое издание (биобиблиографический справочник), посвященное научному наследию и событиям творческой жизни историка В. В. Запария, а также его административной работе и деятельности на стезе научного руководства аспирантами. В научно-справочном издании впервые в систематизированном виде представлены узловые этапы научной биографии известного российского и уральского историка; охарактеризованы основные направления его научной, административной и более чем 45-летней преподавательской деятельности. Показано участие в работе научных и других профессиональных сообществ; приведена представляющая интерес для биографики информация о формах повышения квалификации; об участии в грантах; научном руководстве, оппонировании и рецензировании докторских и кандидатских диссертаций; о рецензировании монографий, документальных сборников, сборников статей и т. п. Творческое наследие ученого систематизировано по типам научных трудов, расположенных в хронологическом порядке. Содержательный анализ библиографии научных и методических трудов, перечня читаемых в различных вузах г. Екатеринбурга курсов и дисциплин показывает спектр познавательного интереса ученого; обзор текстов поздравлений дает возможность оценить широту его деловых связей, далеко выходящих за привычный круг традиционных коммуникаций коллективов историков.

Ключевые слова: биобиблиография, биобиблиографический справочник, биографики, новая биографическая история, историография.

Биобиблиография является относительно новым направлением библиографической науки. Однако уже сейчас биобиблиографические обзоры, очерки, статьи, как и биобиблиографические указатели, словари и справочники не только становятся важным научно-вспомогательным ресурсом, но и представляют интерес как самостоятельные историографические публикации. Библиографы отмечают «бум» на составление биобиблиографических словарей, начавшийся в России с конца XX в. [1, с. 225].

Рецензируемое монобиблиографическое издание посвящено творческой научной деятельности и биографии известного российского историка из Екатеринбурга Владимира Васильевича Запария, его публикационной активности и трудам об этом замечательном исследователе.

Публикация биобиблиографических материалов самостоятельных изданий (указателей, справочников и т. п.) стала уже хорошей традицией на Урале [2–5]. Издаются даже целые серии, к примеру, серия «Академия культуры и искусств: ведущие ученые, педагоги, творцы», выпущенная Челябинской государственной академией культуры и искусств. Биобиблиографика, будучи своеобраз-

ным аспектом социокультурного измерения истории, выполняет важную науковедческую задачу, и ее значение возрастает в современных условиях, когда прекратилась практика обязательной рассылки каждого печатного издания даже в центральные библиотеки региональных библиотечных сетей.

Рецензируемая работа состоит из четырех смысловых частей, включающих в себя «Биографическую справку»; «Библиографический указатель трудов» (расположенных по хронологическому признаку – по времени их выхода в свет); раздел «Публикации о В. В. Запарии и его работах», «Приложения».

В «Биографической справке» представлена научная биография ученого, содержится информация о его профессиональном пути, о государственных наградах и наградах от общественных организаций. Обзор приведенных основных поздравлений, полученных ученым к его юбилею, дает возможность оценить широту деловых связей В. В. Запария, далеко выходящих за привычный круг коммуникаций профессионального исторического сообщества. Включенные сюда же три статьи о научной, организаторской и преподаватель-

ской деятельности В. В. Запария позволяют читателю по-иному оценить вклад ученого в историческую науку.

Отметим, что в обыденном общественном сознании В. В. Запарий воспринимается обычно как исследователь истории тяжелой промышленности, в первую очередь, черной металлургии. Но преподавателям высших учебных заведений крайне интересна и библиография его трудов в области истории экономики в целом, и его биографические и историографические исследования, и его методические разработки. Как свидетелей (и объектов) череды трансформаций высшей школы России в последние четверть века нас привлекает и его взгляд на процесс и поэтапные итоги реформирования уральских вузов. Научная, административная и учебно-преподавательская работа во многих вузах Екатеринбурга: в Уральском политехническом университете-Уральском государственном техническом университете-Уральском федеральном университете имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, а также в Уральской государственной консерватории им. М. П. Мусоргского, в Уральском институте коммерции и бизнеса, в Уральской государственной медицинской академии-Уральском государственном медицинском университете, в первом в России негосударственном вузе – Гуманитарном университете, в Екатеринбургской академии современного искусства, в Уральском экономическом колледже и др., – позволяет В. В. Запарию судить об этом не голословно.

Авторы материалов о В. В. Запарии отмечают его вклад в разные сферы деятельности: в научно-исследовательскую, учебно-методическую, административно-организаторскую, научно-образовательную, просветительскую и общественно-политическую. Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории международных отношений УрФУ В. Д. Камынин приводит данные о том, что творческое наследие В. В. Запария к 2023 г. составило свыше 1100 научных публикаций (в том числе 145 монографий, учебников и учебных пособий), и совершенно справедливо указывает, что В. В. Запарий является «признанным специалистом в области изучения экономической истории и международного движения за сохранение индустриального наследия» [6, с. 27–30]. С 2003 г. В. В. Запарий представляет Российскую Федерацию в Международном комитете по сохранению индустриального наследия.

В. Д. Камынин отметил, что В. В. Запарий известен и как методолог, занимавшийся модернизационным подходом, активно разрабатывавшимся в Институте истории и археологии УрО РАН [6, с. 28–29]. Его понимание отдельных модернизаций стало фактором, впоследствии способствовавшим становлению новых представлений о формировании исторической среды, вызывавшей ряд субмо-

дернизаций во всеобъемлющем процессе инновационных мероприятий.

В. В. Запарий внес значительный вклад в исследование черной металлургии Урала в 1990-е гг., выделив три этапа в ее развитии. Совместно с Б. В. Личманом и С. А. Нефедовым он разрабатывал методологические проблемы технологической интерпретации отечественной истории [6, с. 27–30].

Имея огромный преподавательский опыт, В. В. Запарий стал одним из авторов вузовских учебников по истории России, основанных на многоконцептуальном подходе.

Изучение перечня монографий, учебников и учебных пособий, препринтов (за 40 лет, начиная с 1983 г.), научных статей и методических разработок (с 1972 г.), приведенного в «Библиографическом указателе трудов», позволяет проследить крайне интересную и чрезвычайно познавательную с точки зрения истории ментальностей эволюцию исследовательских подходов в трудах ученого. И именно в этом отношении потенциал биобиблиографики как социокультурного измерения истории в полной мере реализуется на практике. Анализ публикационной активности показывает, что опора на когнитивный потенциал различных методологических подходов и интерпретация (сквозь призму их понятийных аппаратов) извлеченного из широкого круга источников фактологического материала в конечном итоге привела к реконструкции различествующих граней исторической реальности, обеспечивая необходимую всесторонность. Способствуя преодолению определенной ограниченности, которая неизбежно возникает при применении в гуманитарных науках какой бы то ни было, но одной-единственной теоретико-методологической основы, это обстоятельство позволяет читателям при знакомстве с работами В. В. Запария самостоятельно сравнить достоинства и недостатки тех или иных теоретических воззрений как основы воссоздания картины нашего прошлого.

Доктор технических наук, профессор кафедры металловедения УрФУ М. А. Филиппов особо выделяет организаторские качества В. В. Запария как одного из руководителей, сыгравших «ключевую роль в преобразовании технического университета в один из ведущих федеральных университетов страны» [7, с. 42]. В 1999 г. В. В. Запарий был избран деканом гуманитарного факультета Уральского государственного технического университета и в течение 17 лет возглавлял кафедру истории науки и техники. С 2016 г. он стал председателем Свердловской областной ассоциации преподавателей истории в вузах России, с 2022 г. – главным редактором журнала «История и современное мировоззрение».

С. Г. Кашенко, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России Института истории Санкт-

Петербургского государственного университета, уделил внимание вкладу В. В. Запария в разработку истории отдельных предприятий, биографических очерков уральских инженеров и организаторов производства. Указывая, что научная известность В. В. Запария вышла за пределы России (его труды опубликованы в странах СНГ, в Испании, Италии, Китае, Франции, ФРГ, Чехии, Японии), С. Г. Кащенко считает, что научное наследие ученого настолько велико, что «в отечественной исторической науке его размерам трудно найти аналоги» [8, с. 44].

В рецензируемом издании подробно рассматривается чтение курсов, дисциплин В. В. Запария; его членство в научных и других профессиональных сообществах; участие в грантах (с 1996 г.) и научном редактировании (также с 1996 г.), в рецензировании исторических исследований, в подготовке и переподготовке кадров высшей квалификации и проч.

Достоин внимания раздел, в котором приведены публикации о В. В. Запарии и его работах. Размещенные в нем материалы отражают реакцию научного (в первую очередь, профессионального исторического) и студенческого сообществ с начала 2000-х гг. Отклики об исследованиях В. В. Запария появлялись и в центральных журналах («Отечественная история»), и в центральных справочных изданиях, и в периодических изданиях Уральского края и других регионов.

Рецензируемую работу дополняют четыре приложения, в которых приводится важная информация об участии В. В. Запария в конференциях (с 1981 г.); о его работе в оргкомитетах конференций (с 1996 г.); о публикациях в рецензируемых базах данных «Scopus» и «WoS», а также о награждении В. В. Запария в 2022 г. в числе других номинантов за историко-металловедческое исследование брони уральских танков периода Великой Отечественной войны как объектов индустриальной культуры «Премией памяти митрополита Московского и Коломенского Макария».

Соотношение пропорций биографической и библиографической частей сдвинуто в сторону библиографической составляющей, но было бы интересно во втором издании увидеть расширенную биографическую часть, возможно, дополненную воспоминаниями коллег, друзей, родных, как это сделано в ряде изданий [9, с. 182–192; 5, с. 26–28], или краткую биографию [3, с. 5–6], или, по крайней мере, раздел «Основные даты жизни и деятельности» [10, с. 5–7]. Хотелось бы высказать еще несколько рекомендаций. Было бы полезным следующее издание дополнить разделом, в котором данные об опубликованных трудах располагались бы и по проблемному принципу. Рядом с названиями статей, опубликованных на иностранных языках, желательно видеть русские переводы. На наш взгляд, разделы «Чтение курсов» и

«Чтение курсов в других учебных заведениях» можно было бы либо объединить, либо поставить один после другого, приложить список сокращений. Затем было бы интересным специальное освещение круга общения, пусть и в самой простой форме – в виде перечня хотя бы основной части ученых, с которыми осуществлялись научные контакты. Книга, несомненно, выиграла бы, если бы был включен (как это сделано в некоторых изданиях подобного рода [9, с. 193]) фотографический материал.

Было бы интересно увидеть в списке трудов В. В. Запария антологию его трудов, в издании которой мы пожелаем ученому успехов в будущем (в формате «Собрания сочинений» или хотя бы «Избранных сочинений»), возможно, в виде серии «Труды ведущих историков Уральского региона», где бы каждый том посвящался творческому наследию одного или нескольких историков, работавших на Урале (или для начала на Среднем Урале). Это было бы важным не только ввиду отмены обязательного получения региональными библиотеками печатных сборников научных статей, сборников материалов конференций и научных журналов, публикуемых в разных вузах страны, вследствие чего многие работы, несмотря на цифровизацию, по-прежнему остаются малодоступными, но и в аспекте историографического обеспечения решения как общих, так и конкретных историко-научоведческих проблем.

Время определяло задачи, и время же показало, что В. В. Запарий сообразно и результативно отвечал на вызовы времени.

Литература

1. Теплицкая, А. В. Биобиблиография / А. В. Теплицкая // Библиотечная энциклопедия. – М. : Пашков дом, 2007. – С. 225–226.
2. Зданович Геннадий Борисович : к 70-летию со дня рождения : научно-вспомогательный биобиблиографический указатель. – Челябинск : ЧелГУ, 2008. 46 с.
3. Личман Борис Васильевич (1946–2020) : биобиблиографический справочник / сост. : В. В. Запарий, В. Д. Камынин, Л. Н. Мартюшов, В. П. Мотревич, С. А. Нефедов, А. В. Сперанский, Г. Н. Шапошников. – Екатеринбург : Копирус, 2002. – 54 с.
4. Плотников Иван Федорович : биобиблиографический указатель : (к 80-летию со дня рождения). – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2005. – 164 с.
5. Худобородов Александр Леонидович : биобиблиографический указатель / отв. ред. А. В. Худобородов. – Челябинск : Край Ра, 2020. – 64 с.
6. Камынин, В. Д. Профессор В. В. Запарий – исследователь и организатор науки / В. Д. Камынин // Запарий Владимир Васильевич : биобиблиографический справочник ; авт.-сост. Е. В. Зайцева, В. Д. Камынин,

В. П. Мотревич, С. А. Нефедов, Г. Н. Шапошников. – Екатеринбург : Изд. отдел УрГПУ, 2023. – С. 27–41.

7. Филиппов, М. А. Профессор Запарий В. В. – лучший металлург среди историков науки / М. А. Филиппов // Запарий Владимир Васильевич : биобиблиографический справочник ; авт.-сост. Е. В. Зайцева, В. Д. Камынин, В. П. Мотревич, С. А. Нефедов, Г. Н. Шапошников. – Екатеринбург : Изд. отдел УрГПУ, 2023. – С. 41–43.

8. Кащенко С. Г. К юбилею профессора В. В. Запария / С. Г. Кащенко // Запарий Владимир Васильевич : биобиблиографический спра-

вочник ; авт.-сост. Е. В. Зайцева, В. Д. Камынин, В. П. Мотревич, С. А. Нефедов, Г. Н. Шапошников. – Екатеринбург : Изд. отдел УрГПУ, 2023. – С. 43–46.

9. Рушанин Владимир Яковлевич : биобиблиографический указатель / сост. Г. А. Губанова, И. Ю. Матвеева, Т. Н. Токовая. – Челябинск : ЧГАКИ, 2007. – 207 с.

10. Сулейманова Римма Нугамановна : биобиблиографический указатель / под ред. Р. Н. Сулейманова ; сост. Ш. Н. Исянгулов. – Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. – 48 с.

Мирошниченко Мария Ильинична – доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: mmi74@yandex.ru. ORCID 0000-0003-0545-2359

Журавлева Вера Анатольевна – доктор исторических наук, доцент кафедры социально-правовых и гуманитарных наук, Южно-Уральский государственный университет, филиал в г. Златоусте, e-mail: zhuravlvera@yandex.ru. ORCID 0000-0002-1915-913X

Палецких Надежда Петровна – доктор исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин и русского языка как иностранного, Южно-Уральский государственный аграрный университет (Челябинск), e-mail: palenad@mail.ru. ORCID 0000-0001-5073-7914

Поступила в редакцию 17 февраля 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh250413

REVIEW OF THE BOOK “ZAPARY VLADIMIR VASILIEVICH. BIOBIBLIOGRAPHIC GUIDE” (EKATERINBURG, 2023)

M. I. Miroshnichenko¹, V. A. Zhuravleva², N. P. Paletskikh³

¹South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

²The branch of South Ural State University, Zlatoust, Russian Federation

³South Ural State Agrarian University, Chelyabinsk, Russian Federation

The review covers a mono-biobibliographic publication (biobibliographic guide) dedicated to the scientific legacy and events of the creative life of the historian V. V. Zapary, as well as his administrative work and activities in academic advising post-graduate students. This is the first reference publication that presents the milestones of the academic career of the famous Russian and Ural historian and characterizes the main areas of his scientific, administrative, and teaching activities for more than 45 years. It describes his participation in academic and other professional communities and provides interesting information on the forms of advanced training; participation in grants; academic advising, opponency and review of doctoral and master's theses; reviewing monographs, documentary collections, collected papers, etc. The scientist's creative legacy is systematized according to the types of academic papers arranged chronologically. A careful analysis of the bibliography of academic and methodological works, as well as the list of courses and disciplines taught at various universities in Yekaterinburg reveals the range of the scientist's cognitive interests. A review of congratulatory texts allows assessing the breadth of his professional connections extending far beyond the typical circle of traditional interactions among teams of historians.

Keywords: biobibliography, biobibliographic guide, biography, new biographic history, historiography.

References

1. Teplitskaya A.V. Biobibliografiya [Biobibliography] // *Bibliotchnaya entsiklopediya*. Moscow: Pashkov House, 2007. P. 225–226.

2. Zdanovich Gennadiy Borisovich: [Zdanovich Gennady Borisovich]: k 70-letiyu so dnya rozhdeniya: nauchno-vspomogatel'nyy biobibliograficheskiy ukazatel'. Chelyabinsk: CSU, 2008. 46 p.
3. Lichman Boris Vasil'yevich (1946–2020) [Lichman Boris Vasilievich (1946–2020)]: biobibliograficheskiy spravochnik; sost.: V.V. Zapariy, V.D. Kamynin, L.N. Martyushov, V.P. Motrevich, S.A. Nefedov, A.V. Speranskiy, G.N. Shaposhnikov. Ekaterinburg: Copyrus, 2002. 54 p.
4. Plotnikov Ivan Fedorovich [Plotnikov Ivan Fedorovich]: biobibliograficheskiy ukazatel': (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya). Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2005. 164 p.
5. Khudoborodov Aleksandr Leonidovich [Khudoborodov Alexander Leonidovich]: biobibliograficheskiy ukazatel'; pod red. A.V. Khudoborodov. Chelyabinsk: Krai Ra, 2020. 64 p.
6. Kamynin V.D. Professor V.V. Zapariy – issledovatel' i organizator nauki [Professor V.V. Zapariy – Researcher and Organizer of Science] // *Zapariy Vladimir Vasil'yevich: biobibliograficheskiy spravochnik*; avt.-sost. Y.V. Zaytseva, V.D. Kamynin, V.P. Motrevich, S.A. Nefedov, G.N. Shaposhnikov. Ekaterinburg: Publishing Department of Ural State Pedagogical University, 2023. P. 27–41.
7. Filippov M.A. Professor Zapariy V.V. – luchshiy metallurg sredi istorikov nauki [Professor Zapariy V.V. – the best metallurgist among historians of science] // *Zapariy Vladimir Vasil'yevich: biobibliograficheskiy spravochnik*; avt.-sost. Y.V. Zaytseva, V.D. Kamynin, V.P. Motrevich, S.A. Nefedov, G.N. Shaposhnikov. Ekaterinburg: Publishing Department of Ural State Pedagogical University, 2023. P. 41–43.
8. Kashchenko S.G. K yubileyu professora V.V. Zapariya [To the Anniversary of Professor V.V. Zapariya] // *Zapariy Vladimir Vasil'yevich: biobibliograficheskiy spravochnik*; avt.-sost. Y.V. Zaytseva, V.D. Kamynin, V.P. Motrevich, S.A. Nefedov, G.N. Shaposhnikov. Ekaterinburg: Publishing Department of Ural State Pedagogical University, 2023. P. 43–46.
9. Rushanin Vladimir Yakovlevich [Rushanin Vladimir Yakovlevich]: biobibliograficheskiy ukazatel'; pod red. R.N. Suleymanova; sost. S.N. Isyngulov. Chelyabinsk: CSAKA, 2007. 207 p.
10. Suleymanova Rimma Nugamanovna [Suleymanova Rimma Nugamanovna]: biobibliograficheskiy ukazatel'; pod red. R.N. Suleymanova; sost. S.N. Isyngulov. Ufa: IYAL UC RAS, 2015. 48 p.

Maria I. Miroshnichenko – D. Sc. (History), Associate Professor of the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: mmi74@yandex.ru

Vera A. Zhuravleva – D. Sc. (History), Associate Professor of the Department of Socio-Legal Sciences and Humanities, the branch of South Ural State University (Zlatoust), e-mail: zhuravlvera@yandex.ru

Nadezhda P. Paletskikh – D. Sc. (History), Associate Professor of the Department of Social Sciences, Humanities, and Russian as a Foreign Language, South Ural State Agrarian University (Chelyabinsk), e-mail: palenad@mail.ru

Received February 17, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Мирошниченко, М. И. Рецензия на книгу «Запарий Владимир Васильевич. Биобиблиографический справочник» (Екатеринбург, 2023) / М. И. Мирошниченко, В. А. Журавлева, Н. П. Палецких // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 107–111. DOI: 10.14529/ssh250413

FOR CITATION

Miroshnichenko M. I., Zhuravleva V. A., Paletskikh N. P. Review of the book “Zapary Vladimir Vasilievich. Biobibliographic Guide” (Ekaterinburg, 2023). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 107–111. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250413

СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗДАНИИ

Журнал основан в 2001 году. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57373 выдано 24 марта 2014 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет» (национальный исследовательский университет).

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки), 5.6.3. Археология (исторические науки), 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки), 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации, 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика, 5.10.1. Теория и история культуры, искусства, 5.10.3. Виды искусства (с указанием конкретного искусства).

Журнал включен в Реферативный журнал и базы данных ВИНТИ. Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory».

Подписной индекс 29076 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность выхода — 4 номера в год.

Адрес редакции, 454080, г. Челябинск, ул. С. Кривой, 79, Издательский центр ЮУрГУ, каб. 2.

Адрес издателя: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ

1. В редакцию предоставляется электронная (документ Microsoft Word) версия работы, экспертное заключение о возможности опубликования работы в открытой печати, сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, звание и должность для всех авторов работы, сроки обучения в аспирантуре для аспирантов), контактная информация ответственного за подготовку рукописи (адрес, телефон, e-mail).

2. Структура статьи: УДК, название, список авторов, ORCID (Open Researcher and Contributor ID) каждого автора, аннотация (200—250 слов), список ключевых слов, текст работы, литература (в порядке упоминания, ГОСТ 7.1-2003), сведения об авторах. После текста работы следует название, аннотация, список ключевых слов, список литературы и сведения об авторах на английском языке.

3. Параметры набора. Поля: верхнее — 30, нижнее — 30, левое — 30, правое — 30 мм. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14. Отступ красной строки 0,7 см, интервал между абзацами 0 пт, межстрочный интервал — полупропорционный. Рисунки и схемы должны быть сгруппированы и иметь названия.

4. Адрес редакционной коллегии научного журнала «Вестник ЮУрГУ» серия «Социально-гуманитарные науки»: Россия, 454080, г. Челябинск, пр. им. В. И. Ленина, 76, главный корпус, Южно-Уральский государственный университет, Институт медиа и социально-гуманитарных наук, дирекция ИМСГН, 435/1. Тел./факс (351) 267-90-29. E-mail: shesterkinalp@susul.ru, главный редактор — профессор Шестеркина Людмила Петровна, ответственный секретарь — доцент Салганова Елена Ивановна.

5. Полную версию правил подготовки рукописей и пример оформления можно загрузить с сайта журнала <http://vestnik.susu.ru/humanities>.

6. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ВЕСТНИК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия
«СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»
2025 Том 25, № 4

16+

Главный редактор *Шестеркина Л. П.*
Компьютерная верстка: *Выборнова Л. В.*

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 27.10.2025. Дата выхода в свет 05.11.2025. Формат 60×84 1/8.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 13,02. Тираж 500 экз. Заказ 276/291. Цена свободная.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ. 454080, г. Челябинск, проспект Ленина, 76.